

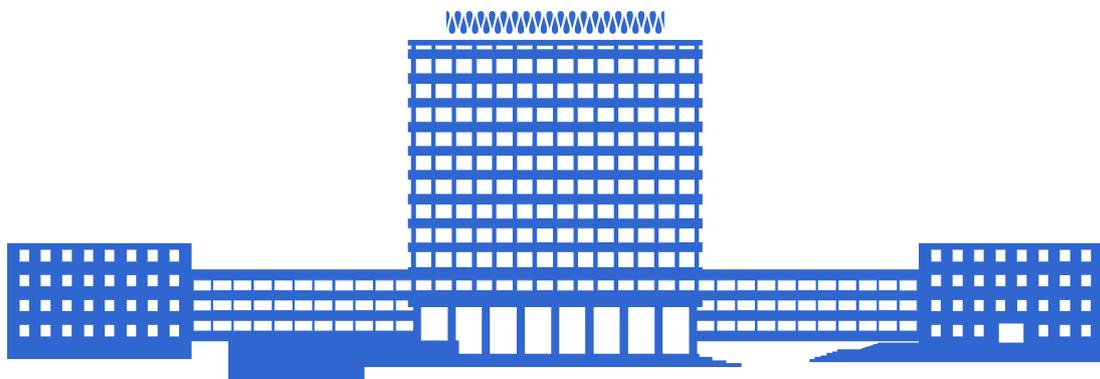
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 18 Выпуск 3 (57) 2022

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДОННУ, 2022. – Т. 18. – Вып. 3 (57). – 124 с.

*Печатается по решению Учёного совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 8 от 30 декабря 2022 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

*Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22*

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 18 Выпуск 3 (57) 2022

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. В. Ленец; д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев;
д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина; д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко;
д. филол. наук, проф. А. В. Петров; д. филол. наук, проф. М. В. Пименова;
д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов; д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик;
д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДОННУ 2022

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 18 Issue 3 (57) 2022

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov; Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova;

Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik;

Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DONNU 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 18, Вып. 3 (57), 2022

Германские языки

<i>Акбаева Ф. Б.</i> Диахронический анализ метафоры в англоязычном массмедийном нутрициональном дискурсе (на материале кулинарных рецептов).....	5
<i>Бессонова О. Л., Еременко-Григоренко Ю. Н.</i> Английские фразеологические единицы с компонентами-цветообозначениями: семантика и лингвокультурологические особенности.....	15
<i>Мохосоева М. Н.</i> Структура семантического поля «Geschmack» (на материале немецкого языка).....	36
<i>Ус Ю. Н.</i> Обозначение изабеллового цвета в немецком языке в историко-этимологическом аспекте.....	47
<i>Филатова Е. В.</i> Синтагматическая структура текста в английском языке.....	55

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Брагина Э. Р.</i> Терминологические стяжения и семантическая конденсация в терминологии кибернетики в английском и русском языках.....	66
<i>Липанова П. К.</i> Семантика каузативных глаголов эмотивного поля <i>страх</i> (на материале немецкого и русского языков).....	77
<i>Черкасова М. Г.</i> Мифонимы в составе психологической терминологии английского и русского языков: структурные особенности.....	94

Перевод

<i>Гапотченко Н. Е.</i> Лингвостилистические особенности перевода публичного обращения президента российской федерации В. В. Путина к нации 30 сентября 2022 года с русского на французский язык.....	107
---	-----

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 18, Issue 3 (57), 2022

Studies in Germanic Languages

<i>Akbayeva F. B.</i> Diachronic Analysis of Metaphor in the English Mass Media Nutritional Discourse (Based on Culinary Recipes).....	5
<i>Bessonova O. L., Eremenko-Grigorenko Y. N.</i> English Phraseological Units with Colour Components: Semantics and Linguocultural Features.....	15
<i>Mokhosoeva M. N.</i> The Structure of «Geschmack» Semantic Field (Based on the German Language).....	36
<i>Us Yu. N.</i> The Designation of the Isabella Colour in German in the Historical and Etymological Aspect.....	47
<i>Filatova E. V.</i> Syntagmatic Structure of the Text in the English Language.....	55

Typological and Contrastive Studies

<i>Bragina E. R.</i> Terminological Contractions and Semantic Condensation in Cyberterminology in English and Russian.....	66
<i>Lipanova P. K.</i> Semantics of Causative Verbs of Fear Emotional Field (Based on German and Russian).....	77
<i>Cherkasova M. G.</i> Psychological Terms-Mythonyms in English and Russian: Structural Features.....	94

Translation

<i>Gapotchenko N. E.</i> Linguistic and Stylistic Features of the Translation of the Russian Federation President V. V. Putin Public Address to the Nation on September 30, 2022, from Russian into French.....	107
---	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81.11-112

© 2022 Ф. Б. Акбаева

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МАССМЕДИЙНОМ НУТРИЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ)

В статье представлен диахронический анализ метафоры в англоязычном массмедийном нутриционном дискурсе, затрагивающем проблему здорового питания. В качестве материала исследования выступают кулинарные рецепты, опубликованные в журналах BBC good food, Cooking light, Delicious, Vegan life за последние 10 лет и размещенные в сети Интернет. Автор подчеркивает значимость метафоры в контексте кулинарных рецептов и выделяет наиболее частотные метафорические модели, а также основные языковые механизмы их реализации в анализируемых текстах.

***Ключевые слова:** англоязычный массмедийный нутриционный дискурс, диахронический анализ, когнитивная метафора, кулинарный рецепт, оценка, речевое воздействие, текст о здоровом питании.*

© 2022 F. B. Akbayeva

DIACHRONIC ANALYSIS OF METAPHOR IN THE ENGLISH MASS MEDIA NUTRITIONAL DISCOURSE (BASED ON CULINARY RECIPES)

The article presents a diachronic analysis of the metaphor in the English-language mass media nutritional discourse concerning the problem of healthy nutrition. The research material is culinary recipes published in the BBC good food, Cooking light, Delicious, Vegan life magazines for the last 10 years and posted on the Internet. The author emphasizes the importance of metaphor in the context of culinary recipes and identifies the most frequent metaphorical models, as well as the main linguistic mechanisms of their implementation in the analyzed texts.

***Key words:** English mass media nutritional discourse, diachronic analysis, cognitive metaphor, culinary recipe, evaluation, speech impact, text on healthy nutrition*

Введение

Средства массовой информации (СМИ) во всем своем разнообразии являются неотъемлемой частью жизни современного социума. Сегодня сложно представить существование человека без СМИ, вне массмедийного пространства, поскольку, так или иначе, мы регулярно имеем дело с огромными потоками информации, транслируемыми по телевидению, в сети Интернет, в печатных и электронных журналах, газетах и т. д. [Добросклонская, 2008; Славкин, 2005 и др.]. Безусловно, весь поток получаемой информации оказывает на реципиента огромное влияние и обуславливает формирование у него взглядов, вкусов, идеалов и ценностей [Литвишко, Милетова, 2019; Цветова, 2018].

Следует сказать, что для достижения максимального эффекта и реализации требуемого воздействия на целевую аудиторию массмедиа применяют широкий диапазон средств вербальной и невербальной природы [Litvishko et al., 2022]. Очевидно, что нас, лингвистов, интересует, прежде всего, вербальная составляющая и языковое воплощение массмедийных текстов.

Сразу отметим, что рассмотрение всего многообразия текстов массмедиа не является выполнимой задачей, поэтому в настоящем исследовании анализу подвергаются массмедийные кулинарные рецепты, опубликованные в тематических электронных и печатных журналах по питанию. Примечательно, что данная категория текстов широко представлена в СМИ, поскольку репрезентирует блюда, служащие образцами правильного здорового питания, столь актуального на сегодняшний день.

Подчеркнем также сложность комплексного рассмотрения всей языковой специфики массмедийного текста и обозначим приоритеты нашего исследования, сводящиеся к изучению феномена когнитивной метафоры и способов ее актуализации в контексте. В связи с этим, целью настоящей статьи является диахронический анализ метафоры в пределах англоязычного массмедийного нутриционального дискурса, репрезентируемого, в том числе, кулинарными рецептами, идентификация рекуррентных моделей метафоры, присутствующих в рецептах на регулярной основе, а также определение основных языковых способов их реализации в рассматриваемом контексте.

В качестве **материала исследования** выступают англоязычные кулинарные рецепты, опубликованные в журналах BBC good food, Cooking light, Delicious, Vegan Life и др. за последние 10 лет (с 2012 г. по 2022 г.) и размещенные на сайтах соответствующих изданий. Анализируемые рецепты, общий объем которых составляет 500 текстов, репрезентируют блюда, относящиеся к категории здорового и правильного питания (низкокалорийные, для особой целевой аудитории – веганы, диабетики и т. д.).

Объектом исследования являются феномен метафоризации, а также наиболее типичные модели метафоры и их частеречные средства вербализации, зафиксированные в пределах печатных и электронных массмедийных кулинарных рецептов за последние 10 лет.

Предметом исследования служат языковые средства манифестации метафорической модели, соответствующей схеме «Здоровое питание – это ... / *Healthy food ... is ...*» и рекуррентно используемой в англоязычных кулинарных рецептах, репрезентирующих идеи и принципы здорового питания.

Теоретические основы исследования

Обозначим далее основные теоретические положения исследования. Прежде всего, отметим ведущую роль и весомость когнитивной теории метафоры, послужившей теоретико-методологической базой исследования.

Согласно постулатам когнитивной теории метафоры, получившей широкое распространение в лингвистике, метафора представляет собой ментальную операцию, способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [Солопова, Чудинов, 2018; Чудинов, 2001; Anikin, Budaev, Chudinov, 2015 и др.]. При этом основу процесса метафоризации обеспечивает взаимодействие двух структур знания, трактуемых как сфера-цель и сфера-источник, сигнификативная и денотативная зоны, донорская и реципиентная зоны [см. в частности: Баранов, 2004; Лакофф, 2004; Чудинов, 2001; Cameron, 1999; Kövecses, 2010 и др.]. Суть подобного взаимодействия сводится к отображению одного концепта посредством другого, формированию новых фрагментов информации на базе уже имеющихся и устоявшихся [Калинин, 2020; Хахалова, 2011; Frank, 2009 и др.].

Разделяя позицию ученых относительно того, что всякая метафора, в том числе, находящая применение в пространстве массмедиа, на прагматическом уровне призвана оказать воздействие на адресата [Глазунова, 2000; Лакофф, 2004; Милетова, Чалая, 2022; Рогова, 2012; Gibbs, Cameron, 2008 и др.], считаем, что именно метафора служит эффективным средством вербализации эмоций и воплощения оценки в том или ином контексте [Милетова, 2014; Милетова, 2020].

Помимо этого, значимыми видятся нам идеи А. П. Чудинова по метафорическому моделированию политического дискурса и схематическое отображение метафоры в виде формулы $X - \text{это } Y$, где X (известный фрагмент информации) аналогичен Y (новый фрагмент информации, опосредованный метафорой), а также мысль о наличии в структуре метафоры метафорического ядра и метафорической периферии. При этом под метафорическим ядром принято понимать элемент метафоры (отдельная лексема или лексическая комбинация), сообщающий на семантическом уровне ключевую информацию, т. е. реализующий в контексте непосредственно значение метафоры, в свою очередь, метафорическая периферия – элементы метафоры, актуализирующие дополнительную информацию, соответственно, расширяющие описание и представление метафорического образа [Чудинов, 2001; Милетова, 2014 и др.].

Настоящее исследование осуществляется с опорой на указанные научные концепции и посвящено феномену метафоры, бытующей в пределах массмедийного

нутриционального дискурса, под которым мы понимаем совокупность устных и письменных текстов, затрагивающих различные аспекты здорового питания и находящих свое применение в массмедийном пространстве, в англоязычных тематических журналах по питанию. Особое внимание в работе уделяется описанию с позиции диахронии метафорически маркированной природы кулинарного рецепта и выявлению регулярно повторяющихся метафорических трансформаций.

Результаты исследования

Анализ фактического языкового материала, включающий 500 англоязычных кулинарных рецептов из электронных и печатных журналов, опубликованных в период с 2012 г. по 2022 г., показал, что, несмотря на эволюцию СМИ, динамичную природу метафоры и языка в целом, в рассматриваемых текстах рекуррентно используется определенный набор моделей метафор, позволяющий ярко и экспрессивно охарактеризовать описываемое блюдо. Нами были выделены 5 метафорических моделей, систематически присутствующих в массмедийных рецептах на протяжении последних 10 лет, а также обозначены основные способы актуализации метафорического значения. Перейдем далее к анализу материала выборки и представим специфику каждой метафорической модели.

Самой распространенной метафорической моделью в выборке, повторяющейся в рецептах на протяжении десяти лет, выступает метафора «*Здоровое питание – это Волшебство / Healthy food is Magic*», продуктивность которой составляет 36% всех случаев метафорических употреблений, например:

(1) *A bowl of pasta with the colours and flavours of autumn-squash, hazelnut and sage work wonders in this hearty recipe* [Delicious].

(2) *The genius trick to this unique turkey tetrazzini is using flavor-packed Cauliflower Salad in the sauce* [Cooking light].

В приведенных примерах, маркированных метафорой, звучит мысль о том, что благодаря тем или иным свойствам ингредиентов, входящих в состав описываемого рецепта, блюдо способно творить чудеса. Очевидно, что автор текста при помощи метафоры стремится подчеркнуть уникальность и неповторимость блюда, обозначить его достоинства и возможную пользу. С точки зрения языка, отмечаем наличие лексических комбинаций «*work wonders / творит чудеса*» и «*genius trick / гениальный трюк*», реализующих на семантическом уровне метафорический перенос «*Здоровое питание – это Волшебство / Healthy food is Magic*». Полагаем, что ключевыми элементами

метафоры, актуализирующими ее ядро, служат лексемы-существительные *wonders, trick*, использование которых дает возможность авторам экспрессивно охарактеризовать блюдо и его особенности.

Вторую позицию по степени частотности в выборке занимает метафорическая модель «*Здоровое питание – это Искусство / Healthy food is Art*» (25% всех метафорических употреблений в выборке), что, на наш взгляд, не является случайностью, поскольку зачастую приготовление блюда рассматривается как искусство, а кулинарное творение, представленное в рецепте, отождествляется с произведением и нередко называется «шедевром». Приведем примеры:

(3) *You need a food processor and a blender for this recipe. It's easier if you prepare each part separately and then put them all together to create a masterpiece* [Vegan life].

(4) *Make your next family dinner a work of art! These spicy tostadas are safe to serve to even the pickiest of eaters* [Cooking light].

Здесь фиксируем употребление метафорической модели «*Здоровое питание – это Искусство / Healthy food is Art*», в соответствии с которой, конечным результатом кулинарных стараний адресата станет «создание шедевра» (пример 3), сотворение «произведения искусства» (пример 4). Очевидно, что метафоричность анализируемых контекстов носит преднамеренный характер, поскольку таким образом автор рецепта привлекает внимание целевой аудитории к конкретному блюду и, стремясь выделить его из множества других, дает емкую и однозначную оценку. Безусловно, значение метафоры вербализуют имена существительные «*masterpiece / шедевр*» и «*work of art / произведение искусства*», сообщающие ключевую информацию о предмете обсуждения, т. е. репрезентирующие собой ядерную область метафоры.

Не менее значимой и интересной с точки зрения лингвистического анализа выступает метафорическая модель «*Здоровое питание – это Сокровище / Healthy food is Treasure*» (19% всех метафорических употреблений в выборке), которая, аналогично предыдущей модели, является экспрессивным средством оценки уникальной природы описываемого блюда, актуализирующим отношение автора к данному кулинарному творению. Примечательно, что в рассматриваемой модели метафоры для номинации и практической реализации аналогии между концептами используются определенные единицы языка, преимущественно существительные, относящиеся к семантическому полю «Сокровища», например, названия драгоценных изделий, материал изготовления и т. д. (*pearl, jewellery, gold, precious stone, etc.*). Приведем примеры:

(5) *These heart-shaped jewels will make you swoon whether blended into hummus, mashed into falafel, or baked like croutons* [Cooking light].

(6) *Aubergine is the **pearl** in this celebration of late summer. Sicily's iconic pasta dish is deliciously simple ...* [Delicious].

В представленных фрагментах кулинарных рецептов отмечаем наличие лексем-существительных «*jewels / драгоценные камни*», «*pearl / жемчуг*», посредством которых в рассматриваемом тексте актуализируется метафора, а вместе с ней и яркая аналогия между ингредиентами, блюдом и драгоценными изделиями. На наш взгляд, столь высокая оценка описываемого блюда и входящих в его состав продуктов неслучайна, поскольку отражает замысел автора и его нацеленность на адресата и его психологическое состояние. Помимо этого, обращаем внимание на употребление прилагательного «*heart-shaped / сердцевидной формы*», характеризующего внешний вид и форму ингредиента и придающего экспрессию всему контексту.

Следующей метафорической моделью, активно используемой авторами массмедийных кулинарных рецептов за последние 10 лет, является перенос **Здоровое питание – это Победа / Healthy food is Victory** (12% всех метафорических употреблений в выборке), посредством которого подчеркивается конкурентоспособность и превосходство того или иного блюда в сравнении с другими кулинарными творениями. Рассмотрим примеры:

(7) *Fennel lamb fillets with ratatouille is made summery with feta and mint, but **it's a winner in winter too*** [Delicious].

(8) *Nothing beats Southern-style catfish for a hearty meal, but the traditional method of frying unfortunately adds back in a bunch of fat that the lean protein could do without. Enter the air fryer. You can get a crispy, delicious fillet as well as a side of blistered green beans without all the oil, and have it on the table in less than half an hour. **Hard to beat*** [Cooking light].

В приведенных фрагментах рецептов идею о силе, превосходстве и высоком статусе обсуждаемых блюд подкрепляют лексемы «*winner / победитель*» и «*beat / победить*», отражающие ядро метафоры, выраженные именем существительным и глаголом, соответственно. Безусловно, при помощи указанных языковых единиц автор рецепта стремится оказать воздействие на адресата и привлечь его внимание к тем или иным кулинарным изыскам.

Наконец, пятой по степени репрезентации в выборке и не менее значимой метафорической моделью в контексте массмедийных кулинарных рецептов выступает перенос **Здоровое питание – это Театр (Представление) / Healthy food is Theatre (Performance)** (8% всех метафорических употреблений в выборке), согласно которому, процесс приготовления и само блюдо – некое представление, незабываемое шоу со

своими «героями» и «звездами». Приведем примеры:

(9) *Let broccoli take centre stage in our ramen noodle bowls* [BBC good food].

(10) *Make shallots the star of the show with this Middle-Eastern-inspired lunch recipe* [Delicious].

Примеры (9) и (10) являются яркой иллюстрацией использования в кулинарном рецепте метафоры *Здоровое питание – это Театр (Представление) / Healthy food is Theatre (Performance)*, в пределах которой лексические комбинации «take centre stage / занимают центральное место на сцене» и «the star of the show / звезда шоу» реализуют замысел автора и обеспечивают семантическую корреляцию с понятием «театр».

Полагаем, что вне зависимости от модели, метафора в тексте кулинарного рецепта, в том числе, реализуемого в массмедийном пространстве, призвана с прагматической точки зрения воздействовать на получателя информации, формировать у него положительный образ продукта и, наконец, стимулировать его к действию – самостоятельно приготовить то или иное блюдо.

Выводы

Проведенное исследование позволяет нам сформулировать следующие выводы:

1. Англоязычный кулинарный рецепт, представленный в печатных и электронных СМИ, выступает одной из форм реализации массмедийного нутриционального дискурса, затрагивающего вопросы правильного питания, а также является пространством воплощения метафоры. Модели метафоры, полученные в ходе исследования, образованы по схеме X – это Y, где X – знакомое понятие, Y – новое, моделируемое при помощи метафоры.

2. Несмотря на эволюцию как самих массмедиа, так и языка СМИ, анализ выборки в аспекте диахронии свидетельствует о наличии в пределах рецептов определенных моделей метафоры, которые регулярно используются в кулинарных текстах и с течением времени не теряют своей актуальности. К числу наиболее распространенных и типичных метафорических моделей мы относим следующие: «Здоровое питание – это Волшебство / Healthy food is Magic», «Здоровое питание – это Искусство / Healthy food is Art», «Здоровое питание – это Сокровище / Healthy food is Treasure», «Здоровое питание – это Победа / Healthy food is Victory», «Здоровое питание – это Театр (Представление) / Healthy food is Theatre (Performance)».

3. Основными языковыми средствами актуализации метафоры «Здоровое питание – это ... / Healthy food is ...», зафиксированной в кулинарных рецептах, служат имена существительные, глаголы, имена прилагательные, репрезентирующие собой как метафорическое ядро, так и метафорическую периферию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1. С. 33-43.
2. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. Санкт-Петербург: Издательство «Питер», 2000. 190 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). Москва: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
4. Калинин О. И. Дискурсивная метафора и метафора в дискурсе: к вопросу о дискурсообразующей роли когнитивной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 213-219.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Литвишко О. М., Милетова Е. В. Религиозный дискурс как аксиологически маркированное пространство (на материале русского и английского языков) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 2. С. 65-72.
7. Милетова Е. В. Качественная лексика как средство вербализации оценки (на материале англоязычных текстов сферы искусства) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 200-205.
8. Милетова Е. В. Метафорические модели с участием имен прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе // *Philologos*. 2014. № 20 (1). С. 41-50.
9. Милетова Е. В., Чалая Ю. П. Процесс метафоризации в дискурсе СМИ (на материале британской газеты the Guardian) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2022. № 15. С. 125-134.
10. Рогова А. В. Концептосфера «еда» в метафорическом преломлении // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Т. I (Гуманитарные науки). С. 149-152.
11. Славкин В. В. Журналистский текст в динамическом аспекте // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 16-20.
12. Солопова О. А., Чудинов А. П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 313-337.
13. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 292 с.
14. Цветова Н. С. Эстетика медиатекста: медиалингвистический взгляд // Век информации. 2018. Т. 1. № 2. С. 91-93.
15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2001. 238 с.
16. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. 2015. N 3 (44). P. 26-32.
17. Cameron L. J. Identifying and describing metaphors in spoken discourse data // *Researching and Applying Metaphor*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 105-132.
18. Frank R. M. *Shifting Identities: Metaphors of Discourse Evolution* // *Metaphor and Discourses*. New York: Palgrave MacMillan. 2009. Pp. 173-189.
19. Gibbs R. W. Jr., Cameron L. J. The Social-Cognitive Dynamics of Metaphor Performance // *Cognitive Systems Research*. 2008. N 9(1-2). P. 64-75. Kövecses Z. *Metaphor: Practical introduction*. N.Y.: Oxford University Press, 2010. 285 p.
20. Litvishko O. M., Shiryayeva T. A., Tikhonova E. V., Kosycheva M. A. Professional

discourse: the verbal and visual semiosis interplay // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 2022. Vol. 8. N 1. Pp. 19-40.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. BBC good food. Available at: www.bbcgoodfood.com. (accessed: 10.08.2022).
2. Cooking light. Available at: www.cookinglight.com. (accessed: 10.08.2022).
3. Delicious Magazine. Available at: www.deliciousmagazine.co.uk. (accessed: 10.08.2022).
4. Vegan life. Available at: www.veganfoodandliving.com. (accessed: 10.08.2022).

REFERENCES

1. Baranov, A. N. (2004). Metaforicheskie modeli kak diskursivnye praktiki [Metaphorical models as discursive practices]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. T. 63. No. 1. Pp. 33-43. (In Russ.).
2. Glazunova, O. I. (2000). *Logika metaforicheskikh preobrazovaniy* [The logic of metaphorical transformations]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo «Piter». (In Russ.).
3. Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (Sovremennaya angliyskaya mediarech)* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of the media language (Modern English media speech)]. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
4. Kalinin, O. I. (2020). Diskursivnaya metafora i metafora v diskurse: k voprosu o diskursoobrazuyushchey roli kognitivnoy metafory [Discursive Metaphor and Metaphor in Discourse: on the question of the Discourse-forming role of cognitive metaphor]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 3 (42). Pp. 213-219. (In Russ.).
5. Lakoff, Dzh. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
6. Litvishko, O. M., Miletova E. V. (2019). Religioznyy diskurs kak aksiologicheski markirovannoe prostranstvo (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Religious discourse as an axiologically marked space (based on the material of the Russian and English languages)]. In *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki*. No. 2. Pp. 65-72. (In Russ.).
7. Miletova, E. V. (2020). Kvalitativnaya leksika kak sredstvo verbalizatsii otsenki (na materiale angloyazychnykh tekstov sfery iskusstva) [Qualitative vocabulary as a means of evaluation verbalization (based on the material of English-language texts of the art sphere)]. In *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki*. No. 13. Pp. 200-205. (In Russ.).
8. Miletova, E. V. (2014). Metaforicheskie modeli s uchastiem imen prilagatelnykh, realizuemye v sovremennom angloyazychnom religioznom diskurse [Metaphorical models formed with the adjectives and implemented in modern English-language religious discourse]. In *Filologos*. No. 20 (1). Pp. 41-50. (In Russ.).
9. Miletova, E. V., Chalaya Yu. P. (2022). Protsess metaforizatsii v diskurse SMI (na materiale britanskoy gazety the Guardian) [The process of metaphorization in the media discourse (based on the British newspaper the Guardian)]. In *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki*. No. 15. Pp. 125-134. (In Russ.).
10. Rogova, A. V. (2012). Kontseptosfera «eda» v metaforicheskom prelomlenii [The «food» concept in metaphorical refraction]. In *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. No. 3. T. I (Gumanitarnye nauki). Pp. 149-152. (In Russ.).
11. Slavkin, V. V. (2005). Zhurnalistskiy tekst v dinamicheskom aspekte [Journalistic text in the dynamic aspect]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 2. Pp. 16-20. (In Russ.).
12. Solopova, O. A., Chudinov, A. P. (2018). Diakhronicheskiy analiz metafor v britanskom

corpuse tekstov: kolokola pobedy i Russia's V-Day [Diachronic analysis of metaphors in the British texts corpus: bells of victory and Russia's V-day]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*. T. 22. No. 2. Pp. 313-337. (In Russ.).

13. Khakhalova, S. A. (2011). *Metafora v aspektakh yazyka, myshleniya i kultury* [Metaphor in the aspects of language, thinking and culture]. Irkutsk: IGLU. (In Russ.).

14. Tsvetova, N. S. (2018). *Estetika mediateksta: medialingvisticheskiy vzglyad* [Aesthetics of media text: media linguistic approach]. In *Vek informatsii*. T. 1. No. 2. Pp. 91-93. (In Russ.).

15. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000)* [Russia in Metaphorical Mirror: Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russ.).

16. Anikin, E. E., Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2015). Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication. In *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. No. 3 (44). Pp. 26-32.

17. Cameron, L. J. (1999). Identifying and describing metaphors in spoken discourse data. In *Researching and Applying Metaphor*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 105-132.

18. Frank, R. M. (2009). Shifting Identities: Metaphors of Discourse Evolution. In *Metaphor and Discourses*. New York: Palgrave MacMillan. Pp. 173-189.

19. Gibbs, R. W. Jr., Cameron, L. J. (2008). The Social-Cognitive Dynamics of Metaphor Performance. In *Cognitive Systems Research*. No. 9(1-2). Pp. 64-75.

20. Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: Practical introduction*. N.Y.: Oxford University Press.

21. Litvishko, O. M., Shiryayeva, T. A., Tikhonova, E. V., Kosycheva, M. A. (2022). Professional discourse: the verbal and visual semiosis interplay. In *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. Vol. 8. No. 1. Pp. 19-40.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *BBC good food*. Available at: www.bbcgoodfood.com. (accessed: 10.08.2022).

2. *Cooking light*. Available at: www.cookinglight.com. (accessed: 10.08.2022).

3. *Delicious Magazine*. Available at: www.deliciousmagazine.co.uk. (accessed: 10.08.2022).

4. *Vegan life*. Available at: www.veganfoodandliving.com. (accessed: 10.08.2022).

Акбаева Файруз Борисовна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации (e-mail: akbaevafai@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказская государственная академия» 369001 Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36; – аспирант кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» 357532 г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Akbaeva Fairuz B. - Senior Lecturer of Linguistics and Intercultural Communication Department (e-mail: akbaevafai@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North Caucasian State Academy» 36 Stavropolskaya str., Cherkessk, Karachayevo-Circassian Republic, 369001; – postgraduate student of English and Professional Communication Department, Federal State budgetary educational institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 9 Kalinin ave., Pyatigorsk, 357532

Поступила в редакцию 24 ноября 2022 г.

УДК 811.112.2

© 2022 О. Л. Бессонова, Ю. Н. Еременко-Григоренко

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯМИ: СЕМАНТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Данная статья посвящена исследованию семантических и лингвокультурологических особенностей английских фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами-цветообозначениями. Они представляют собой особый тип единиц, эксплицирующий во фразеологической системе особенности культурного кодирования картины мира лингвокультурного сообщества. Эмпирический корпус отобран на основе ряда разработанных критериев. Определена фразеологическая активность цветообозначений в составе анализируемых ФЕ. Представлена фразеотематическая классификация ФЕ, включающая фразеотематические области «Человек» и «Окружение человека». Установлены корреляции между степенью фразеологической активности компонентов-цветообозначений и тематической сферой, к которой относятся исследуемые языковые единицы. Описаны особенности семантики, механизм фразеологической номинации, интерпретированы лингвокультурологические особенности анализируемого корпуса ФЕ.

Ключевые слова: фразеологическая единица, цветообозначение, фразеологическая номинация, культурная коннотация.

©2022 O. L. Bessonova, ©Y. N. Eremenko-Grigorenko

ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COLOUR COMPONENTS: SEMANTICS AND LINGUOCULTURAL FEATURES

This article addresses semantic and linguocultural features of English phraseological units (PhU) with colour components. The idioms under study is a specific type of language units, which explicate in the phraseological system the features of cultural coding of the speaking community worldview. The productivity of colour components as idioms constituents is determined. A phraseothematic classification of the idioms with colour components is suggested, with two phraseothematic areas «Person» and «Human environment» being differentiated. Correlations between the degree of colour components productivity and the thematic sphere the idioms belong to have been established. Their semantic features as well as the mechanism of phraseological nomination are described, with cultural interpretations of the empirical corpus being provided.

Key words: phraseological unit, colour component, phraseological nomination, cultural connotation.

1. Введение

Фразеологические единицы с компонентами-цветообозначениями являются важным пластом языковой картины мира, который обладает ассоциативно и символически насыщенной семантикой. Данные единицы содержат культурно значимую информацию и выражают различные национально-культурные коннотации. ФЕ с компонентом «цвет»

ярко иллюстрируют его превращение в компонент фразеологизма, так как цвет, «окрашивая» все стороны жизни человека и являясь в большинстве случаев обязательным признаком лица или предмета, под влиянием экстралингвистических факторов рождает самые разнообразные ассоциации с тем или иным цветом, которые, в свою очередь, прочно закрепляются во фразеологическом фонде любого языка [Рогулина, 2018].

Данное исследование выполнено в рамках лингвокультурологической парадигмы, которая ориентирована на изучение явлений языка в его неразрывной связи с культурой. Теоретические основы и исследовательский инструментарий данного направления в лингвистике представлен в целом ряде публикаций (см., например, работы В. В. Воробьева [Воробьев, 1997], В. В. Красных [Красных, 2002], В. А. Масловой [Маслова, 2016], И. В. Зыковой [Zykova, 2016], Е. Пиирайнен [Piirainen, 2008], А. Саббан [Sabban, 2008], Р. Холанди [Holandi, 2011], монография *Phraseology and culture in English* [Phraseology and culture in English, 2007]).

Различные подходы к изучению понятия цветообозначений, основанные на гипотезе культурного релятивизма Сепира-Уорфа [Сепир, 1993], теории лингвинистического универсализма Б. Берлина и П. Кея, теории об универсальной структуре цветообозначений П. Кея и Ч. Мак Дэниэла [Bellin, Kay, 1969], представлены в работах Е. М. Верещагина [Верещагин, 1990], В. Г. Кульпиной [Кульпина, 2001; 2019], Р. М. Фрумкиной [Фрумкина, 1984], А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996]. Современные исследования колоративной лексики в различных языках представлены трудами О. А. Кудри [Кудря, 2015: 56], М. Б. Талапиной и З. И. Комаровой [Талапина, Комарова, 2011], Ю. В. Дюпиной [Дюпина, 2013: 21]. Вопросы культурной символики цветообозначений отражены в исследованиях А. С. Кармина [Кармин, 2003], А. М. Прохоровой [Прохорова, 2014: 254], Б. А. Базымы [Базыма, 2005], Н. А. Мартьяновой [Мартьянова, 2013: 61].

Несмотря на разработанность проблемы изучения цветообозначений следует согласиться с тем, что ФЕ с компонентами-цветообозначениями представляют собой особый тип единиц, при помощи которого во фразеологической системе эксплицируются особенности культурного кодирования картины мира лингвокультурного сообщества. Многоаспектность изучения цветообозначений свидетельствует об их ценности в реальной жизни как отдельной языковой личности, так и языкового коллектива. В семантике цвета находят отражение как универсальные, так и этнические, социальные, исторические закономерности, поэтому исследование семантики ФЕ с компонентами-цветообозначениями возможно не только в универсальном плане, оно должно

осуществляться для каждого языка. Важность изучения цветовой фразеологии обусловлена лингвокультурологическим подходом к системному исследованию взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в его функционировании, особенностей восприятия и вербализации актуальных понятий посредством идиом с компонентами-цветообозначениями, отражающих ценностные траектории в картине мира англоязычного лингвокультурного сообщества. Актуальность исследования обусловлена лингвокультурологическим подходом к изучению английских ФЕ с компонентами-цветообозначениями. Рассмотрение семантики таких ФЕ, значение которых осложнено культурными смыслами, направлено на выявление глубинной связи между языком, мышлением и культурой. Предлагаемый подход позволяет раскрыть специфику фразеологической концептуализации и представить фразеологическую картину мира английского языка как инструмент отражения структуры человеческого сознания.

Объектом исследования являются английские фразеологические единицы с компонентами-цветообозначениями, рассмотрение семантики которых способствует изучению национально-культурной специфики английского языка. **Предмет исследования** составили семантические и лингвокультурологические особенности фразеологических единиц с компонентами-цветообозначениями. **Цель исследования** – установить и описать семантические и лингвокультурологические особенности фразеологических единиц с компонентами-цветообозначениями в английском языке.

2. Характеристика материала исследования

Эмпирический корпус составили 311 английских фразеологических единиц с компонентами *black* (67 ФЕ), *blue* (56 ФЕ), *red* (55 ФЕ), *white* (42 ФЕ), *green* (19 ФЕ), *yellow* (17 ФЕ), *pink* (12 ФЕ), *orange* (12 ФЕ), *brown* (11 ФЕ), *grey* (10 ФЕ), *purple* (6 ФЕ), отобранные из следующих словарей: Collins COBUILD Dictionary of Idioms [HarperCollins, 1997], Oxford Idioms Dictionary for Learners of English [Oxford, 2004], ABBYY Lingvo [ABBYY, 2014], Англо-русский фразеологический словарь под редакцией А. В. Кунина [Кунин, 2008].

Отбор фразеологизмов осуществлялся на основании пяти следующих критериев:

– наличие в составе ФЕ компонента-цветообозначения. Например: *a white Christmas* ‘снежное Рождество’ – a Christmas when it snows [Oxford, 2004: 446];

– наличие в составе ФЕ и в его толковании компонента-цветообозначения. Например: *black ivory* ‘общее название черных рабов’ – *black slaves collectively* [Кунин, 2008: 200];

– наличие в составе ФЕ компонента, обозначающего интенсивность цвета при

отсутствии указания на сам цвет. Например: *bright-eyed and bushy-tailed* ‘живой и полный энергии’ – lively, keen and full of energy [Harper Collins, 1997: 50];

– наличие в составе ФЕ компонента-цветообозначения, а в толковании – компонента, указывающего на интенсивность цвета. Например: (as) *black as ink (night)* ‘очень темный’ - very **dark** (about a house, room, street, night) [Spears, Richard, 1999: 68];

– наличие в составе ФЕ компонента-цветообозначения, а также компонента, обозначающего интенсивность цвета. Например: *the dark blues* (Oxford blues) [АВВУУ, 2014] ‘студенты Оксфорда на спортивных соревнованиях’ – Oxford men in athletic contests [Cambridge, 1998: 326]; *the light blues* (Cambridge blues) [АВВУУ, 2014] ‘студенты Кембриджа на спортивных соревнованиях’ – Cambridge men in athletic contests [Cambridge, 1998: 326].

В соответствии с целью, задачами и объектом исследования используются следующие методы и приемы анализа: *метод фразеологической идентификации* – для формирования корпуса эмпирического материала; *метод фразеологического описания*, способствующий интерпретации исследуемых параметров фразеологических единиц; *метод фразеологического анализа* для определения границы между различными классами фразеологических единиц; *метод семантического анализа* использовался для установления особенностей значения ФЕ; *количественный анализ* позволил определить продуктивность разных семантических типов исследуемых ФЕ; *лингвокультурологический анализ* использовался для определения специфики исследуемых ФЕ как особых культурных знаков, отображающих ценности и особенности ментальности англоязычного языкового сообщества.

3. Результаты исследования

3.1. Фразеологическая активность компонентов-цветообозначений

Количественный анализ языкового материала позволил установить фразеологическую активность цветовых компонентов в составе исследуемых ФЕ. Наибольшей фразеоактивностью характеризуются цветовые компоненты *black* (67 ФЕ или 22%), *blue* (56 ФЕ или 18%) и *red* (55 ФЕ или 18%), *white* (46 ФЕ или 15%). Низкая фразеоактивность характерна для компонентов *brown* (11 ФЕ или 3%) и *grey* (10 ФЕ или 3%), *purple* (6 ФЕ или 2%) (см. табл. 1).

Таблица 1. Фразеоактивность компонентов-наименований базовых цветов

Цветовой компонент	Кол-во ФЕ	%	Примеры
<i>black</i>	67	22	<i>be in the black</i> ‘вести дело прибыльно, получать прибыль, доход’; <i>(as) black as nades</i> ‘безрадостный, беспросветный; в темном свете’
<i>blue</i>	56	18	<i>like a bolt out of the blue</i> букв. ‘как удар молнии из синего; внезапно и без предупреждения’
<i>red</i>	55	18	<i>come (get) out of the red</i> ‘выпутаться из долгов’, ‘начать давать прибыль’; ‘покрыть дефицит’
<i>white</i>	46	15	<i>white as a sheet / death</i> ‘бледный как полотно (смерть)’
<i>green</i>	19	6	<i>go to the greenwood</i> ‘быть объявленным вне закона’, <i>look through green glasses</i> ‘ревновать, завидовать’
<i>yellow</i>	17	5	<i>to have a yellow streak</i> ‘быть трусоватым’, <i>follow the yellow brick road</i> ‘следовать какому-то курсу действий, которые, как считается, приведут к успеху или приключениям’
<i>pink</i>	12	4	<i>pink elephants</i> ‘белая горячка’, <i>tickle someone pink</i> – <i>to please or entertain someone very much</i> букв. ‘развлекать кого-либо’
<i>orange</i>	12	4	<i>all Lombard Street to a China orange</i> букв. ‘дело верное, даю голову на отсечение, никаких сомнений, даю руку на отсечение, абсолютная вера и убежденность в чем-либо’
<i>brown</i>	11	3	<i>fire into the brown (of them)</i> ‘стрелять в толпу, не целясь ни в кого в отдельности’
<i>grey</i>	10	3	<i>a grey area</i> букв. ‘нечетко определенная ситуация или вопрос’
<i>purple</i>	6	2	<i>purple patch</i> букв. ‘яркое место (в литературном произведении)’; <i>to raise smb to the purple</i> ‘возвести кого-либо в сан кардинала’
<i>Всего</i>	<i>311</i>	<i>100</i>	

3.2. Фразеотематическая классификация ФЕ с компонентами-цветообозначениями

Основной функцией фразеологических единиц с компонентом-цветообозначением является более образное и более яркое отражение специфики видения мира, присущее носителям именно данного языка и данной культуры. Таким образом, эти единицы представляют собой материальное воплощение знаний, мыслей, традиций и обычаев, передают особенности национального характера. Данная особенность отражена во фразеотематической классификации исследуемых единиц, в основу которой положен подход С. В. Олейника [Олейник, 2012]. Результаты классификации представлены в табл. 2.

Таблица 2. *Фразеотематическая классификация ФЕ с компонентами-цветообозначениями*

Фразеотематическая область	Количество ФЕ	%
ЧЕЛОВЕК	237	76
ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	74	24
<i>Всего</i>	<i>311</i>	<i>100</i>

Данные таблицы свидетельствуют об антропоцентричности этого особого типа единиц, при помощи которого в английской фразеологической системе выражены представления о человеке и его окружении. Классификация включает две соответствующие фразеотематические области: *ЧЕЛОВЕК* (237 ФЕ) и *ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА* (74 ФЕ), что составило 76% и 24% соответственно.

Более подробно результаты количественного анализа отражены в табл. 3.

Таблица 3. *Количественная характеристика фразеотематических групп с компонентами-цветообозначениями*

Фразеотематическая область / Фразеотематическая группа	Количество ФЕ	%
<i>ЧЕЛОВЕК</i>	<i>237</i>	<i>76</i>
1.1. Социальные характеристики	126	53
1.2. Биологические характеристики	46	20
1.3. Характеристики восприятия	29	12
1.4. Эмоциональные характеристики	27	11
1.5. Смежные характеристики	9	4
<i>ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА</i>	<i>74</i>	<i>24</i>
2.1. Рукотворная среда	34	46
2.2. Культурно-духовная среда	17	23
2.3. Общественная среда	15	20
2.4. Природная (географическая) среда	8	11
<i>Всего</i>	<i>311</i>	<i>100</i>

В структуре фразеотематической области *ЧЕЛОВЕК*, выделены ФЕ с компонентами-цветообозначениями, которые распределены на 5 фразеотематических группы, характеризующих человека по различным аспектам: *биологические, социальные, эмоциональные характеристики человека, а также смежные характеристики и характеристики восприятия.*

В количественном отношении превалирует фразеотематическая группа «Социальные характеристики» (126 ФЕ с компонентами-цветообозначениями или 53%). Наименьшей по количеству ФЕ является группа «Смежные характеристики» (9 ФЕ или 4%). Промежуточное место занимает группа «Биологические характеристики» (46 ФЕ или 20%) и фразеотематическая группа «Характеристики восприятия» (29 ФЕ или 12%).

Фразеотематическая группа, представляющая биологические характеристики человека, включает следующие подгруппы: *ВНЕШНОСТЬ, СПОСОБНОСТИ, ЖИЗНЬ,*

СМЕРТЬ, БОЛЕЗНЬ. Фразеотематическая группа, определяющая социальные характеристики человека, состоит из таких подгрупп, как: *ГРУППА ЛИЦ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОВЕДЕНИЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, РОД ЗАНЯТИЙ/ПРОФЕССИЯ, МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА.* В группу, содержащую эмоциональные характеристики человека, были отнесены ФЕ компонентами-цветообозначениями, связанные с такими эмоциями, как: *УДАЧА / НЕУДАЧА, УСПЕХ, ОПАСНОСТЬ, ЛЮБОВЬ* и др. В группу смежных характеристик вошли ФЕ, отражающие различные аспекты жизнедеятельности человека, которые распределены в подгруппы: *ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ, СОБЫТИЕ.* В группе «Характеристики восприятия» выделены подгруппы *КОЛИЧЕСТВО, МЕСТО, ВРЕМЯ, СИМВОЛ.*

Фразеотематическая область *ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА* представлена 74 ФЕ с компонентами-цветообозначениями, которые классифицированы на такие фразеотематические группы, как: *рукотворная среда* (34 ФЕ или 46%), *культурно-духовная среда* (17 ФЕ или 23%), *общественная среда* (15 ФЕ или 20%) и *природная (географическая) среда* (8 ФЕ или 11%). Группа «Природная среда» состоит из подгрупп *ГЕОГРАФИЯ, ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ.* ФЕ с компонентами-цветообозначениями, характеризующие рукотворную среду человека, соотносятся с подгруппами *ДЕНЬГИ, ЕДА, АРТЕФАКТЫ, ТРАНСПОРТ.* Фразеотематическая группа «Культурно-духовная среда человека» представлена такими подгруппами, как *ИСТОРИЯ, МУЗЫКА, МИФОЛОГИЯ.* Фразеотематическая группа «Общественная среда человека» включает подгруппы *ИНФОРМАЦИЯ, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА.*

Корреляция фразеотематических областей и фразеоактивности компонентов-цветообозначений представлена в табл. 4.

Таблица 4. *Корреляция фразеоактивности цветовых компонентов и тематических сфер ФЕ с компонентами-цветообозначениями*

Цветовой компонент	ЧЕЛОВЕК		ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА		Всего
	Кол-во	%	Кол-во	%	
black	53	23	14	19	67 (79% + 21%)
blue	44	20	12	16	66 (78% + 22%)
red	40	17	15	20	55 (73% + 27%)
white	38	16	8	11	46 (83% + 17%)
green	18	7	1	1,5	19 (95% + 5%)
yellow	10	4	7	9,5	17 (59% + 41%)
pink	10	4	2	3	12 (83% + 17%)
orange	8	3	4	5	12 (67% + 33%)
brown	8	3	3	4	11 (67% + 27%)
grey	5	2	5	7	10 (50% + 50%)
purple	3	1	3	4	6 (50% + 50%)
<i>Всего</i>	<i>237</i>	<i>100</i>	<i>74</i>	<i>100</i>	<i>311 (100%)</i>

Результаты анализа корреляции фразеоактивности базовых цветов и тематических сфер показывают следующее: ФЕ с компонентами-цветообозначениями *black, blue, red* демонстрируют универсальную фразеоактивность, т. е. превалируют в обоих фразеотематических областях; фразеоактивность компонентов *white* и *green* выше во фразеотематической области *ЧЕЛОВЕК*, во фразеотематической области *ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА* активны компоненты *yellow* и *grey*.

3.2.1. Фразеотематическая группа «Социальные характеристики». Наиболее репрезентативной категорией в количественном отношении является «Социальные характеристики».

3.2.1.1. В подгруппу *ПОВЕДЕНИЕ* отнесены 30 ФЕ с компонентами-цветообозначениями, что составляет 24% всех ФЕ группы «Социальные характеристики». В основном они являются моносемантами, например: *prove (или swear) that black is white* ‘пытаться выдать черное за белое, говорить заведомую ложь’, *red cupper* ‘прожигатель жизни, любитель повеселиться’, *brownnose* ‘кто-то, кто постоянно ищет одобрения, внимания и / или поддержки других, особенно начальников, используя подхалимство или лесть’. Большинство ФЕ (93% от общего количества) выражают негативную оценку поведения человека.

Национально-культурный компонент – это компонент значения слова, несущий информацию о национальной культуре народа, в то время как интернациональный компонент формируется по линии независимого возникновения сходных фразеологических единиц под действием различных лингвистических универсалий и лингвомиграционной линии [Солодухо, 2008].

23 ФЕ (85%) осложнены интернациональным компонентом, и только 5 ФЕ (17%) отмечены наличием национально-культурного компонента. Например, ФЕ *cry the blues* ‘жаловаться, ныть’ своим происхождением обязана одному из основоположников английской национальной литературы и литературного английского языка, Джеффри Чосеру, который первым начал писать сочинения не на латыни, а на родном языке. В произведении *Complaint of Mars* он использовал слово *blues* в значении *sad* ‘печальный’. Национально-культурная специфика выражения *between the devil and the deep blue sea* ‘в очень затруднительном положении, столкнувшись с принятием трудного решения’ связана с тем, что Великобритания окружена морями, т. е. находится в очень затруднительном положении. Выражение *brown nosing* разг. ‘соглашательство, улаживание разногласий’ впервые было использовано в 1930 гг. в США и обозначало человека, сующего нос в чужие дела, при этом подхалимничая. ФЕ с компонентом-

цветообозначением *orange be as queer as a clockwork orange* 'букв. странный, как заводной апельсин' является сленговым выражением жителей Восточного Лондона и происходит от названия романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин». В комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой» было использовано выражение *As much as an apple doth an oyster, and all one*, которое явилось предпосылкой возникновения ФЕ *to compare apples to oranges*. Особую популярность идиома получила в XX веке.

В дефинициях 6 ФЕ данной группы (22%) отмечено наличием помет жарг., разг., что свидетельствует об их стилистической маркированности, в то время как помета амер. указывает на употребление ФЕ в американском варианте языка. Например, *put up a black* 'жарг. промах; сделать ляпсус', *talk a blue streak* 'разг. говорить очень много и очень быстро', *sing the blues* 'амер. жаловаться на свою судьбу, роптать'.

3.2.1.2. Подгруппа *МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА* представлена 22 ФЕ с компонентами-цветообозначениями (17% от общего количества ФЕ группы «Социальные характеристики»), являющимися моносемантами, например: *a black soul* 'коварный человек, способный на низкие, предосудительные дела, поступки', *red-tapist* 'формалист, бюрократ, канцелярская крыса', *white-handed* 'честный', *blue-ribbon* 'престижный, авторитетный, влиятельный, заслуживающий доверия', *yellow dog* 'прохвост, подлец', *to wear yellow hose* 'быть ревнивым', *green with envy* 'очень завистливый или ревнивый'.

Анализ показал, что интернациональные ФЕ данной подгруппы широко известны, они представлены пословицами, которые носят назидательный характер, например: *two blacks do not make a white* 'чужим грехом своего не искупишь'. 8 ФЕ (36%) являются положительно оценочными фразеологическими номинациями. Значения ФЕ данной группы маркированы пометами разг., шутол., амер.

3.2.1.3. В подгруппу *РОД ЗАНЯТИЙ / ПРОФЕССИЯ* включены 23 ФЕ (18% от общего количества ФЕ группы «Социальные характеристики»): *be in the black* 'вести дело прибыльно, получать прибыль, доход', *black cap* 'судья', *blackleg* 'мошенник, шулер', *black collar* 'человек, занимающийся нелегальными операциями на черном рынке', *red coat* 'человек, организовывающий развлечения в лагерях отдыха', *red cap* 'военный полицейский', *redcoat* 'английский солдат', *white collars* 'служащий в офисе', *white wing* 'уборщик улиц', *have a green thumb* в значении *to have the ability to grow plants well* 'уметь хорошо выращивать растения', *give someone the green light* в значении *to give someone the signal to start or continue* 'давать разрешение начинать или продолжать'. В корпусе ФЕ с компонентами-цветообозначениями, характеризующими профессиональную ориентацию человека, выявлены полисеманты – 2 ФЕ (9%), например, *blue boy* '1. Полицейский; 2. Северянин', *bluecoat* '1. Боец, солдат, 2. Матрос,

3. Полицейский'. Некоторые ФЕ характеризуются наличием национально-культурной окрашенности, например: *blue collar* '«синий воротничок»'. Понять историко-культурный контекст возможно, опираясь на фоновые знания. В данном случае речь идет о лицах, которые занимаются тяжелым физическим трудом, как правило, в сельском хозяйстве, на производстве, строительстве, горнодобывающей промышленности. Исторически сложилось так, что большинство этих людей носили рубашки с синим воротником: *blue boy* '1. Полицейский (жарг), 2. Северянин, участник Гражданской войны США между северными и южными штатами'. ФЕ *pink-collar job* амер., сленг., букв. '«розовые воротнички»' содержит культурную коннотацию, связанную с тем, что данная ФЕ означает низкооплачиваемую работу в непромышленной сфере, традиционно выполняемую женщинами в США.

В дефинициях 4 ФЕ (17%) отмечено наличием помет жарг., разг., сленг, что свидетельствует о стилистической маркированности ФЕ, в то время как помета амер. указывает на использование ФЕ только в американском варианте языка, а помета истор. означает, что ФЕ является историческим термином.

3.2.1.4. В подгруппу *СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС* отнесены 12 ФЕ (9% от общего количества ФЕ группы «Социальные характеристики»), например: *the Black pope* 'черный папа (прозвище главы иезуитского ордена)', *men in grey suits* в значении *powerful men within an organization who exercise their influence or authority anonymously* 'влиятельные люди в организации, которые пользуются своим влиянием или властью анонимно; влиятельные люди в бизнесе или политике', *grey eminence* '«серый кардинал», кто-то, кто обладает значительной властью, авторитетом или влиянием неофициально или анонимно, как в монархии или политической иерархии', *born in (or to) the purple* в значении *born into a reigning family or privileged class* 'быть рожденным в королевской (правящей) семье или в роскоши'. Анализ показал, что все ФЕ данной подгруппы являются моносемантами. У 3 ФЕ (33%), семантика осложнена наличием национально-культурного компонента, например: *blue blood* букв. 'голубая кровь, аристократическое происхождение'. Согласно историческим документам, выражение появилось в VIII веке, когда на территорию вестготской Испании вторглись мавры, при этом испанская королевская семья демонстративно подчеркивала свое отличие от завоевателей белизной кожи. Постепенно выражение распространилось по всей Европе, в том числе и в Англии. ФЕ *white trash* букв. 'белый мусор, белый бедняк с юга США' является унижительным оскорблением бедных белых людей. В американском обществе это выражение используется для названия социального класса внутри белого населения с более низким уровнем жизни.

Предпосылкой возникновения термина были события 1717 года, связанные с насильственной транспортировкой белых иммигрантов в качестве несвободных рабочих из Великобритании в североамериканские колонии. Впервые термин был использован в печати в 1821 году. ФЕ *from log cabin to white house* 'достичь высокого положения самостоятельно, из грязи в князи' (ср. англ. *from rags to riches*) иллюстрирует особенность фразеологической номинации, в основе которой лежит метафора, объясняющая быструю смену социального статуса человека из низкого в более высокий, привилегированный. Следует отметить формирование стереотипного представления о том, кто быстро, легко, часто и неоправданно получает высокую должность, становится состоятельным, но не достоин своего высокого положения, занимает не своё место. Значение ФЕ приобретает отрицательную коннотацию.

3.2.1.5. Подгруппу *ГРУППА ЛИЦ* составляют такие 7 ФЕ (6% от общего количества ФЕ группы «Социальные характеристики»), как: *red team* 'группа аналитиков, исполняющая роль соперника, конкурента с целью выявить уязвимые места в плане, программе, политической линии', *the dark blues* «синие» спортивные команды Оксфорда', *the light blues* «голубые», спортивные команды Кембриджа', *blue Ribbon Army* общество трезвенников. Все ФЕ являются моносемантами и характеризуются наличием национально-культурной коннотации: *black ivory* в значении *black slaves collectively* 'собираемое название черных рабов, «черная слоновая кость»'. Так называли работорговцы негров-рабов, тем самым подчеркивая их ценность, как материального актива, источника дохода.

3.2.1.6. Содержание подгруппы *МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ* раскрывают 11 ФЕ с компонентами-цветообозначениями (9% от общего количества ФЕ группы «Социальные характеристики»): *be in someone's black books* со значением *be in disfavour with someone* 'быть в немилости', *to black ball* 'подвергнуть ostracism, занести в черный список, бойкотировать, изгнать', *to roll out the red carpet for smb.* 'оказать особый прием важному гостю', *a blue-eyed boy* со значением *the favourite of someone in authority*, 'любимец / фаворит', *grey power* в значении *the influence exerted by the elderly people in an organization, community* 'влияние, оказываемое людьми преклонного возраста в организации, сообществе'. ФЕ данной подгруппы являются моносемантами. 2 ФЕ (18%) характеризуются наличием национально-культурной коннотации, например: *blackboard jungle* '«школьные джунгли», школа, как место детской жестокости и учительского диктата'. Впервые выражение было использовано в названии романа Э. Хантера *Blackboard Jungle*, в современном сознании образ фразеологизма соотносится с кинофильмом Р. Брукса «Школьные джунгли». Выражение *to be caught red-handed*

букв. 'быть пойманным с красными руками' было впервые использовано в Шотландии в XV веке. Так говорили о людях, которых поймали с кровью на руках после совершения убийства животных или браконьерства животных. Согласно королевского лесного закона это было основанием для обвинения и вынесения наказания, что нашло отражение в романе В. Скотта «Айвенго».

3.2.2. Фразеотематическая группа «Биологические характеристики»

3.2.2.1. Наиболее репрезентативной в количественном отношении является подгруппа *ВНЕШНОСТЬ*. В данную подгруппу входят 24 ФЕ (52 % от общего количества ФЕ группы «Биологические характеристики»), представляющие такие элементы внешнего вида человека, как лицо, глаза, взгляд и являющиеся в основном моносемантами, например: (*as*) *black as coals* (или *sloes*) 'черные как угольки' (о глазах), *to look black* 'выглядеть мрачным'; (*as*) *red as a cherry* (или *rose*) 'румяный, с румянцем во всю щеку'; 'кровь с молоком'; *be/look red about the gills* 'иметь здоровый вид, выглядеть здоровым'; *as white as a ghost (as a sheet, as ashes, as death или as a driven snow)* 'бледный как полотно, смертельно бледный', *as brown as a berry (of a person) – very suntanned* (о человеке) 'очень загоревший'; *green about (or around or at) the gills* в значении *looking or feeling ill or nauseous* 'выглядеть плохо / больным'.

Анализ смысловых репрезентаций подгруппы *ВНЕШНОСТЬ* позволил определить, что ФЕ с компонентами-цветообозначениями в большинстве случаев описывают внешний вид в целом, при этом особенно частотными являются номинации выражение лица, глаз, взгляда. Следует отметить, что в 57% значений ФЕ зафиксирована отрицательная коннотация.

3.2.2.2. В подгруппу *СПОСОБНОСТИ* отнесены 3 ФЕ-моносеманта с компонентами-цветообозначениями, которые составляют 7% от общего количества ФЕ группы «Биологические характеристики», например: *red-blooded* 'сильный, энергичный'; *talk a blue streak* в значении *to talk very much and very rapidly* 'говорить очень много и очень быстро'; *brown thumb* 'быть плохим садовником, садоводом, не уметь выращивать растения'.

3.2.2.3. Подгруппы *ЖИЗНЬ*, *СМЕРТЬ*, *БОЛЕЗНЬ* представлены в выборке 10 ФЕ (22% от общего количества ФЕ группы «Биологические характеристики»): *black ox* 'старость, несчастье', *black out to faint or pass out* 'терять сознание', *white plague / scourge* 'туберкулез', *blue around the gills – looking sick* 'выглядеть больным', *pink elephants* 'белая горячка', *in the pink (of condition) – in very good health; in very good condition, physically and emotionally* – (о состоянии) 'быть полностью здоровым, и физически, и эмоционально, хорошо себя чувствовать'. Анализ ФЕ показал, что они являются моносемантами. Семантика ФЕ *red-blindness* букв. 'красная слепота, дальтонизм' осложнена национально-

культурным компонентом. Своим происхождением выражение *red-blindness* обязано Джону Дальтону, который впервые поставил диагноз, получивший его имя. ФЕ с компонентом-цветообозначением *pink see pink elephants* букв. 'бегающие розовые слоны' является эвфемизмом и обозначает галлюцинации, вызванные белой горячкой или алкогольным галлюцинозом. Выражение восходит к началу XX-го века из более ранних идиом о видении змей и других существ.

3.2.2.4. Подгруппа *МИРОВОЗЗРЕНИЕ* представлена тремя ФЕ-моносемантами с компонентами-цветообозначениями (7% от общего количества ФЕ группы «Биологические характеристики»). Стоит отметить, что выражения *blackshirt* 'чернорубашечник, фашист'; *yellow-dog contract* 'кто-то с демократическими политическими убеждениями, кто отказывается голосовать за любого политического кандидата от Республиканской партии'; *white supremacy* 'вера в то, что белые люди – лучшая раса в мире' характеризуются наличием в дефиниции национально-культурного компонента.

3.2.3. Фразеотематическая группа «Эмоциональные характеристики».

Во фразеотематическую группу «Эмоциональные характеристики» вошли 27 ФЕ, описывающие эмоции человека в различных жизненных ситуациях, в соответствии с которыми они были содержательно объединены в следующие подгруппы: *УДАЧА / НЕУДАЧА, ОПАСНОСТЬ*.

3.2.3.1. В подгруппу *УДАЧА / НЕУДАЧА* вошли следующие 16 ФЕ с компонентами-цветообозначениями (59% от общего количества ФЕ группы «Эмоциональные характеристики»): *to put up a black* 'сделать ошибку', *things look black* 'дело плохо', *see red* 'сильно разозлиться', *cry the blues* 'жаловаться, ныть', *to have a pink fit* 'быть чрезвычайно злым, сильно злиться', *tickled pink* 'очень довольный' в значении *very much pleased or entertained*, *in a brown study* 'в задумчивости, поглощенный своими мыслями' в значении *in a reverie; absorbed in your thoughts*. Анализ ФЕ показал, что большинство являются моносемантами, однако фразеологизм *wear the green willow* букв. 'носить зеленую иву' является полисемантом и имеет такие значения: 1) *grieve for the loss of a loved one* 'скорбеть о потере близкого человека', 2) *suffer unrequited love* 'страдать от безответной любви'. Следует отметить, что ФЕ данной подгруппы характеризуются наличием интернационального компонента и выражают негативную характеристику эмоционального состояния человека.

3.2.3.2. В подгруппу *ОПАСНОСТЬ* отнесены следующие 6 ФЕ (22 % от общего количества ФЕ группы «Эмоциональные характеристики»): *red under (the) beds* «'красные под кроватью'» (о воображаемой красной опасности), *to see the red light* 'предчувствовать приближение опасности, беды', *white-knuckle* 'вселяющий тревогу, заставляющий

нервничать'. Происхождение 4 ФЕ (15% от общего количества ФЕ данной группы) связано с литературными источниками. Например, выражение *black dog* 'тоскливое состояние, меланхолия' впервые было употреблено древнеримским поэтом Горацием. ФЕ с компонентами-цветообозначениями *white, blue, red* обязаны своим происхождением историческим фактам. Например, выражение *mark something with a white stone* 'отметить что-то как знаменательное событие' в значении *regard something as especially fortunate or happy* имеет следующую предысторию: римляне использовали белый камень либо кусок мела, для того чтобы отмечать счастливые (знаменательные) дни в календаре, а черный уголь – для неудачных дней.

Происхождение ФЕ *blue-on-blue* «синие по синим», огонь по своим' связано с военными учениями НАТО в 1950 году. Во время военных учений союзные силы армий НАТО были обозначены синими вымпелами, а армии стран Варшавского договора – красными, однако огонь был ошибочно произведен по своей армии и это привело к гибели солдат со стороны НАТО. Выражение *red under (the) beds* «красные под кроватью» впервые было использовано в *Chicago Sunday Tribune* в 1924 году и употреблялось для описания преувеличенного или навязчивого страха перед коммунистами.

3.2.4. Фразеотематическая группа «Характеристики восприятия»

3.2.4.1. Во фразеотематическую группу «Характеристики восприятия» вошли такие подгруппы, как *ВРЕМЯ, МЕСТО, СИМВОЛ*. Подгруппу *ВРЕМЯ* составили следующие 11 ФЕ с компонентами-цветообозначениями (38% от общего количества ФЕ группы «Характеристики восприятия»): *black season* 'период несчастий, неудачное время', *white night* 'ночь без сна', *white day* 'счастливые, беззаботные времена, дни', *till all is blue* 'до предела, всюду, до бесконечности, бесконечно'. ФЕ, составляющие подгруппу *ВРЕМЯ*, являются моносемантами. 3 ФЕ (27% от общего количества ФЕ подгруппы) осложнены национально-культурным компонентом, например: *blue Monday* 'букв. голубой понедельник'. Выражение было введено в 2005 году британским психологом Клиффом Арналлом, который подразумевал под данной идионой самый грустный день в году. Клифф Арналл определил этот день с помощью математической формулы, рассчитав такие факторы, как низкий уровень солнечной энергии, окончание новогодних праздников, короткий световой день, экономическая нагрузка. По его расчетам таким днем является третий понедельник января.

Идиома *once in a blue moon* обязана своим происхождением редкому природному явлению – появлению полнолуния дважды в месяц. Данное явление случается раз в 32 месяца. Стоит отметить, что первый раз эта идиома была использована в 1528 году

в антиклерикальном памфлете, написанном Уильямом Роем и Джереми Барлоу.

3.2.4.2. Подгруппа *МЕСТО* представлена 5 ФЕ-моносемантами (17% от общего количества ФЕ группы «Характеристики восприятия»): *black spot* ‘место частых аварий на дороге’, *red lamp* ‘красный фонарь, публичный дом’. Происхождение ряда ФЕ (3 ФЕ – 60%) связано с историческими фактами. Например, выражение *black hole of Calcutta* букв. ‘черная дыра Калькутты’ связано с историческим событием, датированным 19 июня 1756 года, когда по приказу Сураджи Довии в замкнутое помещение площадью 13 квадратных футов были помещены 146 английских заключенных. Их страдания были мучительными, и до утра дожили только 23 человека. Идиома *the wide (or wild) blue yonder* ‘далекое или неизвестное расстояние’ впервые была упомянута в песне Роберта Кроуфорда *Army Air Corps* (1939) и осложнено интернациональным компонентом. Выражение *beyond the black stump* букв. ‘за черным пнем, в очень уединенном месте, вдалеке от цивилизации, неизвестно где’ используется в австралийском варианте английского языка и означает, что, даже если вы зайдете настолько далеко, насколько сможете, черный пень все равно будет немного дальше.

3.2.4.3. В подгруппу *СИМВОЛ* вошли 12 ФЕ, пословицы, поговорки, крылатые выражения (41% от общего количества ФЕ группы «Характеристики восприятия»), в которых закодированы различные ситуации, связанные с человеком и окружающим его миром. Например: *the devil is not so black as he is painted* ‘не так страшен черт, как его малюют’, *red rag / be like a red rag to a bull* ‘быть как красная тряпка для быка’, *white flag* ‘белый флаг’ (капитуляция), *white lie* ‘невинная ложь, ложь во спасение’. Анализ показал, что все ФЕ являются моносемантами. Выражение *to be not worth a red cent* ‘гроша медного не стоит’ возникло в 18 веке и связано с историческим фактом чеканки пенни и центов из меди, из-за чего они имели красноватый цвет. Идиома *the grass is always greener* ‘(у соседа) трава всегда зеленее’ является сокращенной формой пословицы *no tu сторону забора трава всегда зеленее* и используется в качестве предостережения от недовольства собственной судьбой. ФЕ с компонентом-цветообозначением *green* *Gretna Green* ‘Гретна-Грин’ происходит от названия деревни на границе с Шотландией, где убежавшие влюбленные могли обвенчаться без предоставления соответствующих документов. Значение данной ФЕ осложнено национально-культурным компонентом.

3.2.5. Фразеотематическая группа «Смежные характеристики». Тематическая группа «Смежные характеристики» представлена подгруппой *СОСТОЯНИЕ*, например: *(as) black as hel, as jet, as my или your hat, as night, as mid-night, as pitch, print или the grave* ‘совершенно темно, непроглядная тьма, тьма кромешная; хоть глаз выколи’, *be in the red* ‘быть в долгу, иметь задолженность’, *red ink* ‘ситуация, при которой вы должны больше

денег, чем у вас есть’, *to squeeze / suck an orange* ‘использовать до конца, полностью, выжать всё, что можно’. Анализ их семантики показал, что все являются моносемантами, дефиниции некоторых ФЕ осложнены национально-культурным компонентом и отмечены пометами, указывающими на стилистическую окрашенность. Следует также отметить, что все ФЕ с колоративным компонентом *red* характеризуют состояние человека. Задолженность, сумма убытка и недоимки отмечались красным цветом (чернилами) согласно правилам ведения бухгалтерского учета в Англии. Выражение *go gathering orange blossoms* ‘искать жену’ характеризуется наличием национально-культурного компонента, так как в Англии эта идиома обозначала цветы апельсина, используемые в качестве свадебных украшений и символизирующих невинность невесты.

4. Выводы

4.1. Исследуемые английские фразеологические единицы с компонентами-цветообозначениями представляют собой особый тип единиц, эксплицирующий во фразеологической системе особенности культурного кодирования картины мира лингвокультурного сообщества. Важность изучения цветовой фразеологии обусловлена лингвокультурологическим подходом к системному исследованию взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в его функционировании, особенностей восприятия и вербализации актуальных понятий посредством идиом с компонентами-цветообозначениями, отражающих ценностные траектории в картине мира англоязычного лингвокультурного сообщества.

4.2. Фразеологические единицы с компонентом-цветообозначением активно участвуют в процессе фразеологической номинации благодаря семантическому богатству цветового компонента, многообразию его экспрессивно-образных значений, на основе которых формируются символические ассоциации и сравнения. В корпус эмпирического материала вошли ФЕ с наименованиями 11 базовых цветов: белого, черного, красного, синего, зеленого, желтого, коричневого, фиолетового, оранжевого, розового, серого. Наибольшей фразеоактивностью характеризуются *black, blue, red, white*. Низкая фразеоактивность характерна для компонентов *brown, grey, purple*.

4.3. В английской фразеологической картине мира преобладают ФЕ с компонентами-цветообозначениями, относящиеся к фразеотематической области ЧЕЛОВЕК. Данная область неоднородна и включает социальные, биологические, эмоциональные характеристики человека, характеристики восприятия, а также ряд смежных характеристик. Результаты фразеотематической классификации свидетельствуют о том, что во фразеологической картине мира английского языка превалирует антропоморфное мировосприятие, причем ФЕ

с компонентами-цветообозначениями в основном участвуют в кодировании различных социальных характеристик человека. Во фразеотематической области *ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА* преобладают ФЕ с компонентами-цветообозначениями, относящиеся к рукотворной среде.

4.4. Анализ семантики ФЕ с компонентами-цветообозначениями показал, что в основном ФЕ являются моносемантами. ФЕ с компонентом *white* имеют положительную культурную коннотацию, так как белый цвет в английском языке ассоциируется и воспринимается, как связь с добром и честностью, чистотой, с позитивным образом человека, его успешной деятельностью. Однако, ФЕ с компонентом *white* имеет и отрицательную культурную коннотацию, где белый цвет воспринимается как высшая степень непорядочности в деловой сфере. ФЕ с компонентом *black* отличаются наиболее однозначной отрицательной культурной коннотацией, ассоциируясь в сознании со смертью, трауром, неизвестностью, мистикой, дьяволом, депрессией, колдовством. ФЕ с компонентом *red* во многих языках имеет положительную культурную коннотацию, и воспринимается в значении «красивый, прекрасный». Однако, в исследовании установлена и отрицательная культурная коннотация ФЕ с *red*, ассоциирующаяся с войной, агрессией, опасностью, запретом. В процессе анализа установлено, что в английском языке ФЕ с компонентом *blue* с положительной культурной коннотацией ассоциируются только два значения, характеризующие ожидание счастья, постоянство, верность. Все остальные ФЕ имеют отрицательную культурную коннотацию, выражающую агрессию, грусть или несчастье. ФЕ с компонентом *green* имеют положительную культурную коннотацию, связанную с образом зарождения новой жизни, с созидательной силой природы. ФЕ с компонентом *yellow* в большинстве случаев выражают такие черты характера человека, как трусливость, малодушие, безволие и имеют отрицательную культурную коннотацию. Результаты анализа ФЕ с компонентами-цветообозначениями позволяют утверждать, что в зависимости от символического значения цветообозначения в составе фразеологизма, происходит формирование отрицательной или положительной коннотации ФЕ.

4.5. В процессе анализа установлено, что значение ФЕ с компонентами-цветообозначениями осложнено национально-культурным и интернациональным компонентами. Система образов, актуализируемая ФЕ с компонентами-цветообозначениями, основывается на национально-культурных особенностях отражения окружающей действительности в английском языке. Значения ФЕ с компонентами-цветообозначениями, осложненные интернациональным компонентом, связаны с библейскими мотивами, античной мифологией, историей, литературой. Следует отметить,

стилистическую маркированность ряда анализируемых ФЕ (жарг., сленг, разг.), функционирование отдельных ФЕ только в определенном варианте английского языка (австрал., амер.), а также связь происхождения ФЕ с историческими событиями, что подтверждается использованием пометы истор.

4.6. ФЕ с компонентами-цветообозначениями возникают как результат вторичной косвенной номинации и представлены разнообразными взаимодействиями слов-компонентов в процессах семантической трансформации или образования нового значения. Переосмысление происходит в ходе процесса фразеологической номинации, в результате чего языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами. Основными инструментами процесса фразеологической номинации являются метафора и метонимия.

4.7. Язык является не только средством общения и межкультурной коммуникации, но и неиссякаемым источником всего познанного человечеством. ФЕ с компонентами-цветообозначениями занимают важное место в языковой картине мира носителей языка, так как они тесно связаны с повседневной жизнью человека, его привычками, чувствами, поведением, обычаями и традициями языкового общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базыма Б. А. Психология цвета. Теория и практика. Санкт-Петербург: Речь, 2005. 208 с.
2. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. С. 231-292.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Рус. яз., 1990. 246 с.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. Москва: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
5. Дюпина Ю. В. Классификации цветообозначений в лингвистической литературе // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 220-221.
6. Кармин А. С. Культурология. Санкт-Петербург: Лань, 2003. 928 с.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.
8. Кудря О. А. Лексико-семантическая классификация вторичных цветообозначений в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект // Русистика. 2015. № 1. С. 53-59.
9. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. Москва, 2001. 489 с.
10. Мартынова Н. А. «Символическое» цветообозначение в русской лингвокультуре // Филология и человек. 2013. № 4. С. 56-66.
11. Маслова В. А. Коды лингвокультуры. Москва: ФЛИНТА : Наука. 2016. 180 с.
12. Олейник С. В. Особенности фразеологической вербализации ценностных концептов в английском и украинском языках // Процедуры концептуального анализа в разноструктурных языках / под ред. О. Л. Бессоновой. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 235-264. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 7).

13. Прохорова А. М. Цветовая символика в английских и русских устойчивых словосочетаниях // Перспективы Науки и Образования. 2014. № 1. С. 252-255.
14. Рогулина Е. Э. К вопросу о национально-культурной семантике испанских фразеологизмов // Вестник Российского нового университета. Серия: человек в современном мире. Москва, 2018. № 3. С. 75-82.
15. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Наука, 1993. 656 с.
16. Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения: (на материале языков славянской, германской и романской групп). 2-е изд., доп. Москва: URSS, 2008. 304 с.
17. Талапина М. Б., Комарова З. И. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, 2011. 220 с.
18. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. Москва: Наука, 1984. 176 с.
19. Berlin B., Kay P. Universality and Evolution of basic Color Terms. Berkeley: California University, 1969. 50 p. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED019655.pdf>. (accessed: 25.09.2022).
20. Holandi Rayna. Language symbolism in animalistic phraseology (a contrastive study on English and Bulgarian) // LINGUO-CULTURAL COMPETENCE AND PHRASEOLOGICAL MOTIVATION. Germany: Schneider Verlag Hohengehren, 2011. P. 255-270.
21. Phraseology And Culture In English / Paul Skandera (ed). Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 2007. 511 p.
22. Piirainen E. Figurative phraseology and culture // PHRASEOLOGY. AN INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 207-228.
23. Sabban A. Critical observations on the culture-boundness of phraseology // PHRASEOLOGY. AN INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 229-241.
24. Zyкова I. The phraseological meaning construal in the traditional vs. cognitive culture-oriented perspectives // LEGE ARTIS. LANGUAGE YESTERDAY, TODAY, TOMORROW. Warsaw: De Gruyter Open, 2016, Vol. I (2), December. P. 253-286.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кунин А. В. Большой Англо-русский фразеологический словарь. Москва: Русский язык, 2008. 944 с.
2. ABBYY Lingvo. 2014. Available at: <https://www.lingvolive.com/ru-ru>. (accessed: 25.09.2022).
3. Cambridge International Dictionary of Idioms. EdinburghCambridge University Press, 1998. 587 p.
4. Collins COBUILD Dictionary of Idioms. HarperCollins Publishers, 1997. 514 p.
5. Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. 2004. Available at: <https://elt.oup.com/catalogue/items/global/dictionaries>. (accessed: 25.09.2022).
6. Spears, Richard A. NTC's thematic dictionary of American idioms. Chicago: Includes index, 1999. 433 p.

REFERENCES

1. Bazыma, B. A. (2005). *Psihologiya tsveta. Teoriya i praktika* [Colour psychology. Theory and practice]. Stankt-Peterburg: Rech. (In Russ.).
2. Vezhbickaya, A. (1996). *Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya* [Designation of colour and universals of visual perception]. In *Yazyk. Kultura. Poznanie*. Moskva: Russkie slovari. Pp. 231-297. (In Russ.).
3. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1990). *Yazyk i kultura: Lingvostranovedenie*

v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and culture: Linguistics and regional studies in teaching Russian as foreign language]. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva: Rus. yaz. (In Russ.).

4. Vorobev, V. V. (1997). *Lingvokulturologiya: teoriya i metody* [Linguaculturology: theory and methods]. Moskva: Izd-vo RUDN. (In Russ.).

5. Dyupina, Yu. V. (2013). Klassifikatsii tsvetooboznacheniy v lingvisticheskoy literature [Classification of colour designations in linguistic literature]. In *Molodoy uchenyy*. No. 1. Pp. 220-221. (In Russ.).

6. Karmin, A. S. (2003). *Kulturologiya* [Cultural studies]. Sankt-Peterburg: Lan. (In Russ.).

7. Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).

8. Kudrya, O. A. (2015). Leksiko-semanticheskaya klassifikatsiya vtorichnykh tsvetooboznacheniy v angliyskom i ukrainskom yazykakh: lingvokulturologicheskiy aspekt [Lexico-semantic classification of secondary color terms in English and Ukrainian. Linguistic and cultural aspect]. In *Rusistika*. No. 1. Pp. 53-59. (In Russ.).

9. Kulpina, V. G. (2001). *Lingvistika tsveta: terminy tsveta v polskom i russkom yazykakh* [Colour linguistics: color terms in Polish and Russian]. Moskva. (In Russ.).

10. Martyanova, N. A. (2013). «Simvolicheskoe» tsvetooboznachenie v russkoy lingvokulture [Symbolic colour designation in Russian lingua-culture]. In *Filologiya i chelovek*. No. 4. Pp. 56-66. (In Russ.).

11. Maslova, V. A. (2016). *Kody lingvokultury* [Linguistic culture codes]. Moskva: FLINTA: Nauka. (In Russ.).

12. Oleynik, S. V. (2012). Osobennosti frazeologicheskoy verbalizatsii tsennostnykh kontseptov v angliyskom i ukrainskom yazykakh [Features of phraseological verbalization of value concepts in English and Ukrainian]. In *Protsedury kontseptualnogo analiza v raznostrukturnykh yazykakh / pod red. O. L. Bessonovoy*. Donetsk: Izd-vo DonNU. Pp. 235-264. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; T. 7). (In Russ.).

13. Prokhorova, A. M. (2014). Tsvetovaya simbolika v angliyskikh i russkikh ustoychivyykh slovosochetaniyakh [Colour symbolism in English and Russian set phrases]. In *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*. No. 1. Pp. 252-255. (In Russ.).

14. Rogulina, E. E. (2018). K voprosu o natsionalno-kulturnoy semantike ispanskikh frazeologizmov [Revisiting the national-cultural semantics of Spanish phraseological units]. In *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta*. No. 3. Pp. 75-82. (In Russ.).

15. Sepir, E. (1993). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii* [Selected works on Linguistics and Cultural studies]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

16. Solodukho, E. M. (2008). *Teoriya frazeologicheskogo sblizheniya: (na materiale yazykov slavyanskoy, germanskoy i romanskoy grupp)* [The theory of phraseological convergence (based on Slavic, Germanic and Romance language groups)]. 2-e izd., dop. Moskva: URSS. (In Russ.).

17. Talapina M. B., Komarova, Z. I. (2011). *Lingvotsvetovaya kartina mira: akhromaticheskiiy fragment* [Linguo-colour image of the world: achromatic fragment]. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo federalnogo universiteta. (In Russ.).

18. Frumkina, R. M. (1984). *Tsvet, smysl, skhodstvo: Aspekty psiholingvisticheskogo analiza* [Colour, meaning, similarities. Aspects of psycholinguistic analysis]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

19. Berlin B., Kay P. (1969). *Universality and Evolution of basic Color Terms*. Berkeley: California University. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED019655.pdf>. (accessed: 25.09.2022).

20. Holandi, Rayna. (2011). Language symbolism in animalistic phraseology

(a contrastive study on English and Bulgarian). In *LINGUO-CULTURAL COMPETENCE AND PHRASEOLOGICAL MOTIVATION*. Germany: Schneider Verlag Hohengehren. Pp. 255-270.

21. *Phraseology And Culture In English* / Paul Skandera (ed). Berlin. New York: Mouton de Gruyter, 2007.

22. Piirainen, E. (2008). Figurative phraseology and culture. In *PHRASEOLOGY. AN INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins. Pp. 207-228.

23. Sabban, A. (2008). Critical observations on the culture-boundness of phraseology. In *PHRASEOLOGY. AN INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins. Pp. 229-241.

24. Zykova, I. (2016). The phraseological meaning construal in the traditional vs. cognitive culture-oriented perspectives. In *LEGE ARTIS. LANGUAGE YESTERDAY, TODAY, TOMORROW*. Warsaw: De Gruyter Open. Vol. I (2), December. Pp. 253-286.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Kunin, A. V. (2008). *Bolshoy Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar* [Unabridged English-Russian Phraseological Dictionary]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

2. *ABBYY Lingvo*. 2014. Available at: <https://www.lingvolive.com/ru-ru>. (accessed: 25.09.2022).

3. *Cambridge International Dictionary of Idioms*. Edinburgh: Cambridge University Press, 1998.

4. *Collins COBUILD Dictionary of Idioms*. HarperCollins Publishers, 1997.

5. *Oxford Idioms Dictionary for Learners of English*. 2004. Available at: <https://elt.oup.com/catalogue/items/global/dictionaries>. (accessed: 25.09.2022).

6. *Spears, Richard A. NTC's thematic dictionary of American idioms*. Chicago: Includes index, 1999.

Бессонова Ольга Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедры английской филологии (e-mail: o.bessonova@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Bessonova Olga L. – Doctor of Philology, Professor, Head of English Philology Department (e-mail: o.bessonova@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Еременко-Григоренко Юлиана Николаевна – бакалавр кафедры английской филологии (e-mail: olesya_yuliana@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Eremenko-Grigorenko Yuliana N. – Bachelor of English Philology Department (e-mail: olesya_yuliana@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 10 октября 2022 г.

СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «GESCHMACK» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена комплексному исследованию лексем со значением вкуса в немецком языке. Полевой подход позволил раскрыть особенности системной организации густативной лексики, определить идентификатор, связывающий все элементы поля ассоциативной связью.

Ядро поля «Geschmack» образуют элементы, в семантической структуре которых первичное значение совпадает с понятием вкуса. Критерий разграничения других зон семантического поля – степень семантической близости с ядерными значениями.

Определение коэффициента ранговой корреляции между семантическими компонентами густативных лексем позволило установить иерархию сем.

Ключевые слова: *системный анализ, семантическое поле, коэффициент ранговой корреляции, иерархия сем.*

© 2022 M. N. Mokhosoeva

THE STRUCTURE OF «GESCHMACK» SEMANTIC FIELD (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

The article is devoted to the multicenter study of lexical units meaning taste in the German language. The field approach allows to reveal the features of the systematic organization of gustatory lexical units, to determine the identifier that binds all the elements of the field. The core of «Geschmack» semantic field is formed by the elements in which the primary meaning coincides with the concept of taste. The criterion for distinguishing other zones of the semantic field is the degree of semantic proximity to the nuclear values. The determination of the rank correlation coefficient between the semantic components of gustatory lexical units allowed to establish the hierarchy of semes.

Key words: *systematic analysis, semantic field, rank correlation coefficient, seme hierarchy.*

1. Введение

Вкусовые ощущения играют важную роль в жизни человека. Как указывает Э. Б. де Кондильяк, вкусовые ощущения действуют на человека сильнее, чем запахи, и определяют его состояние больше, нежели звуки, поскольку чувство вкуса неразрывно связано с принятием пищи [Кондильяк, 2019: 38].

Несмотря на заинтересованность лингвистов перцепцией вкуса (В. В. Гридасов, Н. Э. Гронская, А. В. Куценко, Н. К. Малинаускене, А. В. Макарова, Т. М. Матвеева, А. Х. Мерзлякова, Ж. В. Лечицкая, Н. А. Тимейчук), густативная лексика не была предметом комплексного изучения на материале немецкого языка, что обуславливает **актуальность** данного исследования.

Целью статьи является комплексное описание и классификация лексики

со значением вкуса в немецком языке.

Как отмечает Д. Н. Шмелев, «потребность системного изучения лексики стала почти аксиомой» [Шмелев, 2017: 7]. Неоспоримым фактом современной лингвистики является то, что «одним из основных достижений лингвистических исследований справедливо считают понимание лексики как системы» [Абрамов, 2003: 65].

В ходе описания лексики со значением вкуса используем полевой принцип системной организации. Полевой подход к описанию языковых явлений широко применяется в лингвистике. Этот подход возник в семасиологии и распространился на широкий круг явлений, в частности, лексические группы или парадигмы, парадигматические (понятийные) поля (У. Гуденаф, Ф. Лаунсбери, Е. Косериу, Й. Трир), семантические поля (Ю. М. Караулов), синтаксические поля (Л. Вайсгербер, В. Порциг), грамматические (В. Г. Адмони), грамматико-лексические (Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс), функционально-семантические поля (А. В. Бондарко).

Идея поля возникла у немецкого филолога Й. Трира в 1923 г. Языковым полем Й. Трир называл группу родственных значений (нем. *sinnverwandte Bedeutung*) или некоторую смысловую сферу (нем. *Sinnbezirk*) [Trier, 2013: 9]. С позиции современной лингвистической терминологии, точнее называть поля Й. Трира лексико-семантическими, а не семантическими – они выделяются на основе логико-семантического, а не собственно языкового подхода. Под полевой структурой, вслед за З. Д. Поповой, И. А. Стерниным, называем объединения разных элементов системы языка, которые имеют признаки языкового поля [Артемова, 2000: 8].

Материалом исследования являются имена прилагательные, имена существительные и глаголы немецкого языка со значением вкуса, полученные методом сплошной выборки из современного толкового словаря Duden. Общий объем густативной лексики составил 918 единиц. За единицу исследования принят лексико-семантический вариант многозначной густативной лексемы.

2. Структура семантического поля «Geschmack»

Лингвисты объединяют в одну группу густативные лексемы (чаще всего прилагательные), исходя из семасиологического принципа – на основе общего семантического компонента (К. М. Герасимова, А. В. Куценко, Г. Н. Лукина, Л. И. Ширина) или на основе ономаσιологического принципа – соотнесенности значений слов с определенными понятиями (Ж. В. Лечицкая). Учитывая дуализм лингвистического знака как единства формы и содержания, в данном исследовании придерживаемся одновременно двух подходов к анализу языковых явлений.

Ономасиологическим свойством семантического поля является наличие в его основе родовой обобщающей семы, или гиперсемы. Основой объединения слов в семантическое поле является наличие семы *Geschmack* (вкус) в структуре основного значения лексем.

Архилексема немецкого языка *GESCHMACK* покрывает все значение вкусового поля и выполняет интегрирующую функцию. Архилексемой, вслед за Э. Косериу и В. Г. Гаком, называем общую сему родового значения [Гак, 2010: 22; Косериу, 2009: 12].

Семасиологическая характеристика поля заключается в том, что члены поля соотносятся друг с другом по интегрально-дифференциальным признакам, это свойство позволяет объединять и различать их в рамках одного поля. Таким образом, семантическая структура поля состоит из таких частей:

1. Ядро поля, которое представлено родовой семой (гиперсемой). Гиперсема поля – это семантический компонент высшего порядка, который организует около себя семантическое развертывание поля.

2. Центр поля, состоящий из единиц, имеющих интегральное (общее с ядром и смежными единицами) значение.

3. Периферия поля, которая включает единицы, наиболее отдаленные в своем значении от ядра; при этом общее родовое понятие отодвинуто к разряду потенциальной или вероятностной семантики. Периферию поля составляют элементы, имеющие вкусовой признак в производных значениях. Периферийные единицы поля вступают в контакт с другими семантическими полями, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы.

В данном исследовании статус каждого члена семантического поля определялся посредством компонентного анализа на основе выявления в значении парадигматических связей. Компонентный анализ, базирующийся на словарных дефинициях, делает возможным раскрытие сути значений слов.

В результате компонентного анализа выделено ограниченное количество сем, что связано со «слабовыраженной дифференциацией как вкусового качества, так и густативных значений» [Мерзлякова, 2003: 89; Темиргазина, 2013: 117].

Корпус густативной лексики немецкого языка (918 единиц) распределяется количественно между зонами семантического поля «*Geschmack*» следующим образом: ядро – 8 единиц (1%), околоядерная зона – 318 единиц (35%), ближняя периферия – 270 единиц (29%), дальняя периферия – 322 единицы (35%).

Ядро исследуемого поля образуют элементы, в семантической структуре которых первичное значение совпадает с понятием вкуса. Ядро семантического поля «*Geschmack*»

представлено густативными значениями:

1) одноименного существительного: *Geschmack*¹ (*m*) – *etwas, was man mit dem Geschmackssinn wahrnimmt; charakteristische Art, in der schmeckt, wenn man ihn isst oder trinkt* ‘то, что воспринимается с помощью чувства вкуса; характерный вкус вещества, которое человек ест или пьет’; *Geschmack*² (*m*) – *Fähigkeit zu schmecken; Geschmackssinn* ‘способность ощущать вкус; чувство вкуса’ [Duden, 2003: 681],

2) прилагательных, связанных с существительным *Geschmack* (*m*) гипонимическими и синтагматическими отношениями, которые объективируют в языке основные вкусовые качества: *süß* ‘сладкий’, *bitter* ‘горький’, *salzig* ‘солёный’, *sauer* ‘кислый’.

Ядро семантического поля «*Geschmack*» соответствует критериям ядра, определенным А. М. Кузнецовым: а) слова, относящиеся к ядру, простые по своей морфологической структуре; б) семантика ядерных слов шире, чем семантика периферийных слов; в) ядерные лексемы имеют более широкую сочетаемость [Кузнецов, 1980: 77; Кобозева, 2000: 150].

Критерий разграничения других зон семантического поля «*Geschmack*» – степень семантической близости с ядерными значениями. Вокруг ядерных значений группируются слова, именуемые **околоядерными**. Они представляют собой:

а) однокоренные (с ядерными лексемами) слова, имеющие общее густативное значение, напр.: *salzig* → *salzhaltig* ‘солёный’; *bitter* → *Bitternis*¹ (*f*) ‘горький вкус’; *Bitterstoff* (*m*), *Bittermittel* (*n*) ‘горькое вещество, добываемое из растений’; *süß* → *Süße*¹ (*f*), *Süßigkeit*¹ (*f*); *Süßlichkeit* (*f*) ‘сладкий вкус’;

б) синонимы ядерных лексем, напр.: *Geschmack*¹ (*m*) ‘вкус’ – *Geschmackigkeit* (*f*) ‘вкус’; *Geschmacksrichtung*¹ (*f*) ‘направленность вкуса, вкусовой признак, определенный вкус’; *Schmack*² (*m*) ‘вкус’;

в) значения, соответствующие формуле толкования: **«имеющий вкус [+ N] [+ дифференциальные компоненты]**, где де N – эталон вкуса, квадратные скобки указывают на факультативность признака.

В ходе исследования были выделены такие дифференциальные компоненты:

– **интенсивность** (сильный / слабый вкус), напр.: *bitter*¹ – *von sehr herbem (bis ins Unangenehme gehendem) Geschmack* ‘имеющий очень терпкий (до неприятного) вкус’ [Duden, 2003: 311]; *streng*⁴ – *durchdringend auf den Geschmacks- oder Geruchssinn wirkend; herb und etwas bitter* ‘острый на вкус или запах; терпкий, горьковатый’ [Duden, 2003: 1604];

– **оценка** (приятный / неприятный вкус), напр.: *lecker*¹ – *besonders wohlschmeckend* (*aussehend, erscheinend*) ‘особенно вкусный (аппетитный на вид)’ [Duden, 2003: 715]; *geschmackig*¹ – *gut gewürzt, pikant*; *geschmackvoll, wohlschmeckend* ‘хорошо приправленный, пикантный; вкусный’ [Duden, 2003: 681]; *köstlich*¹ – (*besonders von Speisen, Getränken und anderen Genüssen*) *besonders gut, herrlich (schmeckend, erfrischend)* ‘(о еде, напитках и других лакомствах) очень вкусный, великолепный на вкус, освежающий’ [Duden, 2003: 654];

– комбинация компонентов **интенсивность + оценка**, напр.: *übersüß, übersüßt – allzu süß, süßer als nöthig oder angenehm ist* ‘слишком сладкий, неприятно сладкий, приторный’ (**оценка «–» + насыщенность**);

г) единицы, обозначающие вкус вследствие синестезийного переноса, напр., перенос тактильная сфера → вкусовая сфера: *kräftig*¹, *intensiv, heftig*¹ ‘сильный, острый (о вкусе)’.

Периферию поля формируют элементы, имеющие вкусовой признак в субординативной позиции – в производных значениях (значения № 2, № 3 и т. д.), напр.: *streng*⁴ ‘острый, едкий (на вкус, запах)’. К периферии относим также вторичные значения полисемантических лексем, составляющих ядро семантического поля «Geschmack», напр. *sauer*⁷ – *Verdruss über etwas, Missmut ausdrückend* ‘огорченный, недовольный’; *sauer*⁸ – *über etwas verärgert, wütend* ‘расстроенный, рассерженный’ [Duden, 2003: 1574].

Производные значения относятся к ближней или дальней периферии поля.

Ближняя периферия представлена:

а) группой, в которой вкусовое качество выражено через отношение к конкретным предметам (группа формируется относительными прилагательными, называющими плоды, ягоды, фрукты, грибы и т. д.), напр.: *Erdbeere*- ‘клубничный’, *Johannisbeer*- ‘смородиновый’, *Apfelsinen*- ‘апельсиновый’, *Bananen*- ‘банановый’, *Trauben*- ‘виноградный’;

б) единицами, являющимися оценочными и характеризующими вкус в определенном контексте, напр.: *berühmt* ‘знаменитый, несравненный’, *vorzüglich* ‘превосходный’, *vortrefflich* ‘прекрасный, отличный’, *angenehm, lieblich* ‘приятный’.

Дальняя периферия семантического поля «Geschmack» включает негустативные значения, образованные от густативных лексем: а) семантическим способом (метафорический и метонимический перенос), напр.: *versalzen*² перен. ‘портить’, *Süß*¹ (n) ‘сладкое вещество’ → *Süß*² (n) ‘выполненная, но еще не оплаченная работа’. Границы поля «Geschmack» варьируют в зависимости от словообразовательных возможностей языка [Шафиков, 1999: 39]. В связи с этим, к дальней периферии исследуемого поля относим лексемы немецкого языка, образованные словосложением, напр.: *Salzbrunnen* (m) ‘соляной

источник', *Salzablagerung* (f) 'соляные отложения; залежи соли', *Salzgrube* (f) 'соляной рудник', *Geschmackssinnesorgan* (n) 'орган вкуса' и др. Одним из способов образования новых терминов является семантическая конденсация [Брагина, 2001: 159].

Семантическое поле «*Geschmack*» имеет двойную структуру: на первичное денотативное поле, отражающее реальные связи и зависимости между элементами действительности, напр. *gesalzene Fische* 'соленая рыба', *gesalzene Gurken* 'соленые огурцы', накладывается вторичное, метафорическое поле, которое отображает социальные, интеллектуальные, духовные сферы: *gesalzener Mensch* 'неприветливый человек', *gesalzene Preise* 'непомерно высокие цены'.

Между ядром и периферией существует промежуточный уровень, который тяготеет или к ядру, или к периферии, опознавательными признаками содержания при этом выступают семы [Вежбицкая, 1999: 54; Schierholz, 2011: 33; Trier, 2013: 47].

Выделение интегральных и дифференциальных признаков в результате компонентного анализа стало основой для группирования густативной лексики в 22 лексико-семантических и 47 тематических групп. Основой выделения лексико-семантических групп является лингвистический критерий (наличие общей инвариантной семы), тематические группы представляют собой не собственно языковые, а предметные объединения слов с общим денотатом (общая идентифицирующая сема на является обязательной [Гак, 2010: 150]. Две классификации лексического материала (лексико-семантическая, лингвистическая и тематическая, экстралингвистическая) не противоречат друг другу. Они дают возможность более полно описать исследуемый пласт лексики и проследить ее развитие.

Для раскрытия структуры семантического поля важна не простая констатация сем, а определение их статуса в иерархии структуры значения. Использование метода В. В. Левицкого для вычисления веса компонентов в словарном толковании и определение коэффициента ранговой корреляции между семантическими компонентами лексем со значением вкуса позволило установить иерархию сем.

Коэффициент ранговой корреляции между семантическими компонентами лексем со значением вкуса рассчитывается следующим образом. Вес компонента в толковании определяется по формуле $W = ((n+1) - r) : n$, где W – искомый вес, n – число компонентов в словарном значении, r – ранг компонента (значения № 1, № 2, № 3 и т. д.) [Левицкий, 2012: 130]. Значения W могут колебаться в пределах от нуля до единицы, статистически весомыми считаются коэффициенты 0,5 и выше.

Процедура базируется на таком предположении: чем ближе к трактуемому слову

находится слово в словарной дефиниции, тем более тесной связью характеризуется семантика обеих слов. В. В. Левицкий утверждает о возможности осуществления инвентаризации лексико-семантической группы таким методом.

Ниже приводятся *интегральная, дифференциальные* и *факультативные* семы поля «*Geschmack*», выделенные в ходе исследования.

I. *Интегральными* называем семы родового значения. В исследуемом семантическом поле сема **Geschmack** имеет статус архисемы и выполняет интегральную функцию, объединяя наименования вкуса в одно поле. Для густативной лексики с компонентом *Geschmack* характерен максимально возможный коэффициент ранговой корреляции, который равен 1. Эта лексика входит в состав значений, формирующих ядро и околоядерную зону семантического поля «*Geschmack*».

В качестве примера определим вес компонента *Geschmack* в первых двух значениях шестизначной лексемы *süß*¹: *in der Geschmacksrichtung von Zucker oder Honig liegend und meist angenehm schmeckend; nicht sauer, bitter* ‘имеющий вкус сахара или меда и, в основном, приятный на вкус; не кислый, не горький’; *süß*² *in seinem Geruch süßem Geschmack entsprechend* ‘который своим запахом соответствует сладкому вкусу’. Компонент *Geschmack* входит в состав обоих значений и равняется максимально возможному весу компонента: $W_{Geschmack}(m) = ((6+1) - 1) : 6 = 1$.

II. Исследование позволяет вычленить *дифференциальные семы* видового значения **интенсивность** (сильный, слабый вкус) и **оценка** (приятный, неприятный вкус). Эти компоненты имеют достаточный вес в толковании густативной лексики – от 0,8 до 1 и относятся к околоядерным значениям семантического поля «*Geschmack*».

Например, вес семы **интенсивность** равен 1 в трехзначной лексеме немецкого языка *säuerlich*: $W_{int} < = ((4+1) - 1) : 4 = 1$. *Säuerlich*¹ – *ein wenig sauer, schwach sauer* ‘немного, слегка кислый’; *säuerlich*² – *ein wenig gegoren, leicht verdorben* ‘который немного перебродил, испортился’; *säuerlich*³ – *leicht verdrießlich, missmutig, missvergnügt* ‘слегка растерянный, недовольный, подавленный’ [Duden, 2003: 1437].

Сема интенсивности (**Int**) имеет такие градуальные конкретизаторы: **Int**<< = нулевая степень интенсивности, **Int**< = недостаточная степень интенсивности, **Int**_{norm} = нормальная степень интенсивности, **Int**>> = превышение степени интенсивности. После знака «=>» указаны слова, использованные в словарных дефинициях для передачи интенсивности.

Вес семы **оценка** в лексеме немецкого языка *pikant* равняется 1: *pikant*: $W_{оценка} =$

$((3+1) - 1) : 3 = 1$ (*pikant*¹ – *angenehm scharf durch verschiedene Gewürze* ‘приятно острый из-за наличия различных приправ’; *pikant*² – *reizvoll, interessant* ‘восхитительный, интересный’; *pikant*³ – *zweideutig, leicht schlüpfrig* ‘двусмысленный, не совсем пристойный’ [Duden, 2003: 1387]).

Сема **оценка** имеет такие конкретизаторы:

(+) = позитивная оценка (приятный на вкус), напр.: *lecker*¹ – *besonders wohlschmeckend* ‘особенно вкусный’;

(–) = негативная оценка (неприятный на вкус), напр.: *bitter*¹ – *von sehr herbem (bis ins Unangenehme gehendem) Geschmack* ‘имеющий очень терпкий (до неприятного) вкус’.

Семы **Int** и **оценки** могут как входить в состав ядра лексического значения, так и формировать его периферию, указывая на интенсивность проявления вкусового признака и на квалификативно-оценочное отношение говорящего к обозначаемому признаку, то есть, эти семы являются факультативными. Семы **Int** и **оценки** легко меняют свой статус и могут быть: а) дифференциальными, б) потенциальными и актуализироваться в переносных значениях. Например, в густативных значениях, соответствующих формуле толкования «**имеющий вкус + int < + оценка (–)**» сема негативной оценки актуализируется в переносных значениях, напр.: *fad(e)*¹ – [*leicht unangenehm*] *nach nichts schmeckend* ‘[не совсем приятный] не имеющий вкуса, пресный’ → разг. *fade*² – *ohne jeglichen Reiz u. daher langweilig* ‘лишенный какой-либо привлекательности и потому скучный’ [Duden, 2003: 1287].

В немецком языке семы «приятный на вкус», «имеющий вкус нормальной степени интенсивности» формируют позитивную оценку 148 густативных значений. Менее продуктивные семы «неприятный на вкус», «имеющий вкус недостаточной / повышенной степени интенсивности» образуют отрицательное оценочное значение в 73 случаях.

III. Семы, коэффициент ранговой корреляции которых составляет $< 0,5$, относим к *факультативным*. Лексико-семантические варианты, содержащие факультативные семы, формируют периферию семантического поля «*Geschmack*». Например, полисемантическая лексема немецкого языка *Geschmack* (*m*) насчитывает восемь лексико-семантических вариантов. Факультативными являются семы **Anstand**, **Takt**, **Ton** «пристойность, манеры, такт, хороший тон», входящие в седьмой ЛСВ и имеющие вес 0,25: $W_{\text{Anstand, Takt, Ton}} = ((8+1) - 7) : 8 = 0,25$.

3. Выводы

Полевой подход позволил раскрыть особенности системной организации густативной лексики в немецком языке.

3.1. Определен стимул-идентификатор *Geschmack*, связывающий элементы поля ассоциативной связью. Ядро поля образует лексика с семантикой вкуса. Критерий разграничения других зон семантического поля «*Geschmack*» – степень семантической близости с ядерными значениями. Периферию поля формируют элементы, имеющие вкусовой признак в субординативной позиции.

3.2. Проведенный компонентный анализ позволил выделить интегральную, дифференциальные и факультативные семы поля «*Geschmack*». Определен коэффициент ранговой корреляции между семантическими компонентами густативных лексем, установлена иерархия сем, а также выявлена зависимость веса компонента в словарном значении от его близости к ядру семантического поля. Установлена бóльшая продуктивность позитивно окрашенных густативных значений в немецком языке.

3.3. Семантическое поле «*Geschmack*» имеет двойную структуру, а именно: первичное денотативное поле, отражающее реальные связи и зависимости между элементами действительности; на него накладывается вторичное (метафорическое) поле, отображающее социальные, интеллектуальные, духовные сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В. П. Семантические поля русского языка. Москва; Краснодар: Академия педагогических и социальных наук РФ; КубГУ, 2003. 338 с.
2. Артемова Н. В. Особенности полевой структуры лексики современного русского языка: На примере глаголов лишения: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2000. 212 с.
3. Брагина Э. Р. Структурно-компонентный анализ терминов кибернетики в английском языке в сопоставлении с украинским и русским: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.15. Донецк, 2001. 214 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва: Яз. рус. культуры, 1999. 776 с.
5. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). 2-е изд. Москва: Просвещение, 2010. 264 с.
6. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Москва: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
7. Кондильяк де Э.Б. Трактат об ощущениях. Москва: URSS, 2019. 250 с.
8. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история = Sincronía, diacronía e historia: проблема языкового изменения. 3-е изд. Москва: Эдиториал УРСС, 2009. 204 с.
9. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. На материале английского языка. Москва: Наука, 1980. 160 с.
10. Левицкий В. В. Семасиология. 2-е изд. Винница: Нова книга, 2012. 675 с.
11. Мерзлякова А. Х. Типы семантического варьирования прилагательных в поле

«Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков): дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Уфа, 2003. 357 с.

12. Темиргазина З. К. Представления о вкусах как когнитивная область знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 115-121.

13. Шафиков С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Уфа, 1999. 88 с.

14. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. 4-е изд. Москва: URSS, 2017. 278 с.

15. Schierholz S. Lexikologische Analysen zur Abstraktheit, Häufigkeit und Polysemie deutscher Substantive. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2011. 262 S.

16. Trier J. Aufsätze und Vorträge zur Wortfeldtheorie. Walter de Gruyter, 2013. 216 S.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Duden. Deutsches Universalwörterbuch: Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. 7 Auflage: Bibliographisches Institut, FA Brockhaus AG, 2003. 2016 S.

REFERENCES

1. Abramov, V. P. (2003). *Semanticheskie polya russkogo yazyka* [Semantic fields of the Russian language]. Moskva; Krasnodar: Akademiya pedagogicheskikh i sotsialnykh nauk RF; KubGU. (In Russ.).

2. Artemova, N. V. (2000). *Osobennosti polevoy struktury leksiki sovremennogo russkogo yazyka: Na primere glagolov lisheniya* [Features of the field structure of the modern Russian vocabulary: Based on verbs of deprivation]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Moskva. (In Russ.).

3. Bragina, E. R. (2001). *Strukturno-komponentnyy analiz terminov kibernetiki v angliyskom yazyke v sopostavlenii s ukrainskim i russkim* [Structural and component analysis of cybernetics terms in English in comparison with Ukrainian and Russian]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.15. Donetsk. (In Russ.).

4. Vezhbitskaya, A. (1999) *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and language descriptions]. Moskva: Yaz. rus. kultury. (In Russ.).

5. Gak, V. G. (2010). *Sopostavitelnaya leksikologiya (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Comparative lexicology (based on the French and Russian languages)]. 2-e izd. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).

6. Kobozeva, I. M. (2000). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moskva: Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, Editorial URSS. (In Russ.).

7. Kondilyak de, E. B. (2019). *Traktat ob oshchushcheniyakh* [An essay on sensations]. Moskva: URSS. (In Russ.).

8. Koseriu, E. (2009). *Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya = Sincronía, diacronía e historia : problema yazykovogo izmeneniya* [Synchrony, diachrony and history = Sincronía, diacronía e historia : the problem of language change]. 3-e izd. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

9. Kuznetsov, A. M. (1980). *Strukturno-semanticheskie parametry v leksike. Na materiale angliyskogo yazyka* [Structural and semantic parameters in the vocabulary. Based on the English language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

10. Levitskiy, V. V. (2012). *Semasiologiya* [Semasiology]. 2-e izd. Vinnitsa: Nova kniga. (In Russ.).

11. Merzlyakova, A. Kh. (2003). *Tipy semanticheskogo varirovaniya prilagatelnykh v pole «Vospriyatie» (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Types of semantic variation of adjectives in the «Perception» field (based on English, Russian and French): diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Ufa. (In Russ.).

12. Temirgazina, Z. K. (2013). Predstavleniya o vkusakh kak kognitivnaya oblast znaniy [Visions of tastes as a knowledge cognitive field]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No. 2. Pp. 115-121. (In Russ.).

13. Shafikov, S. G. (1999). *Teoriya semanticheskogo polya i komponentnoy semantiki ego edinits* [Theory of semantic field and component semantics of its units]. Ufa. (In Russ.).

14. Shmelev, D. N. (2017). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of vocabulary semantic analysis]. 4-e izd. Moskva: URSS. (In Russ.).

15. Schierholz, S. (2011). *Lexikologische Analysen zur Abstraktheit, Häufigkeit und Polysemie deutscher Substantive*. Tübingen : Max Niemeyer Verlag.

16. Trier, J. (2013). *Aufsätze und Vorträge zur Wortfeldtheorie*. Walter de Gruyter.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

Duden. Deutsches Universalwörterbuch: Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 7 Auflage : Bibliographisches Institut, FA Brockhaus AG, 2003.

Мохосоева Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей
(e-mail: marinamohosoeva@gmail.com),
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Mokhosoeva Marina N. – Candidate of Philology, Associate Professor of English Language for Economic Specialities Department
(e-mail: marinamohosoeva@gmail.com),
State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 24 октября 2022 г.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ИЗABELЛОВОГО ЦВЕТА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается происхождение и функционирование изабеллового цвета в немецком языке. Основное внимание акцентируется на анализе структурно-семантических особенностей и динамики развития данного цветообозначения.

Ключевые слова: происхождение, изабелловый цвет, семантика, прилагательное, композит.

THE DESIGNATION OF THE ISABELLA COLOUR IN GERMAN IN THE HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ASPECT

The article examines the origin and functioning of the isabella colour in the German language. The main attention is focused on the analysis of the structural and semantic features and dynamics of the development of this colour designation.

Key words: origin, Isabella colour, semantics, adjective, composite.

Вводные замечания. Цветообозначения прошли достаточно длинный путь эволюции. С одной стороны, можно убедиться, что цвет – сугубо природное явление, с другой стороны, он представляет собой эмоционально-психическую сторону [Романович, 2016: 137].

Проблема возникновения цветообозначений (далее – ЦО) в различных языках активно разрабатывается в последние десятилетия многими исследователями в различных сферах научного знания. Цвет и его обозначения изучаются в разных аспектах. Особое внимание данной проблеме уделяется в философии, психологии, психолингвистике, лингвистике, литературоведении.

Лингвисты, занимаясь изучением ЦО, исследуют их как в синхронном [Матасова, 2019; Сапига, Репина, Жукова, 2016; Супрунова, 2007], так и в диахронном плане [Ганина, 2013; Романович, 2016; Садыкова, 2005]. История и этимология ЦО также становятся объектом исследования, при этом анализу подвергаются как отдельные наименования, так и целые группы [Варфоломеева, Кулемина, 2008; Василевич, 2007]. Как правило, исследователи рассматривают преимущественно историю ЦО, оставляя практически без внимания их этимологию.

В работах, посвященных ЦО немецкого языка [Oksaar, 1961; Leipold, 2009], анализу подвергаются прежде всего так называемые «основные цвета» [Berlin, 1969], которые составляют базовую палитру. В то время как периферийная, но весьма интересная в лингвокультурном отношении группа ЦО, в основе номинации которых лежат некие

факты культуры, искусства, литературы, остается за пределами исследования. К данной группе можно отнести и обозначение изабеллового цвета.

Все вышеизложенное определяет *актуальность* данного исследования.

Научная новизна статьи обусловлена необходимостью углублённого исследования вопросов происхождения и функционирования изабеллового цвета в немецком языке.

Цель статьи – рассмотрение ЦО, обозначающих изабелловый цвет в немецком языке в историко-этимологическом аспекте.

Объектом исследования являются лексемы, обозначающие изабелловый цвет в немецком языке, а *предметом* – их происхождение, семантическое развитие и структурные особенности.

Материалом исследования послужил исторический лексикон ЦО У. Джонса *Historisches Lexikon deutscher Farbbezeichnungen* [Jones, 2013] и 33-томный словарь немецкого языка Я. Гримма и В. Гримма *Deutsches Wörterbuch (DWB)* [Grimm, 1984].

Было отобрано и проанализировано 43 лексемы, обозначающие изабелловый цвет.

Основная часть. Лексемы *isabelino, isabella, isabel, izabela, izabelowy* с цветовым значением широко представлены в европейских языках (испанском, французском, итальянском, английском, словацком, польском, чешском), где в первую очередь речь идет о конской масти [Козырев, 2001].

Выражение *изабеллов цвет* можно отнести к архаичной фразеологии. При выяснении причин архаизации фразеологизмов могут возникать многочисленные спорные моменты, очень часто можно лишь предполагать, что могло способствовать данному явлению [Козырев, 2000: 38].

В лексикографических источниках указывается несколько версий происхождения данного ЦО. По одной версии, которая считалась неоспоримой до 1952 года, цвет *Isabelle* назван по имени испанской принцессы Изабеллы, дочери Филиппа II, супруги австрийского эрцгерцога Альбрехта, которая во время осады последним Остенде (1601) дала обет не менять рубашки до тех пор, пока крепость не будет взята. Поскольку осада длилась очень долго, утверждается, что изменение цвета одежды Изабеллы привело к появлению названия этого цвета.

Согласно более поздней версии лексикографы приводят схожую историю с нижней рубашкой Изабеллы Кастильской (1451-1504), где вместо Остенде фигурирует Гренада, срок изменения цвета рубашки значительно удлиняется.

В русском языке в конце XIX века фразеологическая единица *изабелловый цвет* попала под влияние свободного сочетания, где лексема *изабелла* обозначала американский

сорт винограда [Козырев, 2001].

Существует также теория, которая фокусируется на животных, окрас которых близок к цвету, как источнику слова. В начале XX века в научном журнале *Notes and Queries* была предложена версия, что данное ЦО могло возникнуть в результате искажения лексемы *zibellino* (аксессуар из соболиной шкурки), отметив сходство оттенка и популярность этого мехового палантина в период появления слова в языке.

В этимологическом словаре Ф. Клуге [Kluge, 1989] указывается неопределенный мотив номинации. Аналогичную картину мы наблюдаем и в английском языке. В Оксфордском этимологическом словаре первая фиксация лексемы датируется 1600 годом, признается связь с женским именем, но подчеркивается, что непосредственная основа наименования неизвестна [Козырев, 2001].

Согласно данным исторического лексикона ЦО [Jones, 2013: 1566], в немецком языке лексема *Isabelle / Isabella* появилась в XVII веке, до XIX века употреблялась как цвет моды, так и как цвет масти лошадей, имела высокую продуктивность вплоть до середины XX века.

Под изабелловым цветом понимается смесь различных оттенков: бело-желтого, серо-желтого, светло-коричневого, грязно-коричневого и других (напр.: *Die verschiedenen Arten dieser Farbe sind: bleiches oder strohgelbes; helles oder liches; goldfarbiges; dunkles* [Jones, 2013: 1567]. ‘Различные типы этого цвета: бледный или соломенно-желтый; светлый; золотистый; темный’).

Лексемы на обозначение изабеллового цвета по структурному признаку можно разделить на простые и сложные.

Начиная с XVII века, в немецком языке получает распространение существительное *Isabelle / Isabella*, которое в результате метафоризации употребляется в качестве ЦО. В одном из стихотворений XVII века вместо лексемы *Isabelle* для передачи данного цвета приводится ЦО *Isabeau*, в котором вместо *belle* использован французский аналог *beau* [Jones, 2013: 1566]. В дальнейшем данное ЦО вышло из употребления.

Наряду с этим, в источниках XVII века существительное *Isabella* зафиксировано как одно из названий календулы, цветки которой обычно окрашены в оттенки оранжевого цвета.

Существительное *Isabelle / Isabella* в рамках конверсии превращается в прилагательное и также используется как ЦО. Кроме этого процесс переноса значения возможен на основе деривации с суффиксом *-en*: *isabellen*. Данное прилагательное, отобранное из источников XVII века, передает оттенки серо-желтого и светло-коричневого цветов и определяет исключительно масть лошадей (напр.; *schönne Isabellen*

kutschenpferdt ‘красивые каретные лошади изабелловой масти’) [Jones, 2013: 1567].

Одной из продуктивных моделей немецкого языка является образование композита, в котором первый компонент – наименование предмета определенного цвета, а второй представлен ЦО-прилагательным. Подобные лексемы зафиксированы в группе анализированных ЦО.

Из эмпирического материала отобрано прилагательное-ЦО *isabellgelb* ‘грязно-, коричнево-желтый’, оттенок которого определяется как смесь оттенков желтого и коричневого цветов. Первые упоминания данного ЦО датируются XVIII веком, в этот же период употребляются его субстантивированные формы *das Isabellgelb*, *das Isabelgelbe*. Данные лексемы фиксируются в текстах, в которых перечисляются различные возможные оттенки камней: яшмы, известняка (*Jaspis*, *Kalkstein*) [Jones, 2013: 1569].

В источниках XIX века, кроме вышеназванных форм, встречается также прилагательное *isabellengelb*, а его субстантивированная форма *das Isabellengelb* ‘грязный, коричнево-желтый цвет’ была в употреблении уже в конце XVIII века.

Оттенок изабеллового цвета передает не только варианты желтого, но и других цветов. Так, в анализируемом материале, группа лексем представлена такими композитами как *isabellkarmesin*, *Isabellkarmesin* и *Isabellrot*. Смесь изабеллового и кармезинового цветов представлена как сложным прилагательным, так и существительным-композитом, оттенок же красного цвета, выраженный компонентом *-rot* найден только в виде существительного. Данные оттенки в источниках XVIII века использовались для передачи цвета шелка (*Isabell Carmesin-Seide*) [Jones, 2013: 1570]. С начала XX века в немецком языке распространение получило еще одно сложное ЦО *isabellfalbe* / *Isabellfalbe* ‘изабелловой масти’, которое функционировало исключительно для передачи лошадиной масти. Второй компонент данного композита также мог употребляться отдельно и обозначать определенную масть лошадей (*falb* ‘буланый’).

Не менее продуктивной моделью в группе анализируемых ЦО являются наименования, в которых второй компонент представлен абстрактным корнем со значением ‘цвет’, напр.: *isabellenfarben*. Следует отметить, что данные композиты образуют синонимические ряды, в которых как первый, так и второй компонент, состоит из производных лексем: *isabellafarbig*, *isabellenfarb*, *isabellenfarben*, *isabellenfarbig*, *isabellfarb*, *isabellfarben*, *isabellfärbig*. Из эмпирического материала отобраны композиты с тремя вариантами первого компонента: *isabella-*, *isabellen-*, *isabell-*. Второй компонент со значением ‘цвет’ представлен четырьмя вариантами: *-farbig*, *-farb*, *-farben*, *-färbig*. Рассматриваемые лексемы приводятся в текстах XVII-XX веков. Они передают не только

масть лошадей (*Pferd*), но и цвет ткани (частотным является упоминание льна (*Leinen*) и шелка (*Seide*)), снега (*Schnee*), лимонада (*Limonadenstrom*), окрас оперения канарейки (*Kanarienvogel*), голубя-дутьша (*Kropftaube*).

Для передачи изабеллового цвета в немецком языке используются композиты со вторым компонентом-существительным *-farbe*: *Isabellenfarbe*, *Isabellfarbe*. Лексема *Farbe*, начиная с XVI века, выступает базовым компонентом композитов типа *Leibfarbe* ‘телесный цвет’ и *Erdfarbe* ‘землистый цвет’ [Ус, 2021: 25]. ЦО *Isabellenfarbe*, *Isabellfarbe* возникли в немецком языке в XVII веке, и продолжают употребляться в современном немецком языке, как в единственном, так и во множественном числе, напр.: *Isabellfarben* [Jones, 2013: 1569]. В текстовых примерах XVII-XVIII веков для композитов *Isabellenfarbe*, *Isabellfarbe* характерна графическая вариативность. Данные ЦО могут быть написаны как слитно, так и через дефис (*Isabellen-Farbe*, *Isabell-Farbe*), второй компонент *-farbe* также может быть представлен как в полной, так и в сокращённой форме (*Isabellfarb*) [Jones, 2013: 1568].

Кроме этого, в историческом лексиконе ЦО представлены композиты-субстантивированные прилагательные *das Isabellfarbene* (зафиксирован в произведении Й. В. Гете) и *das Isabellfarbige* (со ссылкой на тексты XIX века).

ЦО *Isabelle* выступает первым компонентом для целого ряда названий видов животных и птиц. Из эмпирического материала было отобрано 6 лексем, которые относятся к данной модели. Существительное *Isabellpferd* ‘лошадь изабеллового цвета’ зафиксировано в текстах XIX века. В XX веке в употребление вошли такие наименования как *Isabellantilope* ‘болотный козел’, *Isabellbär* ‘гималайский медведь’, *Isabellschecke* ‘канарейка, досл. жеребец изабеллового цвета’, *Isabelschwalbe* ‘канарейка, досл. ласточка изабеллового цвета’, *Isabellwürger* ‘рыжий жулан’. Все указанные животные и птицы имеют окраску изабеллового цвета, оттенки их шерсти и оперения сочетают в себе смесь желтого, оранжевого и коричневого цветов.

Для периферии семантического поля ЦО в германских языках весьма продуктивно использование модификаторов [Матасова, 2019: 294]. В немецком языке для обозначения светлых оттенков частотными модификаторами являются *hell*, *licht*, *bläss*. В анализируемом материале зафиксировано одно ЦО с *licht*, в котором данное прилагательное занимает место второго компонента: *isabelllicht* (*isabellig*). Номинация осуществляется на основе сравнения *licht wie Isabellfarbe* ‘светлый, как изабелловый цвет’ [Jones, 2013: 1570].

Выводы. Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Этимология обозначения изабеллового цвета остается до конца невыясненной, исследования в данном направлении могут проводиться с привлечением данных других языков.

ЦО *Isabelle* и его производные впервые появляются в немецком языке в XVII веке. Изабеллов цвет трактуется как грязно-желтый, бело-желтый, серо-желтый либо светло-серый оттенок. ЦО с данным значением используются не только для передачи масти лошадей, но и окраски разнообразных денотатов, обладающих данным оттенком как природным, так и полученным в результате окрашивания. В XVIII-XIX веках обозначения изабеллового цвета становятся одними из ведущих в сфере моды наряду с такими оттенками как *Ocker* 'цвет охры', *Gold* 'цвет золота', *Oraniengelb* 'оранжево-желтый', *Pompadour* 'цвет Помпадур, оттенок телесного цвета', в которые в то время окрашивали ткани, прежде всего шелк и лен.

Касательно структурных особенностей следует отметить, что обозначение изабеллового цвета представлено как простыми так и сложными прилагательными и существительными. Первый компонент подобных ЦО всегда представлен изабелловым цветом, в то время как вторым компонентом выступают как прилагательные ЦО, так и абстрактные корни со значением «цвет», которые образуют целые синонимические ряды.

В XVII-XVIII веках для композитов *Isabellenfarbe*, *Isabellfarbe* характерна графическая вариативность.

В современном немецком языке ЦО *Isabelle* часто встречается в названиях определенных видов животных и птиц (*Isabellbär*, *Isabellwürger*), окрас шерсти и оперения которых близок к данному цвету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варфоломеева И. В., Кулемина К. В. Цвет и этимология этого понятия в лингвистике // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2008. № 4 (45). С. 195-199.
2. Василевич А. П. Этимология цветообозначений как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. Москва: КомКнига, 2007. С. 9-29.
3. Ганина Н. А. Цветообозначения у Мехтильды Магдебургской // От языковых фактов – к построению теории. Сборник научных трудов к 70-летию со дня рождения проф. А. Л. Зеленецкого. Институт языкознания РАН. Калуга, 2013. С. 108-122.
4. Козырев Л. И. К истории одной паремии (все бесы в воду / и пузырья вверх /) // Художественная литература; проблемы исторического развития, функционирования и интерпретации текста. Минск, 2000. Ч. 1. С. 38-41.
5. Козырев Л. И. Материалы для историко-этимологического словаря русской архаичной фразеологии: изабеллов цвет // Славянская фразеология в ареальном,

историческом и этно-культурном аспектах. 2001. Доступ: <http://elib.bspu.by/handle/doc/4367>. (дата обращения: 12.08.2022).

6. Матасова О. В., Уфимцева О. А. Лексико-семантическая группа цветообозначений в современных германских языках // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 293-297.

7. Романович Г. А. История развития цветообозначений в русском и французском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 137-139.

8. Садыкова И. В. История семантического развития цветообозначений багровый и багряный в русском языке // Язык и культура в евразийском пространстве. Томск, 2005. С. 139-145.

9. Сапига Е. В., Репина М. В., Жукова С. В. Цветообозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8. № 2. Ч. 2. С. 192-195.

10. Супрунова Е. И. Цветообозначение в немецком языке как специфическое средство вербальной манифестации внутреннего мира человека // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Белгород, 2007. Вып. 7. Ч. 2. С. 203-205.

11. Ус Ю. Н. Лексема *Farbe* в системе цветообозначений немецкого языка XVI-XIX веков // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2021. Т. 17. Вып. 2 (52). С. 23-31.

12. Berlin B. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley, California: University of California Pr., 1969. 178 p.

13. Leipold A., Solms H.-J. Farbbezeichnungen im Mittelhochdeutschen und Frühneuhochdeutschen // *Speechwissenschaft*. 2009. № 34 (Heft 3). S. 317-340.

14. Oksaar E. Die Farbbezeichnungen im Deutsch der Gegenwart // *Muttersprache*. 1961. Vol. 71, № 8. S. 207-220.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: In 33 Bd-n. Nachdruck. Bd. 4. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München: dtv, 1984. 1084 S.

2. Jones W. J. Historisches Lexikon deutscher Farbbezeichnungen. Berlin, 2013. 3308 S.

3. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 22. Auflage. Berlin; New York: de Gruyter, 1989. 822 S.

REFERENCES

1. Varfolomeeva, I. V., Kulemina, K. V. (2008). Tsvet i etimologiya etogo ponyatiya v lingvistike [The colour and etymology of this concept in linguistics]. In *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 4 (45). Pp. 195-199. (In Russ.).

2. Vasilevich, A. P. (2007). Etimologiya tsvetooboznacheniy kak zerkalo natsionalno-kulturnogo soznaniya [Etymology of color meanings as a mirror of national-cultural consciousness]. In *Naimenovaniya tsveta v indoevropeyskikh yazykakh: Sistemnyy i istoricheskiy analiz*. Moskva: KomKniga. Pp. 9-29. (In Russ.).

3. Ganina, N. A. (2013). Tsvetooboznacheniya u Mekhtildy Magdeburgskoy [The color designations of Mehtilda of Magdeburg]. In *Ot yazykovykh faktov – k postroeniyu teorii*. Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. L. Zelenetskogo. Institut yazykoznaniiya RAN. Kaluga. Pp. 108-122. (In Russ.).

4. Kozyrev, L. I. (2000). K istorii odnoy paremii (vse besy v vodu / i puzyrya vverkh /) [To the story of one paremian unit (all devils in the water / and bubbles up /)]. In *Khudozhestvennaya literatura; problemy istoricheskogo razvitiya, funktsionirovaniya i interpretatsii teksta*. Minsk. Ch. 1. Pp. 38-41. (In Russ.).

5. Kozyrev, L. I. (2001). Materialy dlya istoriko-etimologicheskogo slovarya russkoy

arkhaichnoy frazeologii: izabellov tsvet [Records for the historical and etymological dictionary of Russian archaic phraseology: Isabella color]. In *Slavyanskaya frazeologiya v arealnom, istoricheskom i etno-kulturnom aspektakh*. Gomel: GGU im. F. Skoriny. Available at: <http://elib.bspu.by/handle/doc/4367>. (accessed: 12.08.2022). (In Russ.).

6. Matasova, O. V., Ufimtseva, O. A. (2019). Leksiko-semanticheskaya gruppа tsvetooboznacheniy v sovremennykh germanskikh yazykakh [Lexico-semantic group of colour designations in the modern Germanic languages]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika*. T. 19. Vyp. 3. Pp. 293-297. (In Russ.).

7. Romanovich, G. A. (2016). Istoriya razvitiya tsvetooboznacheniy v russkom i frantsuzskom yazykakh [History of colour designations development in Russian and French]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No. 2 (56): v 2-kh ch. Ch. 2. Pp. 137-139. (In Russ.).

8. Sadykova, I. V. (2005). Istoriya semanticheskogo razvitiya tsvetooboznacheniy bagrovyy i bagryanyy v russkom yazyke [The history of semantic development of the colour designations bagrovyy and bagryanyy in the Russian language]. In *Yazyk i kultura v evraziyskom prostranstve*. Tomsk. Pp. 139-145. (In Russ.).

9. Sapiga, E. V., Repina, M. V., Zhukova, S. V. (2016). Tsvetooboznacheniya v sovremennoy lingvistike: semanticheskii i semioticheskii aspekty [Colour designations in Modern Linguistics: semantic and semiotic aspects]. In *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*. Krasnodar. T. 8. No. 2. Ch. 2. Pp. 192-195. (In Russ.).

10. Suprunova, E.I. (2007). Tsvetooboznachenie v nemetskom yazyke kak spetsificheskoe sredstvo verbalnoy manifestatsii vnutrennego mira cheloveka [Color designation in German as a specific means of verbal manifestation of the inner world of a person]. In *Edinstvo sistemnogo i funktsionanogo analiza yazykovykh edinit*. Belgorod. Vyp. 7. Ch. 2. Pp. 203-205. (In Russ.).

11. Us, Yu. N. (2021). Leksema *Farbe* v sisteme tsvetooboznacheniy nemetskogo yazyka XVI-XIX vekov [The *Farbe* lexeme in the system of color designations of the German language of the XVI-XIX centuries]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 17. Vyp. 2 (52). Pp. 23-31. (In Russ.).

12. Berlin, B. (1969). *Basic color terms: their universality and evolution*. Berkeley, California: University of California Pr.

13. Leipold, A., Solms, H.-J. (2009). Farbbezeichnungen im Mittelhochdeutschen und Frühneuhochdeutschen. / In *Speechwissenschaft*. No. 34 (Heft 3). S. 317-340.

14. Oksaar, E. (1961). Die Farbbezeichnungen im Deutsch der Gegenwart. In *Muttersprache*. Vol. 71. No. 8. S. 207-220.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Grimm, J., Grimm, W. (1984). *Deutsches Wörterbuch*: In 33 Bd-n. Nachdruck. Bd. 4. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München: dtv.

2. Jones, W. J. (2013). *Historisches Lexikon deutscher Farbbezeichnungen*. Berlin.

3. Kluge, F. (1989). *Ethymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 22. Auflage. Berlin; New York: de Gruyter.

Ус Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии (e-mail: usjulia80@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Us Yuliia N. – Candidate of Philology, Associate Professor of Germanic Philology Department (e-mail: usjulia80@yandex.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 26 сентября 2022 г.

УДК 811.111

© 2022 Е. В. Филатова

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вопрос о синтагматической структуре текста как носителя конкретного содержания. Уделяется внимание и его предложенческой структуре и её роли в тексте. Акцент делается на роль интонации при восприятии текста и качестве понимания содержания. Минимальная общеречевая структура – синтагма – лежит в основе всех видов и форм речевой деятельности. Перечисляются типологические признаки синтагмы как предельно минимальной недискретной речевой единицы.

Ключевые слова: *исходная единица речи, синтагматическая структура речи, интонация, синтагма, структура текста, предложение.*

© 2022 E. V. Filatova

SYNTAGMATIC STRUCTURE OF THE TEXT IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article deals with the question of the syntagmatic structure of the text as a certain contents identifier. Attention is paid to the structure of the sentence, its role in the text. The importance of the intonation to comprehend the text and the quality of contents perception are highlighted. The minimal common speech structure – syntagma – is in the core of all kinds and forms of speech activity. Typological features of the syntagma as the utmost minimal non-discrete speech unit are enumerated.

Key words: *initial speech unit, syntagmatic structure of the speech, intonation, syntagma, text structure, sentence.*

1. Вводные замечания. Чтение как вид психической деятельности – это основной способ получения человеком знаний, а получать их без адекватного осмысления читаемого нельзя. Кроме того, психическая деятельность у людей различна: она индивидуальна. Каждый человек будет читать с той скоростью, которая соответствует динамике его мышления.

Цель чтения состоит в том, чтобы, осмысливая читаемое, накапливать знания.

Поэтому с первых же занятий обучению чтению на иностранном языке нужно направлять работу обучающегося на осознание данной цели и её достижение. Нужно, чтобы он правильно понимал читаемое.

Актуальность исследования обусловлена проблемой восприятия иноязычного текста. Проблема понимания возникает одновременно и в устной и в письменной речи. В английском языке пунктуация не играет особой роли. Запятые часто опускаются. Присутствует необходимость постоянного поиска средств и способов адекватного понимания сказанного или написанного.

В последние годы в лингвистике отмечается заметный интерес к проблемам речи, что вполне естественно, так как именно речь выступает в роли орудия познания, формирования и развития у каждого человека его личной системы понятий и представлений о мире, средства самовыражения и взаимопонимания, а также инструмента воздействия на других людей.

Согласно господствующему в науке мнению предложение как исходная структура речи строится из слов, отражая тем самым триаду единиц: **слово, предложение, текст**. Однако ещё В. фон Гумбольдт отмечал, что не речь появляется из слов, а слова появляются из речи [Гумбольдт, 1964: 100]. Он обозначил приоритет речи в развитии языка и подчеркнул спонтанную сущность её порождения. В своих умозаключениях Гумбольдт опирался прежде всего на звучащую речь, как первичную и естественную форму общения.

Синтагмы – предельно минимальные (недискретные) единицы: речевых единиц меньше синтагмы нет. Принцип их выделения и квалификации делимитационный: каждый субъект устной (т. е. первичной, естественной) формы речи интонационно выделяет и разграничивает в своей речи синтагмы, которые легко и однозначно воспринимаются слушателями [Калашникова, 2015: 109].

По проблеме, обсуждаемой в статье, были изучены последние публикации на английском языке, представленные в открытом доступе [Aarts, 2001; Baird, Evans, Greenhill, 2021; Baker, Hengeveld, 2012; Denham, Lobeck, 2013; Forsyth, 2013; Found, 2017; Kuperman, Siegelman, 2022; Ruppel, 2018].

2. Основная часть. Слова, предложения и текст в целом адресуются читателю не для того, чтобы их быстро распознать, а для того, чтобы за ними увидеть передаваемые мысли, осознать их и определиться в них.

В связи с этим тексты для чтения должны соответствовать уровню владения иностранным языком, в противном случае от них не будет пользы.

Чтение неизбежно вызывает у человека различные ассоциации, порождая предпосылки для размышления и развития. Нельзя при чтении подменять осмысление читаемого на скорость звукового воспроизведения. Слишком неравноценная замена.

Особенно если учесть, что в жизни в подавляющем большинстве случаев вслух люди читают весьма редко, а мыслить они должны постоянно.

Абсолютное большинство предложений даже простейших имеет составной характер и нуждается в адекватной расшифровке.

Чтобы его *правильно* понять, т. е. понять его *конкретный авторский смысл*,

недостаточно последовательно прочитать его слова.

Несложно заметить, что в разных ситуациях оно может иметь разную интонацию, разные акценты, а, следовательно, будет передавать разное содержание. Правильное понимание предложения – главная задача при чтении. Понимание достигается осознанием реальной (авторской) структуры, т. е. структуры, которую определил автор.

Если сопоставлять текст с устной речью, можно отметить, что её мы воспринимаем исключительно в том единственном интонационном варианте, который нам представляет говорящий. А вариант у него всегда один, как и одно передаваемое содержание.

В связи с этим вполне очевидно, что и содержание любого текста тоже представлено у автора лишь в одном варианте, так как текст появляется в результате трансформации устной речи в письменную. А устная речь отражает один вариант.

Так что задача читающего – установить этот вариант, а не искать в тексте ничего того, что не предусматривалось автором, чтобы не деформировать его истинное содержание.

Поэтому с первых же занятий нужно обучать распознавать в предложении те его части, непосредственно из которых автор путём последовательного наращивания составлял это предложение и его содержание. Иными словами, нужно обучать находить исходные авторские компоненты читаемого предложения (и текста).

Структура и содержание предложения носят вовсе не словесный, а синтагматический характер. Не из отдельных слов они составлены, а из групп слов – из синтагм, ставших единичными минимальными компонентами в речи автора.

Вполне очевидно, что к построению и восприятию речи непосредственное отношение имеют не столько отдельные слова, сколько их **конкретные сочетания** (синтагмы), т. е. минимальные речевые единицы с ситуативным значением, а также **смысловая их важность**, которая подчёркивается с помощью интонации – прежде всего пауз и ударения.

В зависимости от передаваемого содержания слова по-разному разграничиваются, по-разному сочетаются в синтагмы и по-разному интонационно выделяются.

Вполне очевидно, что, во-первых, слова в речи изначально используются комплексно, в речевых блоках, возникающих в сознании автора в качестве единой исходной структуры (это наглядно даже в простейшем предложении).

Во-вторых, у них разная роль и разное качество значения.

В-третьих, из синтагм, как минимальных речевых единиц с разным по важности значением, составляется как устная речь, так и письменная (предложения, тексты).

В-четвёртых, чтобы правильно понять содержание предложения, нужно точно разобраться в его авторских синтагмах, так как именно из их значений составляется общее содержание предложения.

Так что функции одних слов исчерпываются на уровне синтагмы, в которую они входят, а других (грамматически ключевых слов) – на уровне взаимосвязанных синтагм. Благодаря своим ключевым словам синтагмы объединяются в единую связную речь.

Поясним, что такое **синтагма**. Необходимость такого пояснения обусловлена тем, что данная речевая единица, несмотря на своё реальное существование и исключительную важность в развитии речи и мышления, ещё не изучается ни в школе, ни в вузе. Но она уже оказалась в поле зрения учёных – лингвистов и психологов.

Синтагма – минимальная речевая единица, отражающая единый факт содержания. Любая речь как индивидуальная творческая деятельность человека начинается с синтагмы, независимо от того, знает ли он что-либо о ней или нет.

Синтагма представляет собой конкретное структурно-интонационное и смысловое единство (т. е. это единая грамматически и по смыслу связанная группа слов).

Она является исходным компонентом при построении речи и при её восприятии. Комплексная её структура позволяет лингвистически развитому человеку быстро отражать в своей речи конкретный фрагмент содержания (с его ситуативно важными признаками) как единый факт.

При использовании родного языка синтагмы обычно возникают в сознании человека **спонтанно** как цельные лексические блоки с единым конкретным значением. Их последовательное наращение способствует построению речи, а их разграничение в речи говорящего с помощью пауз помогает слушателю воспринимать их одновременно с их появлением. Их объём позволяет мгновенно осмысливать их значения и, таким образом, адекватно понимать речь в целом.

Речь всегда индивидуальна и конкретна. Её творческий характер проявляется уже на уровне синтагм, что подтверждается наличием в духовной сокровищнице народа многих десятков тысяч крылатых выражений в форме синтагм, имеющих своих авторов.

Синтагма может состоять и из одного слова, хотя обычно она включает их несколько.

Конкретное значение однословной синтагмы определяется на основании её связи с другими синтагмами, а значение многокомпонентных синтагм определяется их структурой, а также связями с другими синтагмами.

Синтагмы – многоаспектные единицы. Их типологические характеристики осуществляются на основании разных показателей: 1) структуры, 2) объёма, 3) активности

в речи, 4) функций, 5) их отношения к устной и письменной формам речи, 6) морфологической характеристики ключевого слова, 7) отношения к другим речевым единицам, 8) внешних и внутренних синтаксических связей и значений.

По структуре синтагмы бывают **простые**, т. е. однокомпонентные, и **составные**, включающие несколько компонентов. **По объёму** они разделяются на **однословные, двухсловные, трёхсловные** и т. д. **Активность** их в речи – важный функциональный показатель. Она зависит от их объёма. У синтагм **несколько функций**, но основных – две: порождение речи при их наращении и восприятие её путём последовательного их осмысления.

Синтагмы с шестью, семью, восьмью и девятью компонентами в английской речи используются в 5 раз чаще, чем в русской [Филатова, 2016: 104]. У них разные способы образования форм слов: в русском языке за счёт внутренних резервов слова, в английском – за счёт дополнительных слов.

Читателю для адекватного восприятия содержания весьма важно осознавать авторские синтагмы, их реальные границы и их интонацию, в частности, ритм [Кишалова, 2016: 142].

Многие синтагмы по содержанию самодостаточны, что и позволяет наиболее удачные из них выделять в качестве крылатых выражений.

Паузы внутри синтагмы невозможны, ибо они разрушат её структурное и смысловое единство.

Паузы находятся только между синтагмами, как самостоятельными минимальными компонентами построения речи. Иногда между контактирующими синтагмами, предполагающими объединение своих значений, пауза может отсутствовать.

Благодаря тому, что в устной речи говорящий разграничивает свои синтагмы паузами, все понимают её быстро, легко и однозначно.

Письменную речь каждый читатель сможет правильно понять, лишь восстановив авторскую интонацию, заложенную в тексте. Чем точнее она будет восстановлена, тем точнее будет понимание текста. Поэтому при обучении чтению интонации нужно постоянно уделять внимание так как от неё зависит точность восприятия содержания.

Чтобы попасть в речь, слова меняют качество своего значения. В словаре все слова – это наименования с обобщённым значением.

Привлечённые в речь, они становятся конкретным обозначением конкретного факта или фрагмента ситуации.

Появлению в них конкретности способствует то, что в сознании говорящего они возникают не в отдельности, а комплексно, в виде готового лексического блока, в достаточной степени отражающего конкретный предмет с его индивидуальными признаками и свойствами.

В зависимости от передаваемого содержания варьируется интонация, а с нею синтагматическая и смысловая структура предложений. Но каждый автор передаёт конкретное содержание, предполагающее строго конкретную интонацию.

Так что **интонация** – это способ отражения отдельности наращиваемых синтагм, их структуры и границ между ними, что позволяет слушателям понять значение каждой синтагмы и содержание речи в целом. Осуществляется это с помощью мелодики, ударения и пауз. Интонация – это средство однозначной передачи содержания. В устном общении она наглядно и чётко представлена говорящим.

Письменная речь, несмотря на её исключительную важность в жизни общества, тем не менее, вторичная, искусственная форма, созданная людьми. Она предполагает длительное целенаправленное изучение. Любая письменная речь представляет собой конкретный шифр, предполагающий быстрое и однозначное восприятие. В тексте зашифрованы содержание в целом, его составные части (в виде абзацев, простых и сложных предложений и синтагм), а также интонация.

На основании доступных элементов шифра (графически представленных слов, структур предложений, пунктуации и др.) обучающегося нужно научить находить синтагмы, как исходные единицы структуры и содержания, и восстанавливать авторскую интонацию.

Интонация зашифровывается автором в тексте – каждым по-своему, но в соответствии с культурно-речевой письменной традицией. Как говорят некоторые лингвисты, она “вписывается” в текст. Поэтому задача обучающего чтению, состоит в том, чтобы, опираясь на конкретные средства в предложении и тексте в целом, выработать и развить у обучающегося умения и навыки, необходимые для восстановления авторских синтагм, а с ними и авторской интонации.

Такая работа требует анализа, поэтому на начальных этапах обучения чтению нужно не просто читать предложения, а неизбежно их перечитывать, выясняя их структурные и смысловые компоненты (по аналогии с рассматриваемыми здесь предложениями).

Ни для кого не секрет, что все мы читаем (процесс) вроде бы одинаково, а понимаем по-разному. Одни видят зрительно, статично, а другие – умственно, динамично.

В качестве опорных средств восстановления интонации можно назвать:

- развитие передаваемого содержания (что ранее наглядно представлено в вопросах и ответах, когда содержание вопроса помогает быстро осознать структуру и интонацию ответа);
- различные структуры предложений по их цели (повествовательные, вопросительные, побудительные);
- знаки препинания;
- графические и лексические средства;
- различные грамматические средства и приёмы;
- строчное и ступенчатое членение стихов;
- различные ритмические фигуры.

Всё это прямо или косвенно указывает на границы синтагм, а также на ударение в синтагмах и на характер мелодики.

Очень важно ориентировать обучающегося на правильное понимание читаемого текста. В результате тренировок он должен научиться “вычитывать” авторскую интонацию и осознавать авторские синтагмы в каждом предложении.

Любое отклонение от авторской синтагматики ведёт к деформации содержания. Если слушатели воспринимают интонацию говорящего как заданность, то читатели должны точно так оценивать авторскую интонацию, заложенную в тексте, которую им необходимо осознать.

Чтобы этому научить, обучающий должен сам всё это чётко осознавать и при работе своевременно корректировать чтение. Ни один допущенный огрех не должен оставаться незамеченным.

Для эффективного общения обучающиеся должны понимать о чем идет речь, что им говорят. Конечно, многое зависит от способности правильно воспринимать устную и письменную речь. Перевод часто является своеобразной декодировкой. Выделяют три её вида: 1) когда студент не может понять, «декодировать» слово – смысл сказанного не может быть определен; 2) когда студент не может декодировать бегло и автоматически, чтение у него медленное, память плохая, всё дается с трудом; 3) когда студент не может разобраться сам, его нужно научить полагаться на «контекстуальные подсказки», «догадываться» при помощи сопутствующих слов, что является приемлемым для восприятия.

Здесь, во-первых, могут помочь навыки развития полноценного чтения: а) предварительное чтение; б) само чтение; в) проверка понимания прочитанного.

Для изучающего английский язык трудность может представлять следующее предложение: *Only the methods known from practical experience to be reliable have been used.*

Предложение является сложным для восприятия именно из-за отсутствия пунктуации, запятых. Но если мы произнесём его вслух, обозначим паузы, то всё сразу станет на свои места:

*Only the methods / **known** from practical experience **to be reliable** / have been used.*

Только методы / известные из практического опыта / как надежные / были использованы.

Или его соответствие на русском языке:

Были использованы (или использовались) / лишь те методы, / которые известны из практики / как надёжные.

Еще один пример из английского языка.

Teenagers shouldn't be allowed to drive. It's getting too dangerous on the streets.

Нельзя разрешать подросткам водить машину. На улицах становится слишком опасно.

Предложения воспринимаются двояко. Возможны следующие варианты интерпретации:

1) на улицах небезопасно и опасность угрожает подросткам;

2) подростки сами являются источником опасности, для всех будет лучше не выходить на улицу.

Часто в англоязычных вузах преподаватели говорят студентам при получении объемной работы на проверку: *"I shall waste no time reading it"*. (Данное изречение приписывают еще Бенджамину Дизраэли, известному английскому государственному деятелю).

Смысл высказывания двойственный. Его можно понять как:

1) *Я не стану тратить время на её прочтение.*

2) *Иду немедленно читать.*

На слух данное изречение будет легче понять. Для первого варианта паузу надо сделать в двух местах:

*I shall waste / **no time** / reading it.*

Для второго варианта пауза должна быть после пятого слова:

*I shall waste no time / **reading** it.*

Учитывая, что конкретное содержание обусловлено интонацией, естественно, что при чтении ей нужно уделять максимальное внимание. Это будет правильное решение, потому что именно интонация отражает, что речь составляется не из слов, а из их сочетаний. На эти сочетания она и должна члениться в процессе чтения. Правильно в них определиться – значит правильно понять содержание предложений и текста со всеми

нюансами и оттенками. Более подробно роль интонации описана в следующих работах [Филатова, 2017; Филатова, 2018].

Правильное понимание читаемых текстов весьма важно в интеллектуальном развитии человека. Разное понимание текстов художественной литературы можно объяснить вариантами индивидуального восприятия описываемого художественного мира. И это естественно.

3. Выводы

3.1. Письменная речь – искусственная форма общения. Она результат трансформации звучащей речи в графическую.

3.2. При этом синтагмы как речепорождающие структуры, меняя материальную форму, сохраняют свой статус, значение и функции.

3.3. Специфика чтения состоит в том, что в отличие от слушателя, которому говорящий помогает интонацией, читателю приходится самому определять авторские синтагмы, чтобы понять их значение в соответствии с их структурой, интонацией и порядком. Для этого ему нужны знания, умения и навыки.

3.4. Таким образом, *основа чтения синтагматическая*, при опоре на *авторскую делимитацию речи* она обеспечивает читателю наиболее точное понимание текста.

В заключение напомним, что язык – это орудие личного мышления человека, средство его самовыражения и влияния на других людей. Для достижения успехов в любой сфере жизни ему нужно умело пользоваться языком, осуществляя все виды речевой деятельности: уметь говорить и писать, слушать и читать. Особенно важно – научиться правильно читать, ибо от качества чтения зависят качества знаний.

Основной способ формирования и развития своей системы понятий и представлений – это накопление знаний. А путь к ним – чтение. Поэтому чтение с правильным пониманием содержания является важнейшей задачей для каждого человека. Но такому чтению нужно обучать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Москва: Просвещение, 1964. Ч. I. С. 73-104.
2. Калашникова А. Р. Синтагма как основная единица ритма прозаического текста (на материале газетной публицистики) // Известия Волгоградского государственного университета. 2015. № 9-10 (104). С. 109-116.
3. Кишалова Л. В. Экспериментальное исследование роли ритма прозаического текста в процессе его восприятия // Известия Волгоградского государственного университета. 2016. № 2 (106). С. 142-149.

4. Филатова Е. В. Интонационное единство синтагм и их разграничение как основа порождения и восприятия связной речи // Мир и человек в зеркале языка: сборник научных статей, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Леонидовны Бессоновой. Донецк: ООО «Научно-производственное предприятие «Фолиант»», 2018. С. 244-253.

5. Филатова Е. В. Порождение и восприятие речи. Авторская делимитация речи как способ представления её реальных единиц. Донецк: Донецкий национальный университет, 2017. 296 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 14).

6. Филатова Е. В. Сопоставительное исследование объёма синтагм в русской, украинской и английской речи // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2016 / 1. С. 104-112.

7. Aarts B. *English Syntax and Argumentation*. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol, 2001. 312 p. (Modern linguistics series).

8. Baird L., Evans N., Greenhill S. J. Blowing in the wind: Using 'North Wind and the Sun' texts to sample phoneme inventories // *Journal of the International Phonetic Association*. Cambridge University Press, 2021. Vol. 52. Issue 3. P. 453-494.

9. Baker A. E., Hengeveld K. *Linguistics*. Blackwell Publishing Ltd, 2012. 469 p.

10. Denham K., Lobeck A. *Linguistics for Everyone: An Introduction*. Wadsworth, Cengage Learning. Boston, USA, 2013. 575 p.

11. Forsyth M. *The Elements of Eloquence: How to Turn the Perfect English Phrase*. London: Icon Books, 2013. 205 p.

12. Found P. Translation or Adaptation // *Journal of Classics Teaching*. Cambridge University Press, 2017. Vol. 18. Issue 36. P. 8-10.

13. Kuperman V., Siegelman N., etc. Text reading in English as a second language: Evidence from the Multilingual Eye-Movements Corpus // *Studies in Second Language Acquisition*. Cambridge University Press, 2022. P. 1-35.

14. Ruppel A. On Language Teaching // *Journal of Classics Teaching*. Cambridge University Press, 2018. Vol. 19. Issue 37. P. 53-57.

REFERENCES

1. Humboldt, W. von. (1964). O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyaniya na dukhovnoye razvitiye chelovecheskogo roda [Revisiting the differences in the structure of human languages and its influence on spiritual development of the human race]. In *Istoriya yazykoznaniiya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Moskva: Prosvetschenie. Ch. I. Pp. 73-104. (In Russ.).

2. Kalashnikova, A. P. (2015). Sintagma kak osnovnaya edinita ritma prozaicheskogo teksta (na materialye gazetnoy publitsistiki [A syntagma as the basic unit of the rhythm of a prosaic text]). In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 9-10 (104). Pp. 109-116. (In Russ.).

3. Kishalova, L. V. (2016). Experimentalnoe issledovanie roli ritma prozaicheskogo teksta v protsesse ego vospriyatiya [Experimental research of the role of rhythm in a prosaic text in the perception process]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (106). Pp. 142-149. (In Russ.).

4. Filatova, E. V. (2018). Intonatsionnoe edinstvo sintagm i ikh razgranichenie kak osnova porozhdeniya i vospriyatiya svyaznoy rechi [Intonation unity of syntagmas and their delimitation as the basis of coherent speech creation and perception]. In *Mir i chelovek v zerkale yazyka: sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Olgi Leonidovny Bessonovoy*. Donetsk: ООО «Научно-производственное предприятие «Фолиант»». Pp. 244-253. (In Russ.).

5. Filatova, E. V. (2017). *Porozhdenie i vospriyatie rechi. Avtorskaya delimitatsiya rechi*

kak sposob predstavleniya eyo realnykh edinits [Speech creation and perception. Author's speech delimitation as a way of its real units representation]. Donetsk: Donetskiiy natsionalnyy universitet. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; T. 14). (In Russ.).

6. Filatova, E. V. (2016). Sopostavitelnoye issledovaniye obyoma sintagm v russkoy, ukrainskoy i angliyskoy rechi [Contrastive study of syntagmas range in Russian, Ukrainian and English speeches]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. No. 1. Pp. 104-112. (In Russ.).

7. Aarts, B. (2001). *English Syntax and Argumentation*. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol. (Modern linguistics series).

8. Baird, L., Evans, N., Greenhill, S. J. (2021). Blowing in the wind: Using 'North Wind and the Sun' texts to sample phoneme inventories. In *Journal of the International Phonetic Association*. Cambridge University Press. Vol. 52. Issue 3 Pp. 453-494.

9. Baker, A. E., Hengeveld, K. (2012). *Linguistics*. Blackwell Publishing Ltd.

10. Denham, K., Lobeck, A. (2013). *Linguistics for Everyone: An Introduction*. Wadsworth, Cengage Learning. Boston, USA.

11. Forsyth, M. (2013). *The Elements of Eloquence: How to Turn the Perfect English Phrase*. London: Icon Books.

12. Found, P. (2017). Translation or Adaptation. In *Journal of Classics Teaching*. Cambridge University Press. Vol. 18. Issue 36. Pp. 8-10.

13. Kuperman, V., Siegelman, N., etc. (2022). Text reading in English as a second language: Evidence from the Multilingual Eye-Movements Corpus. In *Studies in Second Language Acquisition*. Cambridge University Press. Pp. 1-35.

14. Ruppel, A. (2018). On Language Teaching. In *Journal of Classics Teaching*. Cambridge University Press. Vol. 19. Issue 37. Pp. 53-57.

Филатова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей (e-mail: e.filatova@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Filatova Elena V. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of English for Sciences and Humanities Department (e-mail: e.filatova@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 08 сентября 2022 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111.161.1'37:007

© 2022 Э. Р. Брагина

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СТЯЖЕНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНДЕНСАЦИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ КИБЕРНЕТИКИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному анализу терминологических стяжений и семантической конденсации в английской и русской терминологиях кибернетики. В статье проанализированы структурные композиции и тематическая классификация терминологических стяжений, рассмотрены варианты преобразования терминологических словосочетаний в результате семантической конденсации.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, терминологические стяжения, семантическая конденсация, тематические группы, многокомпонентные термины, аббревиатуры, тематическая классификация.

© 2022 E. R. Bragina

TERMINOLOGICAL CONTRACTIONS AND SEMANTIC CONDENSATION IN CYBERTERMINOLOGY IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article deals with comparative analysis of terminological contractions and semantic condensation in cyberterminology in English and Russian. The structural arrangement and thematic classification of terminological contractions have been analysed, the variants of terminological word-combination transformation as a result of semantic condensation have been considered.

Key words: comparative analysis, terminological contractions, semantic condensation, thematic groups, multicomponent terms, abbreviations, thematic classification.

1. Введение. Наблюдение за развитием подязыков науки и техники, описание новых средств означивания в соответствующих терминосистемах, составление и пополнение разного рода терминологических словарей – одна из главных задач лингвистики и лексикографии в области терминологии.

Изучение терминологии как системы, определение ее места в структуре языка считается одной из актуальных проблем лингвистики. Терминология, как известно, является основой любой профессиональной информации.

В современный период большой интерес у лингвистов вызывают проблемы отраслевых терминологий, расширение границ терминосистем, возрастание роли терминологических сочетаний, повышение их удельного веса, увеличение числа входящих в них компонентов, что связано с дифференциацией и уточнением научных

понятий. Что касается терминологии кибернетики, следует отметить тот факт, что слишком узок круг исследователей данной теоретически и практически важной проблемы.

Язык кибернетики, на материале которого проведено настоящее исследование, отличается широта тематического охвата. Он, по сути, необъятен, поскольку сама наука проникла и стала неотъемлемой частью почти всех известных точных и гуманитарных наук. Мы вычленили лишь несколько предметных сфер, составляющих костяк предметной области «Кибернетика». Это физика, химия, вычислительная техника и математика.

Практическим языковым материалом исследования послужили термины кибернетики (простые, двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентные) в английском и русском языках – более 10000 единиц. Данный терминокорпус извлекался из частотных, переводных и толковых словарей, словарей-справочников (сфера фиксации терминов), учебных пособий, учебников, научных и научно-теоретических журналов, монографий (сфера функционирования). Указанные источники анализировались полностью или частично, но с достаточной аргументацией в пользу достоверности выборки и результатов анализа.

Согласно принципу преемственности, при разработке теоретических позиций и аспектов общих вопросов терминообразования учитываются общетеоретические и методологические основы, заложенные в отечественном и зарубежном языкознании трудами известных исследователей в области терминоведения и словообразования: Г. О. Винокура [Винокур, 1939], Л. Ю. Буяновой [Буянова, 1996], Е. Н. Бортничук [Бортничук, 1988], В. А. Дроздова [Дроздов, 2022], С. В. Гринева [Гринева, 1990], В. П. Даниленко [Даниленко, 1976], М. Н. Володиной [Володина, 1998], И. В. Васильева [Васильев, 1990], П. М. Карашук [Карашук, 1977], Кэ Чжан [Чжан, 2017], Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1965, 1977], М. В. Лейчик [Лейчик, 2009], О. Д. Мешкова [Мешков, 1976], В. М. Солнцева [Солнцев, 1982], J. Gruber [Gruber, 1976], Г. Маршана [Marchand, 1969], К. Варатолы [Varantola, 1992] и др.

Целью работы является выявление сходств и отличий структурных композиций и тематических классификаций терминологических стяжений и вариантов преобразования терминологических словосочетаний в результате семантической конденсации на основе сопоставительного анализа терминов кибернетики в английском и русском языках.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее выводы могут быть использованы в спецкурсах по теории термина и сопоставительному терминоведению, в практике преподавания английского языка в технических вузах и в практике перевода научно-технической литературы, а также могут служить базой для создания двуязычного терминологического банка данной предметной области.

2. Терминологические стяжения. Терминологические стяжения (ТСж) – явление, характерное как для общелитературного языка в целом, так и для терминологии. Явление однократного использования языкового элемента, находящегося в однотипной связи с двумя или более элементами, рассматривалось в лингвистике в общелитературном языке, получило название «совмещение» [Адмони, 1955: 22], «сокращение словосочетания» [Левковская, 1962: 213], а в терминологии – «терминологические свертки» [Алянская, 1978: 28].

Большинство ТСж представляет собой стяжение двух, трех и более терминов: *test, repair, analysis and control system* ‘система контроля, ремонта, анализа и управления’, *supervisor and fault diagnostic indicator* ‘диагностическая система контроля и индикации неисправностей’; *отдел разработки спускаемых аппаратов и систем жизнеобеспечения, регистровое-арифметико-логическое устройство* [БАРПС].

В двух языках нами были обнаружены трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентные ТСж:

1) трехкомпонентные ТСж: *communication and instrumentation system* ‘система связи и измерительного оборудования’; *оценка точности и погрешности*;

2) четырехкомпонентные ТСж: *data management and control system* ‘система контроля и обработки данных’; *анализатор амплитудных и фазовых характеристик*;

3) пятикомпонентные ТСж: *automated design and optimization of control system* ‘автоматизированное проектирование и оптимизация системы управления’; *гипотетическая смесь серого и чистого газа*;

4) шестикомпонентные ТСж: *positive-displacement fluid power and prime mover* ‘объемный гидродвигатель’; *автоматизация компоновки и выпуска программ в аппаратно-программном блоке* [БАРПС].

Все обнаруженные ТСж в английском и русском языках можно распределить по следующим тематическим группам:

1) группа ТСж, называющая «приборы, устройства» *registor and arithmetic unit* ‘регистровое и арифметическое устройство’, *moderated and cooled reactor* ‘ядерный реактор с тяжеловодным заменителем и теплоносителем под давлением’; *линия отжига и обработки проката, диагностическая система контроля и индикации неисправностей*;

2) группа ТСж, обозначающая «действие»: *information storage and retrieval* ‘хранение и поиск информации’, *quality and reliability control* ‘контроль качества и надежности’; *конструирование, вычерчивание и производство деталей, отжиг в ящиках*

или закрытых емкостях;

3) группа ТСЖ, обозначающая «явление»: *high and low frequency* ‘высокая и низкая частота’, *диапазон частот дециметровых и сантиметровых*;

4) группа ТСЖ, называющая «вещество»: *elastomeric copolymer from ethylene and ethyl* ‘эластомерный сополимер этилена и этилакрилата’, *гипотетическая смесь серого и чистого* [БАРПС].

В исследуемом материале нами были обнаружены сопоставимые терминословосочетания, которые являются ТСЖ одновременно в русском и английском языках: *amplitude and angle modulation* – *амплитудная и угловая модуляция*; *time and frequency dissemination* – *передача по радио сигналов точного времени и частоты*; *quality and reliability control* – *контроль качества и надежности* [БАРПС].

Следует отметить, что в зависимости от семантико-синтаксических связей можно выделить 2 группы ТСЖ, а именно:

1) группа, где наблюдается опущение ядра (грамматически господствующего элемента) из состава первого ТСЖ и стяжения атрибутивных частей с помощью союзов *и*, *или* в русском языке и *and* ‘и’, *or* ‘или’ – в английском: *high and low frequency* ‘высокая и низкая частота’, *arithmetic and logic(al) unit* ‘арифметико-логическое устройство’, *type 1 servo or 2 servo system* ‘астатическая система 1-го или 2-го порядка’; *амплитудная и угловая модуляция, (комбинированная) ИС на биополярных и полевых транзисторах, истирание при измельчении в стержневых или шаровых мельницах* [БАРПС].

В связи с этим первую группу ТСЖ можно разделить на следующие подгруппы:

а) подгруппа, где ядром ТСЖ является существительное: *continuous annealing and processing line* ‘непрерывная линия отжига и обработки проката’; *поперечные и продольные балки*;

б) подгруппа, где ядром ТСЖ является словосочетание, состоящее или из двух существительных или из прилагательного (причастия) и существительного: *logoc and array test vehicle* ‘тестовая структура для проверки логических схем и матриц’, *monitoring and vibration indicating system* ‘система измерений и контроля вибраций’; *диапазон частот дециметровых и сантиметровых, гипотетическая смесь серого и чистого газа*;

2) группа ТСЖ, где наблюдается опущение ядра из состава первого термина и стяжение родовых терминов с помощью союза *и*, *или* в русском языке, союза *and* ‘и’, *or* ‘или’ – в английском языке: *information storage and retrieval* ‘хранение и поиск информации’; *отношение длительности всплеск и пауз*. Ядро в этих ТСЖ может быть выражено либо одним словом, либо словосочетанием. Таким образом, вторую группу

ТСж можно разделить на следующие подгруппы, а именно:

а) подгруппа, где ядром ТСж является существительное: *amplitude and angle modulation* ‘амплитудная и угловая модуляция’, *фонограмма музыки и спецэффектов*;

б) подгруппа, где ядром ТСж является бинарное словосочетание, состоящее из прилагательного (причастия) и существительного: *elastomeric copolymer of ethylene and propylene* ‘эластомерный сополимер этилена и пропилена’, *непрерывная линия отжима и обработки, централизованные средства управления и контроля*;

в) подгруппа, где ядром ТСж является бинарное словосочетание, состоящее из двух существительных: *part and assembly description language* ‘язык для описания геометрических параметров деталей’, *подсистема обеспечения посадки и торможения*;

г) подгруппа, где ядром ТСж является многокомпонентное ТС: *character and pattern telephone access information network* ‘КЭПТИН (система телетекста)’; *установочный угол опережения зажигания или впрыска топлива* [БАРПС].

Следует отметить, что в русском и английском языках ядро в ТСж может находиться как в начальной, так и в конечной позиции: *reentry and environmental system division* ‘отдел разработки спускаемых аппаратов и систем жизнеобеспечения’, *elastomeric copolymer of ethylene and propylene* ‘эластомерный сополимер этилена и пропилена’; *хранение и поиск информации, фонограмма музыки и спецэффектов* [БАРПС].

Наше исследование показывает, что для терминологии кибернетики характерно стяжение терминов посредством бессоюзной связи, с помощью косой черты, обозначающей *и / или*: *control input / output* ‘ввод-вывод управляющей информации’, *instrumentation / data collection system* ‘система сбора данных от измерительных средств’; *регистр ввода / вывода, КМОП / КНС – структура* [БАРПС].

В русском языке нами обнаружены ТСж, в состав которых вошли два союза: *самораскрывающийся мешок или пакет с боковыми фальцами и прямоугольным дном, комбинированный пакет или мешок из двух и более материалов* [БАРПС].

Материал исследования показывает, что в английском и русском языках чаще всего стягиваются следующие элементы терминологических словосочетаний (ТС):

а) два или несколько существительных: *part and assembly description language* ‘язык для описания геометрических параметров деталей’, *test repair, analysis and control system* ‘система контроля, ремонта, анализа и управления’; *первоначальные запасы нефти и газа в коллекторе, средства связи и телеметрии*;

б) два прилагательных: *necessary and sufficient condition* ‘необходимое и достаточное

условие', *high and low frequency* 'высокая и низкая частота'; *промышленная площадь нефтяного и подсобного помещения, необходимое и достаточное условие*;

в) два причастия или существительное и причастие: *panel analysis and sizing code* 'программа проектирования конструктивных панелей', *rounding and backing machine* 'блокообрабатывающий агрегат', *moderated and cooled reactor* 'ядерный реактор с тяжеловодным замедлителем и теплоносителем под давлением'; *балка с шарнирно опертым и заделанным концами, обработанная и закодированная программа*;

г) префиксы, а также префиксы и числительные: *single-doublehinged arch* 'одно-двухшарнирная арка', *dual-(two-) frequency equipment* 'двухчастотная аппаратура'; *массо- или теплопередача, фоно- или видеофонограмма, одно- двухшарнирная арка, двухчастотная аппаратура*;

д) числительные: *one-, two-, three-centred arch* 'одно-, двух-, трехцентровая арка', одно-, двух-, трехцентровая арка; *one-(two-, three-) axis acclerometer* 'одно- (двух-, трех-) компонентный акселерометр', *одно- (двух-, трех-) компонентный акселерометр*;

е) аббревиатуры: *I/P unit* 'устройство ввода-вывода', *S/N ratio* 'отношение сигнал-шум', *F/C ratio* 'фтор-углеродное отношение'; *КМОП/КНС – структура, операционная система СЗ/М, ПЛ/М*;

ж) словосочетания: *impact avalanche and transit-time diod* 'лавино-пролетный диод', *ИС на биополярных и полевых транзисторах с изолированными затворами*;

з) глаголы (в английском языке): *search and rescue radio balance* 'радиополк поисково-спасательной службы', *dredge and fill balance* 'баланс земляных масс при производстве работ гидромеханизацией';

и) наречия (в русском языке): *бункер для перевозки грузов навалом или насыпью* [БАРПС].

Материал исследования показывает, что в английском и русском языках ТСЖ могут быть заменены аббревиатурами и словосочетаниями, в состав которых входит аббревиатура. Это еще раз подчеркивает стремление языков к краткости: *oil and gas initially in place* 'первоначальные запасы нефти и газа в коллекторе' → *OGIP*; *система планирования и руководства программа разработок* → *ПЕРТ* [БАРПС].

3. Семантическая конденсация. Семантическая конденсация, как и терминологическое стяжение, является одним из способов образования новых терминов и результатом стремления языка к краткости.

Семантические конденсаты или универбированные термины характерны как для английской, так и для русской терминологии кибернетики. По сути своей эти

терминологические единицы являются результатом преобразования ТС в простой термин. Это преобразование происходит по различным вариантам, а именно:

1) по варианту, когда в ТС происходит утрата основного компонента (ядра), а у определяющего компонента усекается суффикс и добавляется или не добавляется другой суффикс. Данный процесс Л. Д. Омельченко называет телескопией [Омельченко, 2003: 87]: *decontaminating agent* ‘дезактивирующий агент’ → *decontaminatant*, *активизирующий агент* → *активатор*.

2) по варианту, когда в ТС усекаются части ядра и зависимого от него одного (или нескольких) компонентов. Такой процесс считается в лингвистике «полным телескопизмом» [Бортничук, 1998: 176]: *aerial dust applicator* ‘авиаопылитель’ → *aerodustor*, *chemical adsorption* ‘химосорбция’ → *chemisorption*; *химическая адсорбция* → *химосорбция*;

3) по варианту, когда в ТС ядро полностью остается, а у определяющего его элемента усекается основа и добавляется его префикс к ядру: *biological degradation* ‘биодеструкция’ → *biodegradation*; *самопроизвольное вращение* → *самовращение*;

Следует отметить, что в данных примерах телескопические образования являются источником возникновения словообразовательных префиксов *bio-* и *само-* при стабилизации осколка первой исходной основы, приобретения им большой словообразовательной силы.

4) по варианту, когда ядро в ТС полностью остается, а определяющий его элемент полностью усекается и вместо него к ядру добавляется новый префикс: *inverse chain* ‘антицепь’ → *antichain*, *самопроизвольная полимеризация* → *автополимеризация* [БАРПС].

Следует отметить, что процесс универбации является источником терминологической синонимии, а в английском языке, кроме того, и источником многозначности, поскольку английские термины с суффиксом *-er / -or* могут обозначать как лицо, выполняющее действие, обозначенное глаголом, так и инструмент выполнения действия: *activator* – *активатор (человек)* и *активатор (элемент)*, *aerodustor* *авиаопылитель (человек)* и *авиаопылитель (машина)* [БАРПС].

Следует подчеркнуть, что в переводе на русский язык названия многокомпонентных терминов заменяются их краткими транслитерированными эквивалентами или кальками: *loading program (routine)* → *loader* ‘программа ввода, программа загрузки, загрузчик’; *writing mechanism* → *writer* ‘печатающий механизм, райтер’; *indicating instrument* → *indicator* ‘индикаторный прибор, индикаторное устройство, индикатор’; *connecting function* → *connector* ‘функция объединения (связи), коннектор’ [БАРПС]. Слова,

объединенные на основе общего признака, объединяются также на основе общих словообразовательных возможностей [Мохосоева, 2016: 87].

Если удачно найден русский переводной эквивалент, как в случае с переводом термина *loader* ‘загрузчик’, то он не вытесняется транслитерированным заимствованием *лоудер, сортер* ‘сортировщик’ вместо ‘сортер’ [БАРПС].

Однако, универбация терминов характерна для терминологии кибернетики и особенно для разговорной речи специалистов, которые чаще всего вместо ТС используют их конденсаты.

4. Выводы. В ходе сопоставительного исследования были найдены трёх-, четырёх-, пяти- и шестикомпонентные терминологические стяжения в терминологии кибернетики в двух языках, а также обнаружены сопоставимые терминословосочетания, которые являются ТСж одновременно в русском и английском языках. Терминологические стяжения можно разделить на три тематические группы: 1) группа ТСж, называющая «приборы, устройства»; 2) группа ТСж, обозначающая «действие»; 3) группа ТСж, обозначающая «явление».

В зависимости от семантико-синтаксических связей можно выделить 2 группы ТСж в: 1) группа, где наблюдается опущение ядра (здесь ядром может быть или существительное или словосочетание) из состава первого ТС и стяжения атрибутивных частей с помощью союзов *и*, или в русском языке *and* ‘и’, *or* ‘или’ – в английском, 2) группа ТСж, где наблюдается опущение ядра (здесь ядром может быть или существительное или бинарное словосочетание, состоящее из прилагательного (причастия) и существительного, или бинарное словосочетание, состоящее из двух существительных, или многокомпонентное ТС) из состава первого термина и стяжение родовых терминов с помощью союза *и*, или в русском языке, союза *and* ‘и’, *or* ‘или’ – в английском языке.

В русском языке нами обнаружены ТСж, в состав которых вошли два союза.

Материал исследования показывает, что в английском и русском языках чаще всего стягиваются следующие элементы терминологических словосочетаний: а) два или несколько существительных; б) два прилагательных; в) два причастия или существительное и причастие; г) префиксы, а также префиксы и числительные; д) числительные; е) аббревиатуры; ж) словосочетания; з) глаголы (в английском языке); и) наречие (в русском языке).

Семантические конденсаты или универбированные термины характерны как для английской, так и для русской терминологии кибернетики. Преобразования ТС в однословный термин происходит по различным вариантам, а именно: 1) по варианту,

когда в ТС происходит утрата основного компонента (ядра), а у определяющего компонента усекается суффикс и добавляется или не добавляется другой суффикс; 2) по варианту, когда в ТС подвергаются усечению части ядра и зависимого от него одного (или нескольких) компонентов; 3) по варианту, когда в ТС ядро полностью остается, а у определяющего его элемента усекается основа и добавляется его префикс к ядру; 4) по варианту, когда ядро в ТС полностью остается, а определяющий его элемент полностью усечен и вместо него к ядру добавляется новый префикс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1955. 392 с.
2. Алянская Э. Я. Свертки и терминологические субституты многокомпонентных терминологических сочетаний (к проблеме связанности и компрессии английского технического текста): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ленинград, 1977. 205с.
3. Бортничук Е. Н., Василенко И. В. и др. Словообразование в современном английском языке. Киев: Вища школа, 1988. 261с.
4. Буянова Л. Ю. Терминологическая деривация в современном русском языке (метаязыковой аспект). Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1996. 254 с.
5. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ филологического факультетат. Москва, 1939. Т. 5. С. 5-6.
6. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Москва, 1998. 59 с.
7. Гринев С. В. Основы лексикографического описания терминосистем: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Москва, 1990. 44 с.
8. Даниленко В. П. О месте научной терминологии в лексической системе языка // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 57-64.
9. Дроздов В. А. Лексико-семантическая группа «наименования животных в карибских креолях на англо-язычной основе» // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2022. Т. 18. Вып. 1 (55). С. 75-85.
10. Карашук П. М. Словообразование английского языка. Москва: Высшая школа, 1977. 303 с.
11. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // *Языковая номинация: Виды наименований*. Москва: Наука, 1977. С. 222-303.
12. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование? Москва: Наука, 1965. 76 с.
13. Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. Москва: Высшая школа, 1962. 300 с.
14. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.
15. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. Москва: Наука, 1976. 245 с.
16. Мохосоева М. Н. Языковая реализация интенсивности вкуса в разноструктурных языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2016. № 1. С. 83-92.

17. Омельченко Л. Ф. Телескопійні слова сучасної англійської мови та їх структурно- семантична характеристика // Збірник Львівського університету. Іноземна філологія. Львів, 2003. Вип. 15. С. 49-52.

18. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вариативность как свойство языковой системы. Москва, 1982. Ч. 2. С. 71.

19. Чжан Кэ. Понимание термина заимствованное слово в русской и китайской лингвистике // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 724-734.

20. Gruber J. Lexical structure in syntax and semantics. Amsterdam, 1976. 411 p.

21. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. München: Verlag C. H. Beck. Second edition, 1969. 545 p.

22. Varantola K. Words, terms and translators // Euralex' 92 Proceedings 1-2: Papers submitted to the 5 Euralex international congress on lexicography in Tampere, Finland. Tampere, 1992. P. 121-128.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Большой англо-русский политехнический словарь / под ред. С. М. Барина, А. В. Барковского и др. Москва: Руссо, 2008. Т. 2. 1419 с. [БАРПС].

REFERENCES

1. Admoni, V. G. (1955). *Vvedeniye v sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* [Introduction to modern German syntax]. Moskva: Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.).

2. Alyanskaya, E. Ya. (1977). *Svertki i terminologicheskie substituty mnogokomponentnykh terminologicheskikh sochetaniy (k probleme svyazannosti i kompresii angliyskogo tekhnicheskogo teksta)* [Convolutions and terminological substitutes of multicomponent terminological combinations (revisiting the coherence and compression of the English technical text)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Leningrad. (In Russ.).

3. Bortnichuk, Ye. N., Vasilenko I. V. i dr. (1988). *Slovoobrazovanie v sovremennom angliyskom yazyke* [Word formation in modern English]. Kiev: Vishcha shkola. (In Russ.).

4. Buyanova, L. Yu. (1996). *Terminologicheskaya derivatsiya v sovremennom russkom yazyke (metazykovoy aspekt)* [Terminological derivation in modern Russian (metalinguistic aspect)]. Krasnodar: Krasnodarskoye knizhnoye izd-vo. (In Russ.).

5. Vinokur, G. O. (1939). O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoy tekhnicheskoy terminologii [Revisiting some phenomena of word formation in Russian technical terminology]. In *Trudy MIFLI filologicheskogo fakultetat*. Moskva. T 5. Pp. 5-6. (In Russ.).

6. Volodina, M. N. (1998). Kognitivno-informatsionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominatsiya [Cognitive and informative nature of the term and terminological nomination]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

7. Grinev, S. V. (1990). *Osnovy leksikograficheskogo opisaniya terminosistem* [Fundamentals of lexicographic description of term systems]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

8. Danilenko, V. P. (1976). O meste nauchnoy terminologii v leksicheskoy sisteme yazyka [Revisiting the place of scientific terminology in the lexical system of the language]. In *Voprosy yazykoznaneya*. No. 4. Pp. 57-64. (In Russ.).

9. Drozdov, V. A. (2022). Leksiko-semanticheskaya gruppa «naimenovaniya zhyvotnykh v karibskikh kreolyakh na angloyazychnoy osnove» [Lexical and Semantic Group «Names of Animals» in English-Based Caribbean Creoles]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 18. Vyp. 1 (55). Pp. 75-85. (In Russ.).

10. Karashuk, P. M. (1977). *Slovoobrazovanie angliyskogo yazyka* [English word formation]. Moskva: Visshaya shkola. (In Russ.).
11. Kubryakova, E. S. (1977). Teoriya nominatsii i slovoobrazovanie [Nomination theory and word formation]. In *Yazykovaya Nominatsiya: Vidy naimenovaniy*. Moskva: Nauka. Pp. 222-303. (In Russ.).
12. Kubryakova, E. S. (1965). *Chto takoe slovoobrazovanie?* [What is word-formation?]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
13. Levkovskaya, K. A. (1962). *Teoriya slova, printsipy ee postroeniya i aspekty izucheniya leksicheskogo materiala* [Theory of the word, the principles of its construction and aspects of lexical material studing]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
14. Leychik, V. M. (2009). *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, methods, structure]. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom». (In Russ.).
15. Meshkov, O. D. (1976). *Slovoobrazovanie sovremennogo angliyskogo yazyka* [Present-day English word-formation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
16. Mokhosoyeva, M. N. (2016). Yazykovaya realizatsiya intensivnosti vkusa v raznostrukturnykh yazykakh [Linguistic Realization of Taste Intensity in Languages of Different Structure]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. No. 1. Pp. 83-92. (In Russ.).
17. Omelchenko, L. F. (2003). Teleskopiyni slova suchasnoyi angliyskoyi movy ta yikh strukturno-semantychna kharakterystyka [Telescopic words in the modern English language and their structural and semantic characteristics]. In *Zbirnyk Lvivskogo universytetu. Inozemna filologiya*. Lviv. Vyp. 15. Pp. 49-52. (In Ukr.).
18. Solntsev, V. M. (1982). Variativnost kak obshchee svoystvo yazykovoy sistemy [Variability as common feature of a language system]. In *Variativnost kak svoystvo yazykovoy sistemy*. Moskva. Ch. 2. Pp. 71. (In Russ.).
19. Chian, Kai. (2017). Ponimanie termina zaimstvovannoe slovo v russkoy i kitayskoy lingvistike [Explanation of the term «borrowing» in Russian and Chinese linguistics]. In *Vestnik RUDN. Teoriya yazyka, semiotika, semantika*. T. 8. No. 3. Pp. 724-734. (In Russ.).
20. Gruber, J. (1976). *Lexical structure in syntax and semantics*. Amsterdam.
21. Marchand, H. (1969). *The categories and types of present-day English word-formation*. München: Verlag C. H. Beck. Second edition.
22. Varantola, K. (1992). Words, terms and translators. In *Euralex' 92 Proceedings 1-2: Papers submitted to the 5 Euralex international congress on lexicography in Tampere, Finland*. Tampere. Pp. 121-128.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

Bolshoy anglo-russkiy politekhnicheskii slovar [Unabridged English-Russian Polytechnic Dictionary] / pod red. S. M. Barinova, A. V. Barkovskogo i dr. Moskva: Russo, 2008. T. 2. (In Russ.).

Брагина Эльмира Раясовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для экономических специальностей (e-mail: e.brahina@donpu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Bragina Elmira R. – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of English for Economic Studies Department (e-mail: e.brahina@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 19 октября 2022 г.

СЕМАНТИКА КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ЭМОТИВНОГО ПОЛЯ СТРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена сопоставительному семантическому анализу глаголов, выражающих каузирование эмоционального состояния страха в немецком и русском языках. С помощью анализа толкований и примеров из Deutsches Referenzkorpus и Национального корпуса русского языка были выделены основные и дополнительные семы исследуемых глаголов. Несмотря на то, что лексическое выражение каузирования эмоции страха присутствует в обоих изучаемых языках, значения рассматриваемых каузативных глаголов проявляют большие различий, чем сходств. Выделенные формулы толкования наглядно иллюстрируют разницу в наборе значений исследуемых глаголов не только в сопоставляемых языках, но и в рамках одного языка.

Ключевые слова: глаголы, обозначающие каузирование эмоционального состояния страха, дополнительная сема, каузативная сема, Каузатор, основная сема, формула толкования, Экспериментер, эмотивная сема

© 2022 P. K. Lipanova

SEMANTICS OF CAUSATIVE VERBS OF FEAR EMOTIONAL FIELD (BASED ON GERMAN AND RUSSIAN)

The article deals with comparative semantic analysis of verbs that express the causation of the emotional state of fear in German and Russian. Analysing the interpretations and examples from the Deutsches Referenzkorpus and the National Corpus of the Russian Language, the main and additional semes of verbs under consideration were identified. Despite the fact that the lexical expression of fear causation can be found in both German and Russian, the meanings of the causative verbs under analysis provide more differences than similarities. The highlighted interpretation formulas illustrate the difference in the set of meanings of the studied verbs not only in the compared languages, but also within the same language.

Key words: verbs denoting causation of the emotional state of fear, auxiliary seme, causative seme, Causator, main seme, interpretation formula, Experienter, emotive seme

1. Введение

Статья посвящена изучению семантики глаголов, выражающих каузирование эмоционального состояния страха (далее ГКС) в немецком и русском языках, и её сопоставительному анализу. Возможность сравнивать языковое выражение эмоций обеспечивается тем фактом, что многие ученые, как психологи [Ekman, 1971; Ильин, 2011], так и лингвисты [Вежбицкая, 1999; Красавский, 2008] указывают на универсальность эмоций. Однако, спорным остается вопрос о первопричинах такой универсальности. С одной точки зрения, универсальность эмоций объясняется естественной способностью людей, принадлежащих разным культурам, переживать одни и те же эмоции: страх, радость, гнев и т. д. [Tomkins, McCarter, 1964]. С другой точки

зрения, эмоциональное восприятие мира во многом зависит от культурно обусловленных скриптов того или иного общества [Heelas, 1984; Lutz, 1988]. В данной работе за основу взято представление о том, что, являясь генетически врожденным феноменом, присущим каждому человеку, эмоции все же подвержены влиянию культурно-специфических правил общества [Buller, 1996; Ekman, Oster, 1979].

Особый интерес в данной связи представляет анализ семантики единиц, передающих значение эмоции, в частности глаголов, выражающих каузирование эмоционального состояния. Так, исследования семантики в той или иной мере касаются ученые, чьи труды посвящены широкому кругу вопросов на богатейшем языковом материале [Ветрова, Токарева, 2019; Дроздов, 2022; Калиущенко, 2020; Басыров, 2020 и др.]. Каузирование также часто оказывается в сфере интересов лингвистов [Баклагова, 2022; Гуров, 2020 и др.]. Таким образом, исследования каузативных глаголов, которые выражают значение причинения эмоционального состояния, не теряют своей актуальности.

Целью данного исследования является сопоставительный семантический анализ глаголов, обозначающих каузирование эмоционального состояния страха (ГКС) в немецком и русском языках.

Материалом исследования послужили ГКС (11 глаголов в немецком языке и 25 глаголов в русском языке), отобранные из толковых словарей и рассмотренные на примерах из Deutsches Referenzkorpus [DRK] (167 предложений) и Национального корпуса русского языка [НКРЯ] (203 предложения).

2. Некоторые теоретические замечания

Анализ семантики каузативных глаголов невозможен без понимания природы каузирования. В основе данного явления лежит специфическая ситуация – каузативная макроситуация, состоящая из двух микроситуаций: каузирующей (антецедента) и каузируемой (консеквента), связанных между собой отношением причинения [Недялков, Сильницкий, 1969: 6-7]. Основу консеквента на семантическом уровне представляет актант Экспериенцер (Exp) – человек или группа лиц, испытывающие смену эмоционального состояния [Падучева, 2004: 47]. Антецедент в своей основе может содержать такие актанты, как Агенса (одушевленный деятель, совершающий осознанное действие) [Fillmore, 1968: 25], Ситуация (событие, состояние или действие, приводящее к каузированию эмоционального состояния) [Сусов, 1973: 15], Событие (нерасчлененная ситуация, в которой нельзя выделить субъект и объект) [Сусов, 1973: 24]. Актанты антецедента можно объединить под понятием Каузатора (К) – причины смены

эмоционального состояния.

(1) нем. *Die hohe Zahl an Verbrechen ängstigt die Menschen* [DRK] ‘Большое количество преступлений пугает людей’.

(2) рус. *Патриархию пугает угроза обострения внутрицерковной напряжённости в случае систематического вовлечения в политику* [НКРЯ].

В примере (1) к смене эмоционального состояния приводит семантический актанта Ситуация, на синтаксическом уровне выраженный предложно-именной конструкцией *die hohe Zahl an Verbrechen*. Данная Ситуация приводит Экспериенцера *die Menschen* в эмоциональное состояние страха. Каузативную макроситуацию в данном примере формирует предикат, выраженный каузативным глаголом *ängstigt*. Каузатор (Агенс, Ситуация или Событие) и Экспериенцер могут быть расположены в инверсивном порядке по отношению к предикату, как можно видеть в примере (2): Экспериенцер *патриархию* стоит перед Ситуацией *угроза обострения внутрицерковной напряжённости в случае систематического вовлечения в политику*, что, однако, не меняет глобальной семантики каузативной макроситуации.

Каузатор (К) и Экспериенцер (Ехр) играют ключевую роль в анализе семантики каузативных глаголов и составлении формулы толкования (ФТ), т.е. перифразы значений ГКС с сохранением главных актанта предиката [Калиущенко, 2016: 55]. К основным семам ГКС относится также значение эмоционального состояния (St). Дополнительные семы модифицируют семантику ГКС [Апресян, 1974: 9] и формируют условия употребления синонимичных глаголов. Общая ФТ для глаголов, выражающих каузирование эмоционального состояния: «К каузирует Ехр испытывать St» [Липанова, 2022: 99].

3. Глаголы, выражающие каузирование эмоционального состояния страха

3.1. Семантика ГКС в немецком языке. В синонимичный ряд ГКС в немецком языке входят 11 лексических единиц: *ängstigen, beängstigen, verängstigen, beunruhigen, einschüchtern, schrecken, erschrecken, verschrecken, abschrecken, aufschrecken, entsetzen*.

3.1.1. Наиболее общее значение среди исследуемых глаголов имеют ГКС *ängstigen, beängstigen*. Толковые словари дают следующее толкование данных глаголов: «jmdn. in Angst versetzen» [Duden] для глагола *ängstigen* и «in Angst versetzen» [Duden] для глагола *beängstigen*. Анализ предложений из Deutsches Referenzkorpus также не выявил дополнительных значений у приведенного списка глаголов, например:

(3) нем. *Denn ihre nicht ausgelasteten Fabriken ängstigen viele Autokonzerne weltweit* [DRK] ‘Потому что их недогруженные заводы пугают многие автомобильные компании по всему миру’.

(4) нем. *Ein wenig beängstigen den Touristen die Herden wilder Stiere <...>* [DRK] ‘Стада диких быков немного пугают туриста <...>’.

В примере (3) чувство страха у Экспериенцера *viele Autokonzerne weltweit* вызывает Каузатор – Ситуация *ihre nicht ausgelasteten Fabriken*. В примере (4) одушевленный Каузатор – Агнс – *die Herden wilder Stiere* каузирует Экспериенцера *den Touristen* испытывать эмоциональное состояние страха.

Ни в толковании глаголов, ни в проанализированных предложениях с указанными ГКС не было выявлено ограничивающих употребление или модифицирующих значение дополнительных сем, а также сем, которые указывали бы на повышенную или пониженную интенсивность испытываемого эмоционального состояния, что приводит к следующей ФТ для данных глаголов: «К каузирует Ехр испытывать St средней степени интенсивности».

3.1.2. Глагол *verängstigen* имеет модифицированное значение, что отражается в его словарном толковании «*einem Lebewesen Angst machen, so dass dieses danach eingeschüchtert ist*» [WDDS]. *Verängstigen* выражает не только значение каузирования, но также подчеркивает длительность каузируемого состояния страха, что отражается в примерах использования глагола:

(5) *Migrationsdruck und Globalisierung verängstigen viele Menschen, auch in Europa* [DRK] ‘Миграционное давление и глобализация пугают многих, в том числе и в Европе’.

Каузатор – Ситуация в примере (5) *Migrationsdruck und Globalisierung* каузирует чувство тревоги у Экспериенцера *viele Menschen*. Толкование глагола *verängstigen* и контекст предложения позволяют судить о продолжительности эмоционального состояния: миграция и глобализация, являясь длительными процессами, вызывают продолжительное чувство беспокойства. Таким образом ФТ данного глагола следующая: «К каузирует Ехр испытывать St и находиться в этом состоянии некоторое время».

3.1.3. Глагол *beunruhigen* выражает более низкую степень интенсивности эмоционального состояния. Употребление данного ГКС ограничивается ситуациями, когда необходимо выразить значение каузирования беспокойства, что подтверждается как примерами, так и толкованием глагола «*jmdn. unruhig machen, in Unruhe versetzen*» [DWDS]:

(5) нем. *Die Mauer war eindeutig einsturzgefährdet, was auch die Nachbarn des angrenzenden Grundstücks beunruhigte* [DRK] ‘Стена явно находилась под угрозой обрушения, что также беспокоило соседей по участку’.

Аварийное состояние сооружения (Каузатор – Ситуация в примере (5)) не пугает Экспериенцера *die Nachbarn*, но вызывает опасения, чувство тревоги. Верную трактовку

данного предложения обеспечивает узкий контекст и значение глагола *beunruhigen*, которое можно представить следующей ФТ: «К каузирует Exp испытывать St низкой степени интенсивности».

3.1.4. Низкую степень интенсивности каузируемого чувства страха выражает также ГКС *einschüchtern* – «Furcht bei jemandem auslösen; jemanden unsicher machen» [WDDS]. Словарное толкование указывает на чувство неуверенности и растерянности, каузируемое наряду с чувством страха, например:

(6) *Ich wollte und konnte, gerade wegen des enormen Drucks, mit denen der Schulleiter seine Beschäftigten einschüchterte, die Angelegenheit nicht selbst regeln* [DRK] ‘Сам я не хотел и не мог уладить дело именно из-за огромного напора, которым директор запугивал своих сотрудников’.

В примере (6) Каузатор является Агенса (*der Schulleiter*) – это директор предприятия, который совершает осознанные действия (*des enormen Drucks*) с целью вызвать определенную реакцию у Экспериенцера подчиненных (*seine Beschäftigten*). В результате давления работники испытывают чувство страха и растерянности, что позволяет руководству лучше контролировать коллектив. Данная особенность глагола *einschüchtern* отражается в его ФТ: «К каузирует Exp испытывать St и чувство неуверенности и растерянности».

3.1.5. Глаголы *schrecken* и *erschrecken* имеют словарное толкование, схожее с глаголами *ängstigen*, *beängstigen*, а именно «in Schrecken versetzen, ängstigen» и «jmdm. einen Schrecken einflößen» соответственно, однако различия в данных парах глаголов заключаются в употреблении в толковании номинанта эмоции *der Schrecken*, который означает «durch ein unerwartetes, schreckliches Ereignis ausgelöstes Entsetzen» [DWWS] ‘ужас, вызванный неожиданным, ужасным событием’, например:

(7) *Gleich zu Anfang seiner Amtszeit erschreckte Czarnecki die Öffentlichkeit* <...> [DRK] ‘В самом начале своего президентского срока Чарнецкий напугал общественность <...>’.

Агенса в примере (7) – польский военный деятель Стефан Чернецкий – каузировал у Экспериенцера *die Öffentlichkeit* чувство страха своим заявлением. Неожиданность его слов подчеркивается каузативным глаголом *erschreckte*, имеющим ФТ «К каузирует Exp испытывать St, вызванное чем-то неожиданным».

3.1.6. В немецком языке большое значение имеют префиксы, которые меняют или дополняют значение глаголов. Префикс *ab-* ГКС *abschrecken* добавляет пространственное значение отстранения к значению каузирования эмоционального состояния. Префикс *auf-* ГКС *aufschrecken* также имеет пространственное значение, но трактуется как «вздрыгнуть, подпрыгнуть, дернуться в сторону от страха», например:

(8) нем. *Wobei sie das Thema des Buches zunächst abschreckte: Sie sollte einen Erotikroman schreiben* [DRK] ‘Сначала ее отталкивала тематика книги: она должна была написать эротический роман’.

(9) нем. *Zuvor hatte es einen unglaublich lauten Knall gegeben, der wohl fast jeden im Dorf aufschreckte* [DRK] ‘Перед этим раздался невероятно громкий хлопок, который, наверное, заставил почти всех в деревне вскочить от страха’.

Из значения глагола *abschrecken* можно сделать вывод, что Ситуация (тематика книги) в примере (8) пугала и в какой-то мере отворачивала (отталкивала) Экспериенцера *sie*. Громкий хлопок (Ситуация в примере (9)) заставил Экспериенцера *wohl fast jeden im Dorf* вскочить от страха, т.е. испугаться и соматически проявить это. Данные наблюдения находят отражение в ФТ: у глагола *abschrecken* «К каузирует Ехр испытывать St и держаться в стороне», у глагола *aufschrecken* «К каузирует Ехр испытывать St и подпрыгнуть от неожиданности».

3.1.7. Значение изменения положения в пространстве имеет также глагол *verschrecken*. Согласно словарному толкованию, данный ГКС означает «*jemandem einen Schrecken einjagen und ihn dadurch vertreiben*» [WDDS], т.е. не только каузирует испытать эмоциональное состояние, но также каузировать уйти, например:

(10) *Auch die Proteste Ende 2010 <...> verschreckten viele Urlauber* [DRK] ‘Протесты в конце 2010 года <...> отпугнули многих отдыхающих’.

Каузатор – Ситуация в примере (10) *die Proteste Ende 2010* привел к тому, что Экспериенцер *viele Urlauber* покинули страну или отказались от идеи ехать отдыхать в это место – каузировали уйти или не приходить. Таким образом, ФТ данного ГКС следующая: «К каузирует Ехр испытывать St и в результате покинуть первоначальное местопребывания».

3.1.8. Самую высокую степень интенсивности каузируемого эмоционального состояния выражает глагол *entsetzen* – «*in Angst und Schrecken versetzen*» [DWDS]. Два номинанта эмоции страха в толковании дает основание предполагать, что данный ГКС выражает каузирование самого сильного чувства страха, например:

(11) *Was die Polizisten aber besonders entsetzte: Der Aufgegriffene war ein Ex-Kollege* [DRK] ‘Что особенно ужаснуло полицейских, так это то, что пойманный человек был бывшим коллегой’.

В предложении (11) Каузатором является Ситуация: преступником оказался бывший сотрудник закона, что закономерно вызвало у Экспериенцера *die Polizisten* ужас.

ФТ данной группы глаголов «К каузирует Ехр испытывать St высокой степени интенсивности».

В таблице 1 приведены типы сем, которые выражают дополнительные значения в рассматриваемых глаголах в немецком языке.

Таблица 1. *Дополнительные семы ГКС в немецком языке*

№ п/п	Группа глаголов	Дополнительные семы									
		Низкая степень интенсивности	Средняя степень интенсивности	Высокая степень интенсивности	Самая высокая степень интенсивности	Продолжительность состояния	Чувство неуверенности, растерянности	Каузатив – неожиданная Ситуация	Ехр вынужден покинуть место	Ехр вынужден держаться в стороне	Ехр подпрыгивает, вздрагивает
1.	beunruhigen	+									
2.	einschüchtern	+					+				
3.	ängstigen		+								
4.	beängstigen		+								
5.	verängstigen		+			+					
6.	schrecken			+				+			
7.	erschrecken			+				+			
8.	verschrecken			+					+		
9.	abschrecken			+						+	
10.	aufschrecken			+							+
11.	entsetzen				+						

Как показывают данные таблицы 1, в немецком языке дополнительные семы разных глаголов не склонны повторяться, за исключением сем, выражающих степень интенсивности эмоционального состояния (ср. данные табл. 2).

3.2. Дополнительные семы ГКС в русском языке. В синонимичный ряд глаголов, выражающих каузирование эмоциональное состояние страха в русском языке, входят 25 лексические единицы: *беспокоить, беспокоивать, беспокоить, волновать, взволновать, запугивать, запугать, пугать, испугать, припугивать, припугнуть, страшить, стращать, застраивать, застращать, тревожить, потревожить, растревоживать, растревожить, ужасать, ужаснуть, устрашать, устрашить, отпугивать, отпугнуть.*

Специфическое для русского языка противопоставление совершенного / несовершенного вида имеет большое влияние на семантику глаголов. В аспектологии существует несколько подходов к интерпретации значения вида глаголов, однако самым распространенным является понимание совершенного вида как законченного,

предельного, результативного, точечного и целостного действия [Гловинская, 1982: 7].
Несовершенный вид считается более сложным, выражающим актуально-длительное, узуальное, настоящее историческое, общефактическое, потенциальное действие [там же: 14].

Анализ отобранного материала позволяет сделать вывод, что для данного исследования имеет значение длительность / кратность действия, выражаемого несовершенным видом ГКС, и однократность действия, выражаемого совершенным видом.

3.2.1. Так, ГКС *пугать*, *устрашать*, являясь глаголами несовершенного вида, имеют значение длительности / кратности каузируемого состояния, что раскрывается при употреблении данных единиц в предложениях:

(12) рус. – *А я ведь двойню могу родить, – пугала Таня Сергея* [НКРЯ].

(13) рус. *Хотя статья Бора-Розенфельда устрашает своим объемом (более 60 страниц) <...>* [НКРЯ].

Каузаторы – Ситуация в данных примерах (слова персонажа в предложении (12) и статья в предложении (13)) вызывают эмоциональное состояние у Экспериенцера на протяжении некоторого времени. Так, в примере (12) разговор о ребенке происходил между персонажами несколько раз (возможно, регулярно) – повторяющаяся попытка каузировать страх. В примере (13) объем статьи не меняется, а значит каузирует эмоциональное состояние не выраженного Экспериенцера постоянно. Глаголы данной группы, таким образом, имеют следующую ФТ: «К некоторое время / неоднократно каузирует Ехр испытывать St средней степени интенсивности».

3.2.2. Глаголы совершенного вида содержат в своей семантике указание на однократность действия. В словарных толкованиях глаголов *испугать*, *устрашить* это не указывается, но такой вывод можно сделать, проанализировав примеры:

(14) рус. *Он засмеялся. Меня даже испугал его сильный смех* [НКРЯ].

(15) рус. *Неужели они могли предполагать, что этот их игрушечный марш кого-то устрашит?* [НКРЯ].

В примере (14) эмоциональное состояние страха у Экспериенцера *меня* является реакцией на однократное действие Агенса *он* – смех в конкретной ситуации. Страх в примере (15) также является однократной реакцией на конкретное действие Агенса *их* – *игрушечный марш*. Таким образом, ФТ данной пары глаголов: «К однократно каузирует Ехр испытывать St средней степени интенсивности».

3.2.3. В русском языке, как и в немецком, ГКС различаются степенью интенсивности каузируемого состояния. Глаголы *беспокоить*, *волновать*, *тревожить*, *обеспокоивать*

выражают состояние одной степени интенсивности, хотя имеют различные словарные толкования. Так, *беспокоить* трактуется как «внушать тревогу», а *тревожить* – «приводить в состояние беспокойства» [БАСРЯ]. Толкования номинантов эмоционального состояния *тревога* и *беспокойство* также даются одно через другое (*тревога* – «чувство беспокойства», *беспокойство* – «тревога, волнение, озабоченность» [БАСРЯ]), что свидетельствует о некоторой взаимозаменяемости понятий. У глагола *волновать* значение каузирования эмоционального состояния является вторым, что влияет на его употребление в речи именно в эмотивном значении – чаще всего этот глагол используется в значении «выводить из состояния равновесия» [БАСРЯ]. Глагол *обеспокоивать* имеет самую низкую частотность употребления среди уже рассмотренных, так как является просторечным и устаревшим, согласно словарным пометам.

(16) рус. *Меня беспокоит состояние Аленкиной коленки – именно на таких крутых подъёмах у неё начинаются проблемы* [НКРЯ].

Экспериенцер в примере (16) испытывает тревожное чувство каждый раз, когда думает о состоянии здоровья другого человека – повторяющееся (возможно, продолжительное), но не интенсивное состояние. ФТ рассмотренных ГКС: «К некоторое время / неоднократно каузирует Ехр испытывать St низкой степени интенсивности».

3.2.4. ГКС *обеспокоить*, *взволновать*, *потревожить* являются парами совершенного вида для глаголов *беспокоить*, *обеспокоивать*, *волновать*, *тревожить* (см. 3.2.3.), что влияет в том числе на схожесть словарных дефиниций (ср. *тревожить* – «приводить в состояние беспокойства», *потревожить* – «привести в состояние тревоги, беспокойства» [БАСРЯ]). Однако, глагол *взволновать* имеет дополнительное значение смятения – состояния замешательства – «привести кого-либо в тревожное, нервное состояние, в беспокойство, в смятение» [БАСРЯ], например:

(17) рус. *Когда я прочитал сценарий, меня взволновала мысль о том, что человека можно «стереть»* [НКРЯ].

Каузатор – Ситуация в примере (17) выражена существительным *мысль*. Данная мысль вызывает у Экспериенцера *меня* чувство беспокойства, сбивает с толку и вынуждает чувствовать замешательство и смятение.

Таким образом, у глаголов *обеспокоить* и *взволновать* ФТ отличается от ГКС *беспокоить*, *обеспокоивать*, *волновать* семой однократности действия: «К каузирует Ехр однократно испытать St низкой степени интенсивности». ФТ глагола *взволновать* отражает дополнительную сему замешательства: «К однократно каузирует Ехр испытывать St низкой степени интенсивности и испытывать смятение».

3.2.5. Некоторые приставки в русском языке, как и в немецком, имеют специфическое значение. Так, префикс *при-* глаголов *припугивать*, *припугнуть* указывает на неполноту, незавершенность действия, а также на низкую степень интенсивности каузируемого состояния. Словарная дефиниция данных ГКС указывает также на намеренность каузирования: «пугать, грозить чем-либо с целью воздействия» [БАСРЯ], например:

(18) *Кого припугивали, кого уговаривали, кому что-то обещали* [НКРЯ].

В примере (18) нет эксплицитно выраженного Каузатора, однако на основании значения намеренности действия и грамматического окончания глагола *запугивали* можно сделать вывод, что Каузатором в данном предложении является Агенс. ФТ глагола *припугивать* «одушевленный К некоторое время / неоднократно намеренно каузирует Ехр испытывать St низкой степени интенсивности», ФТ глагола *припугнуть* «одушевленный К однократно намеренно каузирует Ехр испытывать St низкой степени интенсивности».

3.2.6. Глаголы *запугивать*, *стращать*, *застращивать* также имеют значение намеренности каузирования эмоционального состояния страха, что, однако, не выражается в словарных дефинициях, а понимается через контекст. ГКС *запугивать* имеет значение «заставлять бояться» [БАСРЯ] имеет самую высокую частотность среди трех анализируемых глаголов. ГКС *стращать* и *застращивать* имеют словарные пометы *разговорный*, *устаревший* и почти вышли из современного употребления.

(19) *Затем меня минут 20 уговаривали прийти снова, запугивали возможными неприятностями* [НКРЯ].

Агенс в примере (19) не имеет эксплицитного выражения, однако контекст предложения указывает на намеренное каузирование, которое характерно только для осознанного одушевленного деятеля. Таким образом, ФТ трех рассматриваемых ГКС следующая: «одушевленный К некоторое время / неоднократно намеренно каузирует Ехр испытывать St средней степени интенсивности».

3.2.7. Пары совершенного вида глаголов *запугивать*, *стращать*, *застращивать* (см. 2.3.6.) – ГКС *запугать* и *застращать* – отличаются только семой однократности каузирующего действия, что отражается на их ФТ: «одушевленный К однократно намеренно каузирует Ехр испытывать St средней степени интенсивности», например:

(20) *Будяевых я застращал накануне до полубоморока – чтобы не опаздывали к нотариусу* [НКРЯ].

Агенс *я* в примере (20) однократно намеренно каузирует страх у Экспериенцера *Будяевых*, что понятно не только благодаря значению самого каузативного глагола

застрашал, но и эксплицитно выражено в рамках контекста – действие совершено с конкретной целью *чтобы не опаздывали к нотариусу*.

3.2.8. Как и в немецком языке, в русском языке есть ГКС с дополнительным пространственным значением. Так, глаголы *отпугивать*, *отпугнуть* имеют два эмотивных значения: «1. Пугая, отгонять. 2. Заставить отказаться от чего-либо, вызывая у кого-либо какие-либо опасения» [БАСРЯ]. Второе значение имеет помету «разговорное».

(21) рус. *Египет, главной статьей дохода которого еще недавно являлся туризм, подсчитывает убытки от отпугнувших отдыхающих беспорядков <...>* [НКРЯ].

(22) рус. *Были капли от насморка, но Петров прочитал на упаковке, что они вызывают привыкание, и это Петрова отпугнуло* [НКРЯ].

Пространственное значение глагола *отпугнуть* выражается в примере (21): Ситуация *беспорядки* каузировала Экспериенцера *отдыхающих* покинуть Египет или не приезжать в страну изначально. Ситуация *они [капли от насморка] вызывают привыкание* в примере (22) вынудила Экспериенцера *Петрова* не использовать их, т.е. прервать запланированное действие.

Таким образом, ФТ глагола *отпугивать* «К некоторое время / неоднократно каузирует Ехр испытывать St и покидать изначально местоположение или прерывать действие», а глагола *отпугнуть* «К однократно каузирует Ехр испытывать St и покинуть изначально местоположение или прервать действие».

3.2.9. ГКС *страшит* отличаются тем, что используется с Каузатором – Событие, что, однако, не отражено в словарных дефинициях, но становится понятным из примеров:

(23) рус. *Будущее страшит их хаосом жестокой бессмысленности* [НКРЯ].

(24) рус. *Его тревожила судьба Гуцуляка* [НКРЯ].

В примере (23) беспокойство Экспериенцера *их* вызывает Каузатор – Событие *будущее*, который в предложении (24) имеет выражение *судьба*, но также предполагает будущее героя произведения. Это накладывает ограничение на употребление данного ГКС, что отражается на его ФТ: «К некоторое время / неоднократно каузирует Ехр испытывать St средней степени интенсивности перед будущим».

3.2.10. Глаголы *растревоживать* и *растревожить* являются парой совершенного / несовершенного вида. Данные глаголы вызывают более сильные чувства страха, чем ранее проанализированные, что отражено в их словарной дефиниции: «вызывать в ком-либо сильную тревогу, беспокойство» [БАСРЯ], например:

(25) *Эта пустяковая история с глиной растревожила Ивана Григорьевича* [НКРЯ].

В примере (25) Каузатором является Ситуация – *пустяковая история*, которая повлияла на эмоциональное состояние Экспериенцера *Ивана Григорьевича*. ФТ глагола

растревоживать «К некоторое время / неоднократно каузирует Ехр испытывать St высокой степени интенсивности», а глагола *растревожить* «К однократно каузирует Ехр испытывать St высокой степени интенсивности».

3.2.11. Самую высокую степень интенсивности каузируемого эмоционального состояния выражают глаголы *ужасать* и *ужаснуть*: «привести в ужас, страшно испугать» [БАСРЯ]:

(25) рус. *Мысль о полном одиночестве ужасала меня* [НКРЯ].

(27) рус. *И слова его то ли изумили, то ли ужаснули санитаров* [НКРЯ].

Глаголы *ужасать*, *ужаснуть* отличаются только продолжительностью / кратностью каузируемого состояния. Так, в примере (26) Каузатор *мысль* вызывает глубокое чувство страха – ужас, у Экспериенцера *меня* постоянно или регулярно (когда мысль приходит в голову). В примере (27) эмоциональное состояние страха является однократной реакцией Экспериенцера *санитаров* на определенные слова, сказанные в конкретной ситуации. ФТ глагола *ужасать*: «К некоторое время / неоднократно каузирует Ехр испытывать St самой высокой степени интенсивности»; ФТ глагола *ужаснуть*: «К однократно каузирует Ехр испытывать St самой высокой степени интенсивности».

В таблице 2 приведены типы сем, которые выражают дополнительные значения в рассматриваемых глаголах в русском языке.

Семы продолжительность / неоднократность и однократность каузирующего действия повторяются во всех ГКС, наряду с семами интенсивности каулируемого состояния (ср. данные табл. 1).

4. Выводы

4.1. Семантика ГКС в немецком и русском языках проявляет больше различий, чем сходств, что указывает на подверженность восприятия эмоционального состояния культурно-специфическим правилам того или иного народа, что также отражается на способах их выражения и семантике соответствующих лексических единиц.

4.2. ГКС в обоих исследуемых языках содержат семы низкой, средней, высокой и самой высокой степени интенсивности испытываемого эмоционального состояния, что может частично объясняться необходимостью выражать разные оттенки одной эмоции в разных обстоятельствах. В обоих исследуемых языках была выявлена пространственная сема «покинуть изначальное местопребывания» (в немецком языке *verschrecken*, в русском – *отпугивать*, *отпугнуть*). Сходной, но не абсолютно одинаковой, также является сема неуверенности, растерянности в немецком языке (*einschüchtern*) и семя смятения в русском языке (*взволновать*).

Таблица 2. Дополнительные семы ГКР в русском языке

№	Группа глаголов	Дополнительные семы											
		Низкая степень интенсивности	Средняя степень интенсивности	Высокая степень интенсивности	Самая высокая степень интенсивности	Продолжительность / неоднократность	Однократность	Намеренность	Каузатор – Событие (будущее)	Каузатор – Агенса (одушевленный деятель)	Ехр испытывает смятение	Ехр вынужден покинуть место	Ехр вынужден прервать действие
1.	беспокоить	+				+							
2.	обеспокоивать	+				+							
3.	обеспокоить	+					+						
4.	потревожить	+					+						
5.	волновать	+				+							
6.	тревожить	+				+							
7.	взволновать	+					+			+			
8.	припугивать	+				+		+		+			
9.	припугнуть	+					+	+		+			
10.	запугивать		+			+		+		+			
11.	стращать		+			+		+		+			
12.	заstraщивать		+			+		+		+			
13.	заstraщать		+				+	+		+			
14.	запугать		+				+	+		+			
15.	пугать		+			+							
16.	уcтрашать		+			+							
17.	испугать		+				+						
18.	уcтрашить		+				+						
19.	страшить		+			+			+				
20.	отпугивать		+			+					+	+	
21.	отпугнуть		+				+				+	+	
22.	раcтревоживать			+		+							
23.	раcтревожить			+			+						
24.	ужасать				+	+							
25.	ужаснуть				+		+						

4.3. В немецком языке были обнаружены следующие дополнительные семы, модифицирующие семантику ГКС: продолжительность каузируемого состояния (*verängstigen*), Каузатор – неожиданная, шокирующая Ситуация (*schrecken, erschrecken*), Экспериментер вынужден держаться в стороне (*abschrecken*), Экспериментер подпрыгивает, вздрагивает (*aufschrecken*).

4.4. Семантика ГКС в русском языке характеризуется противопоставлением неоднократность – однократность каузируемого состояния, что связано с грамматической категорией вида. Специфическими для русского языка являются также семы намеренности каузирующего действия в комбинации с Каузатором – Агенсом и сема Каузатора – События.

4.5. Несмотря на то, что в семантике ГКС встречаются одинаковые семы, ни одну пару глаголов в исследуемых языках нельзя считать полными эквивалентами на семантическом уровне, так как анализ значений не выявил ни одной ФТ, одинаковой для обоих исследуемых языков. В большей степени это объясняется тем, что глаголы в русском языке имеют категорию вида, неизменно влияющую на значение глагола, а немецкий язык отличается использованием в образовании ГКС префиксов с пространственной семантикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974. 368 с.
2. Баклагова Ю. В. Семантические параметры лабильного употребления глагола *freeze* в английском языке // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 2. Доступ: <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK222.pdf>. (дата обращения: 17.08.2022).
3. Басыров Ш. Р. Структурно-семантические особенности лексики периода пандемии коронавируса // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2020. Т. 16. № 4 (50). С. 79-85.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.
5. Ветрова Э. С., Токарева В. Г., Национальные особенности современного сленга (на материале английского и немецкого языков) // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2019. Т. 15. № 1-2 (43-44). С. 122-137.
6. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. Москва: Наука, 1982. 155 с.
7. Гуров А. Н. Семантика и залоговые формы прямо-каузативных переходных глаголов (на материале испанского и русского языков) // *Казанская наука*. 2020. № 5. С. 128-130.
8. Дроздов В. А. Лексико-семантическая группа «Наименования животных в карибских креолях на англоязычной основе» // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2022. Т. 18. № 1 (55). С. 75-85.
9. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 175 с.

10. Калиущенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике. Донецк: ДонНУ, 2016. 281 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12).

11. Калиущенко В. Д. Глаголы, мотивированные зоонимами, в средневерхненемецком и современном немецком языке // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк, 2020. Т. 16. № 4 (50). С. 86-94.

12. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Москва: Гнозис, 2008. 374 с.

13. Липанова П. К. Семантика глаголов, обозначающих каузирование эмоционального состояния радости в английском и русском языках // *Studia Germanica et Romanica*. Донецк, 2022. Т. 18. № 1 (55). С. 97-112.

14. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969. 310 с.

15. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

16. Сусов И. П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения современного немецкого языка). Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ин-та, 1973. 141 с.

17. Buller D. Communicating Emotions // *Nonverbal communication. The unspoken dialog*. 2 ed. New York; London; Tokyo: The McGraw-Hill Companies, 1996. P. 271-296.

18. Ekman P. Universals and Cultural Differences in Facial Expression of Emotion // *Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1971. P. 207-283.

19. Ekman P., Oster H. Facial Expression of Emotion // *Annual Review of Psychology*. 1979. № 30. P. 528-554.

20. Fillmore Ch. J. The case for case // *Universals in Linguistic Theory*. N. Y., 1968. P. 1-90.

21. Heelas, P. Emotions Across Cultures: Objectivity and Cultural Divergence // *Royal Institute of Philosophy Lectures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 21-42.

22. Lutz C. Unnatural emotions. Chicago; London: University of Chicago Press, 1988. 292 p.

23. Tomkins S., McCarter R. What and Where the Primary Affects? Some Evidence for a Theory // *Perceptual and motor Skills*. 1964. Vol. 18. P. 119-159.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой академический словарь русского языка: в 26-ти т. Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004-. [БАСРЯ].

2. Duden. Доступ: <https://www.duden.de>. (дата обращения: 22.01.2022).

3. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 17.01.2022). [DWDS].

4. Wörterbuch der deutschen Sprache. Доступ: <https://www.verben.de>. (дата обращения: 02.02.2022). [WDDS].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Национальный корпус русского языка. Доступ: <https://ruscorpora.ru/new>. (дата обращения: 13.02.2022). [НКРЯ].

2. Das Deutsche Referenzkorpus. Доступ: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>. (дата обращения: 17.02.2022). [DRK].

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*

[Lexical Semantics. Synonymous Language Means]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

2. Baklagova, Yu. V. (2022). Semanticheskie parametry labilnogo upotrebleniya glagola *freeze* v angliyskom yazyke [Semantic Parameters of Changeable Usage of *Freeze* Verb in English]. In *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya*. T. 13. No. 2. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK222.pdf>. (accessed: 17.08.2022). (In Russ.).

3. Basyrov, Sh. R. (2020). Strukturno-semanticheskie osobennosti leksiki perioda pandemii koronavirusa [Structural-Semantic Peculiarities of Covid-19 Pandemic Vocabulary]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. T. 16. No. 4 (50). Pp. 79-85. (In Russ.).

4. Wierzbicka, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and Language Description]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).

5. Vetrova, E. S., Tokareva, V. G. (2019). Natsionalnye osobennosti sovremennogo slenga (na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov) [National Aspects of Modern Slang (based on English and German)]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. T. 15. No. 1-2 (43-44). Pp. 122-137. (In Russ.).

6. Glovinskaya, M. Ya. (1982). *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo glagola* [Semantic Types of Aspect Opposition of Russian Verbs]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

7. Gurov, A. N. (2020). Semantika i zalogovye formy pryamo-kauzativnykh perekhodnykh glagolov (na materiale ispanskogo i russkogo yazykov) [Semantics and Voice of Causative Transitive Verbs (based on Spanish and Russian)]. In *Kazanskaya nauka*. No. 5. Pp. 128-130. (In Russ.).

8. Drozdov, V. A. (2022). Leksiko-semanticheskaya gruppa «Naimenovaniya zhivotnykh v karibskikh kreolyakh na angloyazychnoy osnove» [Lexical-Semantic Group «Names of Animals in English-Based Caribbean Creoles»]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. T. 18. № 1 (55). Pp. 75-85. (In Russ.).

9. Ilin, E. P. (2011). *Emotsii i chuvstva* [Emotions and Feelings]. Sankt-Petersburg: Piter. (In Russ.).

10. Kaliušchenko, V. D. (2016). *Ot lingvisticheskoy tipologii k istoricheskoy lingvistike*. [From Linguistic Typology to Historical Linguistics]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; T. 12). (In Russ.).

11. Kaliušchenko, V. D. (2020). Glagoly, motivirovannye zoonimami, v sredneverkhnenemetskom i sovremennom nemetskom yazyke [Zoonym Motivated Verbs in Middle High German and Modern German]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. T. 16. No. 4 (50). Pp. 86-94. (In Russ.).

12. Krasavskiy, N. A. (2008). *Emotsionalnye kontsepty v nemetskoy i russkoy lingvokulturakh* [Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).

13. Lipanova, P. K. (2022). Semantika glagolov, oboznachayushchikh kauzirovanie emotsionalnogo sostoyaniya radosti v angliyskom i russkom yazykakh [Semantics of Verbs Denoting Causation of Emotional State of Joy in English and Russian]. In *Studia Germanica et Romanica*. T. 18. No. 1 (55). Pp. 97-112. (In Russ.).

14. Nedyalkov, V. P., Silnitskiy, G. G. (1969). *Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy. Morfologicheskiy kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

15. Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Semantics of Words]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

16. Susov, I. P. (1973). *Semanticheskaya struktura predlozheniya (na materiale prostogo predlozheniya sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Semantic Structure of a Sentence (based on a Simple Sentence in Modern German)]. Tula: Izd-vo Tul'sk. gos. ped. in-ta. (In Russ.).

17. Buller, D. (1996). Communicating Emotions. In *Nonverbal communication. The*

unspoken dialog. 2 ed. New York; London; Tokyo: The McGraw-Hill Companies. Pp. 271-296.

18. Ekman, P. (1971). Universals and Cultural Differences in Facial Expression of Emotion. In *Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln: University of Nebraska Press. Pp. 207-283.

19. Ekman, P., Oster H. (1979). Facial Expression of Emotion. In *Annual Review of Psychology*. No. 30. Pp. 528-554.

20. Fillmore, Ch. J. (1968). The case for case. In *Universals in Linguistic Theory*. N. Y. Pp. 1-90.

21. Heelas, P. (1984). Emotions Across Cultures: Objectivity and Cultural Divergence. In *Royal Institute of Philosophy Lectures*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 21-42.

22. Lutz, C. (1988). *Unnatural emotions*. Chicago; London: University of Chicago Press.

23. Tomkins, S., McCarter, R. (1964). What and Where the Primary Affects? Some Evidence for a Theory. In *Perceptual and motor Skills*. Vol. 18. Pp. 119-159.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of the Russian Language]: v 26-ti t. Moskva: Nauka; Sankt-Peterburg: Nauka, 2004-. (In Russ.).

2. *Duden*. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed: 22.01.2023).

3. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 17.01.2022).

4. *Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.verben.de>. (accessed: 02.02.2022).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new>. (accessed: 13.02.2022). (In Russ.)

2. *Das Deutsche Referenzkorpus*. Available at: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>. (accessed: 17.02.2022).

Липанова Полина Константиновна – аспирант кафедры германской филологии (e-mail: p.lipanova@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Lipanova Polina K. – Postgraduate Student of Germanic Philology Department (e-mail: p.lipanova@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya str., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 18 октября 2022 г.

МИФОНИМЫ В СОСТАВЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена изучению структурных особенностей психологических терминов-мифонимов в английском и русском языках. Рассматриваются наиболее продуктивные модели данных терминов в сопоставляемых языках, выявляются общие и дифференциальные признаки в их структурной организации.

Ключевые слова: эпоним, эпонимизация, мифоним, термины-мифонимы, структурная модель.

© 2022 M. G. Cherkasova

PSYCHOLOGICAL TERMS-MYTHONYMS IN ENGLISH AND RUSSIAN: STRUCTURAL FEATURES

The article is devoted to the study of the structural features of psychological terms-mythonyms in English and Russian. The most productive models of these terms in the compared languages under comparison have been considered, common and differential features in their structural organization have been revealed.

Key words: eponym, eponymization, mythonym, terms-mythonyms, structural model.

Введение. По мере развития научного знания возникает необходимость в наименованиях для новых предметов, явлений, процессов. Одним из эффективных способов пополнения терминологического вокабуляра является эпонимизация – переход имени собственного в нарицательное и последующее его использование для номинации специальных понятий и объектов [Доржиева, 2017: 83]. Результатом эпонимизации являются эпонимы, под которыми в лингвистике традиционно подразумеваются наименования явления, понятия, структуры или метода по имени человека, впервые обнаружившего или описавшего их. Например, англ. *Tourette Syndrome* ‘синдром Туретта’, *Szondi test* ‘тест Сонди’, русск. *шкала депрессии Бека*, *архетипы Юнга*, *эриксоновский гипноз*. По мнению учёных, «термины-эпонимы играют важную роль в формировании концептуального пространства науки, усиливая антропоцентрическую составляющую научного знания и вводя в поле научного знания культурно-историческую информацию» [Тритенко, 2007: 243].

Необходимость использования эпонимических терминов в языке медицины является предметом научных споров среди лингвистов. Хотя одним из преимуществ терминов-эпонимов является их краткость, разные ученые высказывают противоположные точки

зрения по данному вопросу. Так, Александр Войводт и Эрик Маттесон утверждают, что употребление эпонимов в научной речи более не целесообразно [Woywodt, Matteson, 2007], а Джудит А. Уитворт считает, что они все еще остаются наглядным отражением истории развития медицины [Whitworth, 2007]. Испанские специалисты в области медицины Мора и Бош подчеркивают, что следует приложить все усилия для искоренения эпонимов, связанных с именами врачей, причастных к неэтичным действиям при сотрудничестве с нацистами во время Второй мировой войны [Mora, Bosch, 2010].

Образование терминов-эпонимов осуществляется на базе различных имен собственных. Это могут быть не только имена реальных людей (ученых, политических деятелей и т. д.), но и наименования вымышленных персонажей (божеств, героев, демонов и др.), что особенно характерно для психологической терминологии.

В фокусе внимания данной работы находятся термины-мифонимы – эпонимические наименования, в состав которых входит имя мифологического (из мифов, сказаний и легенд) или мифологизированного (из поздних литературных источников) персонажа, например: англ. *Cassandra Phenomenon* ‘комплекс Кассандры’, *Electra complex* ‘комплекс Электры’, *pygmalionism* ‘пигмалионизм’, *thanatophobia* ‘танатофобия’; русск. *комплекс Золушки, эротомания, синдром Эльпенора, геростратизм* и др. Наличие данных терминов в составе психологической терминологии во многом объясняется спецификой этой научной области, которая фокусируется на когнитивных, эмоциональных, биологических, физиологических и поведенческих факторах жизни людей, в разных культурах и во всех социально-экономических сферах.

Мифология античности всегда была одним из основополагающих компонентов мировой культуры, поэтому ассимиляция мифологических образов в разных областях знаний, в том числе и в области психологии, вызывает повышенный интерес. Мифологические языковые единицы зависят от национального видения мира (выступают вербальным кодом мифологических представлений и мировосприятия) и представляются в контексте соответствующих этнокультурных и научно-языковых систем.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью всестороннего изучения отраслевой терминологии с целью ее усовершенствования и гармонизации с международными терминосистемами в условиях расширения информационного пространства и интенсификации научных контактов. Несмотря на то, что многие вопросы, связанные с формированием и нормированием отраслевых терминологий, уже освещены в трудах основателей терминоведения (Г. О. Винокура [Винокур, 1939], Д. С. Лотте [Лотте, 1961], А. А. Реформатского [Реформатский, 1961]) и в исследованиях современных

терминологов (К. Я. Авербуха [Авербух, 2006], М. Н. Володиной [Володина, 1996], В. М. Лейчика [Лейчик, 2009], В. А. Татарина [Татарин, 1996] и других, психологические термины-мифонимы (далее ТМ) не были объектом специального научного анализа и нуждаются в более детальном изучении. Особый интерес вызывает экспансия античных образов в психологическую сферу, которая на современном этапе развития общества приобретает все большую значимость благодаря стабильному увеличению внимания к вопросам психического здоровья.

В условиях расширяющихся межнациональных и межкультурных контактов возникает острая необходимость в сопоставительных исследованиях, направленных на изучение культурной составляющей специального (профессионального) знания, закрепленного в специальной (профессиональной) терминологии, выявление общего и различного в организации психологической терминосистемы в разноструктурных языках, что будет способствовать гармонизации межкультурного научного диалога.

Объектом исследования являются английские и русские психологические термины-мифонимы, **предметом** – их структурные особенности.

Цель исследования – сопоставительное изучение структурных особенностей психологических терминов-мифонимов в английском и русском языках.

Материалом исследования послужили 209 контекстных употреблений терминологических единиц, из них 105 – в английском и 104 – в русском языке, отобранных путем сплошной выборки из специализированных словарей и интернет-ресурсов [ПС – Психологический словарь, ЭСПИ – Энциклопедический словарь по психологии и педагогике, DP – A Dictionary of Psychology, MD – Medical Dictionary].

2. Впервые термин «мифоним» встречается в «Общей теории имени собственного» А. В. Суперанской, которая дает следующее определение: «мифонимы – именованья людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т. п., в действительности никогда не существовавших» [Суперанская, 2007]. Мифонимы в языке выполняют роль экспрессивного стилистического средства, порождая индивидуальные, основанные на личных и культурных ассоциациях, характеристики человека, создавая его речевой портрет.

Широкое использование мифонимов в терминообразовании объясняется, прежде всего, существующей традицией, стремлением увековечить имена мифических героев, с которыми ассоциируется психологическое состояние или поведение человека. Распространение мифонимов в современной психологической терминологии обусловлено

не только их образностью, облегчающей запоминание сути термина, но и необходимостью подбора точного термина для адекватного отображения того или иного явления.

Переход имен мифологических персонажей в категорию термина происходит путем обобщения значения исходного термина. Это взаимодействие выражается в форме переноса наименования на новый денотат, что происходит за счет актуализации одного из когнитивных признаков исходного имени. При этом устанавливается постоянная связь между новым нарицательным словом и представлением об определенном божестве или герое. Его имя, заимствованное из сказания или мифа, впоследствии применяется в научном знании в качестве генерализованного нарицательного обозначения конкретных физических и/или психических характеристик, а также поступков, присущих данному персонажу. Названия психических феноменов, симптомов или расстройств, ассоциированные с известными мифологическими персонажами, значительно лучше запоминаются благодаря своей образности и выразительности.

Таким образом, психологические термины-мифонимы в английском и русском языках представляют собой сложное сплетение и взаимодействие двух контекстов, исходного – мифического и современного. Например, англ. *Thersites complex* ‘комплекс Терсита’ – расстройство восприятия образа собственного тела, связанное с воображаемым дефектом внешности – получило название по имени персонажа древнегреческой мифологии, известного своим уродством: хромоногостью, косоглазием, и горбатостью: *A subgroup of patients suffers from the so-called Thersites complex, in which a minimal physical deformity causes excessive psychological disturbances and distress* [Mühlbauer, Holm, Wood, 2001: 319] ‘Подгруппа больных страдает так называемым комплексом Терсита, при котором минимальная физическая деформация вызывает обширные психические переживания и дистресс’. Термином *гипомания* в русском языке, образованном от имени древнегреческой богини безумия, обозначают легкую степень психотического возбуждения (мании): *Гипомания – разновидность маниакального состояния средней степени тяжести, при котором человек чрезмерно, заразительно весел, чрезвычайно болтлив, в какой-то степени даже очарователен и неутомим в своей деятельности* [ЭСПП].

Следовательно, мифонимы в психологическом контексте находят свое значение только при установлении их связи с объектами. Знания мифологических источников, событий и персонажей позволяют воспринимать мифологизмы как наиболее яркие по своей семантике и интересные по форме термины. Имена героев, заимствованные из мифов, переходя в область психологической терминологии, не всегда являются отражением исходных персонажей. В процессе перехода в научные термины, мифонимы часто приобретают иной смысл, их

изначальная образность претерпевает метаморфозы; в некоторых случаях они утрачивают связь с исходным содержанием. Например, Эдип, согласно древнегреческим мифам, убил своего отца, не зная, кем тот ему приходился в действительности, а впоследствии женился на своей матери, опять же, не зная об их родстве. Зигмунд Фрейд ввел понятие «Эдипов комплекс» для обозначения подсознательного сексуального влечения ребенка к родителю противоположного пола [ЭСПП].

2.1. В сопоставляемых языках психологические термины-мифонимы имеют различную структуру (см. табл.).

Таблица. Структурные типы терминов-мифонимов в английском и русском языках

Структурный тип	Английский язык			Русский язык		
	Ед.	%	Примеры	Ед.	%	Примеры
Терминосочетания (двухкомпонентные)	43	40,95	<i>Persephone syndrome</i> <i>Jocasta complex</i> <i>Hera syndrome</i>	41	39,42	комплекс Ореста синдром Эльпенора комплекс Федры
Составные термины-слова	37	35,24	<i>nymphomania</i> , <i>thanatophobia</i> , <i>cupridophobia</i>	38	36,54	танатомания, венерофобия, гипомания
Простые производные термины-слова	13	12,38	<i>satyriasis</i> , <i>narcissism</i> , <i>hypnosis</i>	15	14,42	сатириаз, геростратизм, пигмалионизм
Терминосочетания (трехкомпонентные)	9	8,57	<i>Alice in Wonderland syndrome</i> <i>Robin Hood Syndrome</i>	6	5,78	нарциссическое расстройство личности
Простые производные термины-слова	3	2,86	<i>mania</i> , <i>thanatos</i> , <i>eros</i>	3	2,88	танатос, эрос, мания
Терминосочетания (четырёхкомпонентные)	–	–	–	1	0,96	синдром Алисы в Стране чудес
Всего	105	100		104	100	

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в английском и русском языках функционируют следующие структурные типы психологических терминов-мифонимов: термины-слова и термины-словосочетания. При этом в обоих языках наиболее распространены двухкомпонентные терминологические сочетания. Наименее распространены в английском языке простые производные термины-слова, а в русском языке – четырехкомпонентные терминологические сочетания.

Терминологические сочетания. Под терминологическими сочетаниями (в таблице

и далее – терминосочетания) К. Я. Авербух обозначает как «смысловое и грамматическое объединение двух (или нескольких) полнозначных слов, служащее наименованием специального профессионального понятия» [Авербух, 2006: 142].

Среди психологических терминосочетаний как в английском, так и в русском языках обнаружены двух-, трех- и четырехкомпонентные единицы. В английском языке двухкомпонентные ТМ представлены главным образом структурной моделью NP + N, где N – ядерный компонент, выраженный именем нарицательным, в качестве которого чаще всего выступают существительные *complex* и *syndrome*, а NP – зависимый компонент, выраженный именем собственным – мифонимом. NP в этой структурной модели выступает в атрибутивной функции. Например, *Diana complex* ('комплекс Дианы') в психоанализе – вытесненное желание женщины быть мужчиной. *Diana complex. In the individual psychology of the Austrian psychiatrist Alfred Adler (1870 – 1937) and his followers, the repressed wish of a woman to be a man* [DP] 'Комплекс Дианы. Подавленное желание женщины быть мужчиной в индивидуальной психологии австрийского психиатра Альфреда Адлера (1870 – 1937) и его последователей'. *Oedipus complex* ('Эдипов комплекс' – бессознательное или сознательное сексуальное влечение к родителю противоположного пола и амбивалентные чувства к родителю того же пола): *Freud considered the reactions against the Oedipus complex the most important social achievements of the human mind* [DP] 'Фрейд считал реакции на Эдипов комплекс важнейшими социальными достижениями человеческого разума'.

Менее частотной в английских двухкомпонентных ТМ является структурная модель NP's + N, которая представляет собой посессивную, или синтетически образованную генитивную конструкцию. На нее приходится всего один пример в выборке: *Ahasuerus' reaction* ('синдром Агасфера' – психопатия на фоне алкоголизма, наркомании или интоксикации, при которой больные постоянно и настойчиво обращаются в медицинские учреждения за наркотическими средствами, доказывая, что они им жизненно необходимы [ЭСПП]).

В русском языке в рамках двухкомпонентных ТМ частотной структурной моделью является: N + NP, где NP – имя собственное (мифоним) в родительном падеже, выполняющее атрибутивную функцию и находящееся в постпозиции по отношению к ядерному компоненту N. В качестве ядерного компонента, выраженного именем нарицательным, которого чаще всего выступают существительные *синдром* и *комплекс*. *Комплекс Медеи* – *безотчетное патологическое стремление матери убить собственных детей, чтобы отомстить мужу* [БПС]. *Синдром Эльпенора* (по имени спутника Одиссея) – *сочетание затрудненного*

восприятия окружающего, дезориентировки, бесцельного блуждания и расстройств координации движений; наблюдается при переходе от сна к бодрствованию после алкогольного или наркотического опьянения [БПС]. В единичных случаях ядерный компонент N в русском языке может быть выражен существительными *эффект* (2): *эффект Пигмалиона*, *эффект Протея*, а также *мышление* (1): *мышление Януса*.

Также в обоих языках была обнаружена малопродуктивная модель двухкомпонентного термина Adj + N, где в качестве атрибута выступает притяжательное прилагательное, образованное от онимической основы при помощи суффикса: *Janusian thinking* ‘мышление Януса’ – вариант мышления, которому свойственно сосуществование противоположных тенденций (Янус – древнеримское божество с двумя ликами, обращенными в разные стороны); русск. *Эдипов комплекс*.

Трехкомпонентные ТМ в каждом из языков представлены двумя структурными моделями. В общей для них модели Adj + N + N также в качестве атрибута выступает притяжательное прилагательное, образованное от онимической основы при помощи суффикса (по 1 ед.): *Мегаломания является типичным признаком нарциссизма или нарциссического расстройства личности* [ПС]. *Narcissistic personality disorder is a personality disorder marked by a grandiose sense of self-importance* [MD] ‘Нарциссическое расстройство личности — расстройство личности, характеризующееся грандиозным чувством собственной важности’.

Модель NP + NP + N в английском языке состоит из имени мифологического или мифологизированного литературного персонажа и ядерного компонента N, выраженного существительным *syndrome*: *The Robin Hood Syndrome encompasses a variety of behavioral manifestations, all of which arise from the application of a short list of simple rules in the context of a complex adaptive system* [Eoyang, Black-Hughes, Smilonich, 1997] ‘Синдром Робин Гуда включает в себя разнообразные поведенческие проявления, все из которых возникают в результате применения короткого списка простых правил в контексте сложной адаптивной системы’. В русском языке ей соответствует структурная модель N + NP + NP, где имя собственное в родительном падеже выполняет атрибутивную функцию и находится в постпозиции по отношению к ядерному компоненту N, выраженному именем нарицательным *синдром*: *Человек с синдромом Питера Пэна может выглядеть глубоким мечтателем, искателем приключений, с ним не соскучишься* [Чиркова, 2020: 42].

Примечательно, что один из трехкомпонентных терминов английского языка структурной модели NP + NP + N при переходе в русский язык становится

четырёхкомпонентным, что обусловлено традицией литературной адаптации мифологизированного онима: *The Alice in Wonderland syndrome includes an array of symptoms involving altered perception of shape (meta-morphopsia) of objects or persons who appear to be smaller (micropsia) or larger (macropsia) than normal, of impaired sense of passage of time, of zooming of the environment* [Cau, 1999: 397] ‘Синдром Алисы в стране чудес включает ряд симптомов, связанных с измененным восприятием формы объектов или людей (метаморфопсией), которые начинают казаться меньше (микропсия) или больше (макропсия), чем обычно, нарушением чувства течения времени и масштаба окружающей среды’. Соответственно, в русском языке эквивалент данного термина принимает форму структурной модели N + NP + NP + NP: *Синдром Алисы в Стране чудес обозначает симптомокомплекс деперсонализации, дереализации, алло- и аутометаморфопсии, расщепление личности, зрительные иллюзии, псевдогаллюцинации* [ЭСПП].

Термины-слова. Чуть более половины выборки как в английском (53 ед.), так и русском (56 ед.) языке составляют термины-слова. Согласно классификации Б. Н. Головина термины-слова делятся на простые, аффиксальные и сложные [Головин, 1987]. К простым ПТ относятся термины, состоящие из одного корня, например англ. *eros* ‘эрос’, русск. *танатос*; аффиксальные состоят из корня и аффиксов, например англ. *hypnosis* ‘гипноз’, русск. *геростратизм*. Сложные ПТ имеют в своем составе более двух корней, например англ. *erotophobia* ‘эротифобия’, русск. *венерофобия*.

В соответствии с морфемной структурой данные ТМ в свою очередь делятся на: непроеводные (корневые), проиеводные (дериваты, образованные с помощью различных аффиксов) и сложные – состоящие из нескольких корней.

Простые непроеводные термины в обоих языках образованы в результате семантической деривации: мифоним переходит в имя нарицательное без каких-либо структурных трансформаций. Меняется только значение (и написание), например, Мания – древнегреческая богиня безумия, а *мания* – патологическое состояние с сосредоточением на какой-то одной идее, с резкими переходами от возбуждения к подавленности. *Соотношение депрессивных и маниакальных приступов может быть самым различным, возможно течение болезни в форме только, например, периодической депрессии или мании* [ЭСПП]. Англ. *thanatos* ‘танатос’ – в психоанализе – влечение к смерти, инстинкт смерти, агрессии и разрушения (Танатос – бог смерти в греческой мифологии): *In Freudian theory, Thanatos is used for the death instinct (often contrasted with Eros)* [DP] ‘В теории Фрейда *Танатос* используется для обозначения влечения к смерти (часто противопоставляется Эросу)’. Таких терминов в выборке представлено всего по три единицы в каждом из языков.

Составные ТМ как в английском (37 ед.), так и в русском (38 ед.) языках образованы сочетанием двух слов, образованных от онимических основ. Например, *cypridophobia* ‘кипридофобия’ – навязчивый страх заразиться венерической болезнью – имеет в основе мифонимы «Киприда», одно из имен древнегреческой богини Афродиты, и «Фобос» – бог, олицетворение страха и паники в греческой мифологии. *Someone suffering from cypridophobia may find themselves avoiding that which they fear* [MD] ‘Страдающий кипридофобией может избегать того, чего боится’. Русскоязычное слово *нимфомания* (неудержимое половое влечение у женщин) образовано от мифонимов «нимфа» – божество природы в древнегреческой мифологии, олицетворяющие живительные и плодоносные силы, и «Мания»: По Х. Эллису, *нимфомания* связана с эксгибиционизмом женщин [ЭСП].

Стоит отметить, что некоторые словари относят морфему *-phobia* к так называемым комбинирующим формам (англ. *combining forms*) [MWD]. Однако, на наш взгляд, это не совсем корректно, если исходить из определения понятия «комбинирующие формы»: ‘they are bound, that is, cannot function in English as independent words’ [Lavrova, 2010: 201] – то есть, они не могут употребляться в английском языке в качестве отдельных слов, что никак не относится к лексеме *-phobia*.

Менее частотными как в английском (13 ед.), так и русском (15 ед.) языках являются дериваты, образованные аффиксальным способом путем добавления к онимической основе различных суффиксов, например: *satyriasis* ‘сатириаз’ – патологически повышенное половое влечение у мужчин (Сатир – ленивое и распутное божество, проводит время в пьянстве и охоте за нимфами): *Satyriasis is a psychological condition of men characterized by uncontrollable sexual desire and an inability to have lasting sexual relationships* [DP] ‘Сатириаз – психологическое состояние мужчин, характеризующееся неконтролируемым половым влечением и неспособностью иметь продолжительные сексуальные отношения’. Русск. *нарциссизм* (видимое отсутствие интереса к другим в сочетании с заикленностью на себе (Нарцисс в древнегреческой мифологии настолько сильно влюбился в собственное отражение, что больше не смог с ним расстаться): В психоанализе термин «нарциссизм» был использован З. Фрейдом в 1910 году для характеристики процессов либидо, направленных не на другие сексуальные объекты, а на собственное Я [ЭСП].

Дериваты, образованные с помощью приставок, не обнаружены ни в одном из исследуемых языков.

3. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

Психологические термины-мифонимы в сопоставляемых языках имеют различную структуру. Выделяются терминосочетания, а также простые (производные, непродуцированные) и сложные термины-слова.

Общим для обоих языков является незначительное преобладание двухкомпонентных терминосочетаний. В английском языке наиболее распространенными структурными моделями ТМ являются двухкомпонентные ПТ, которые представлены тремя моделями: NP + N и Adj + N, NP's + N. Наиболее распространенными структурами русских ТМ также являются двухкомпонентные, но с одной высокопродуктивной моделью – N + NP. Наименее частотными в английском языке являются простые непродуцированные термины-слова, а в русском – четырехкомпонентные терминосочетания.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем изучении психологических терминов, в частности их структуры, семантики и особенностей функционирования на материале двух и более языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. Москва: Изд-во МГОУ, 2006. 252 с.
2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Москва: ЛИТЕРА, 1939. Вып. 5. С. 3-54.
3. Володина М. Н. Информационная природа термина // Филологические науки. Москва: Алмавест, 1996. № 1. С. 90-94.
4. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. Москва: Высшая школа, 1987. 105 с.
5. Доржиева Г. С. Эпонимизация как один из способов вторичной номинации: лингвокультурологический аспект // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 83-92.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
7. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 158 с.
8. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. Москва: Акад. наук СССР. Ин-т языкознания, 1959. – 14 с.
9. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: УРСС, 2007. 368 с.
10. Татаринцев В. А. Теория терминоведения. Москва: Московский лицей, 1996. Т. 1. 311 с.
11. Татаринцев В. А. История отечественного терминоведения. Москва: Московский лицей, 1995. Т. 2. Кн. 1. 333 с.
12. Тритенко Т. В. Когнитивные основания мифологических терминов в языке клинической психологии // Вопросы филологии. Москва: Образовательное частное учреждение высшего образования «Институт иностранных языков», 2007. № 4. С. 243-247.
13. Lavrova N. A. Towards combining forms and their morphological status in modern English // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Москва: Институт стратегических исследований, 2010. № 8. С. 201-204.

14. Mora B., Bosch X. Medical Eponyms: Time for a Name Change // Archives of Internal Medicine. American Medical Association, 2010. № 16. P. 1499-1500.
15. Whitworth J. A. Should be eponyms be abandoned? No // British Medical Journal. BMJ Group, 2007. № 335. P. 425.
16. Woywodt A., Matteson E. Should eponyms be abandoned? Yes // British Medical Journal. BMJ Group, 2007. № 335. P. 424.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большая психологическая энциклопедия. Доступ: <https://psychology.academic.ru>. (дата обращения: 07.10.2022). [БПС].
2. Психологический словарь /под ред. Р. С. Немов. Москва: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. 560 с. [ПС].
3. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (сводный). Доступ: <http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy>. (дата обращения: 07.10.2022). [ЭСПП].
4. Чиркова Н. С. Синдром Питера Пэна // Психология для жизни. Журнал Московской службы психологической помощи населению. 2020. № 5. С. 38-42.
5. A Dictionary of Psychology / Andrew M. Colman. Oxford: Oxford University Press, 2009. 882 p. [DP].
6. Medical Dictionary. Доступ: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com>. (дата обращения: 7.10.2022). [MD].
7. Merriam-Webster Dictionary. Доступ: <https://merriam-webster.com>. (дата обращения: 7.10.2022). [MWD].
8. Gennaro A. R., Gould G. M. Gould's medical dictionary. New York: McGraw-Hill, 1979. 1632 p.
9. Mühlbauer W., Holm C., Wood D. L. The thesites complex in plastic surgical patients // Plastic and reconstructive surgery. Baltimore: Williams & Wilkins, 2001. № 2. P. 319-326.
10. Eoyang G., Black-Hughes C., Smilonich D. The Robin Hood Syndrome: Street Gangs as Complex Adaptive Systems, 1997. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.120.7098&rep=rep1&type=pdf>. (accessed: 07.10.2022).
11. Cau C. The Alice in Wonderland syndrome // Minerva Medica. Torino: Minerva Medica, 1999. № 10. P. 397-401.

REFERENCES

1. Averbukh, K. Ya. (2006). *Obshchaya teoriya termina* [General theory of the term]. Moskva: Izd-vo MGOU. (In Russ.).
2. Vinokur, G. O. (1939). O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoy tekhnicheskoy terminologii [Revisiting some word formation phenomena in Russian technical terminology]. In *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury*. Moskva: LITERA. Vyp. 5. Pp. 3-54. (In Russ.).
3. Volodina, M. N. (1996). Informatsionnaya priroda termina [Informational nature of the term]. In *Filologicheskie nauki*. Moskva: Almavest. No. 1. Pp. 90-94. (In Russ.).
4. Golovin, B. N., Kobrin, R. Yu. (1987). *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh* [Linguistic bases of the terms doctrine]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Dorzhieva, G. S. (2017). Eponimizatsiya kak odin iz sposobov vtorichnoy nominatsii: lingvokulturologicheskii aspekt [Eponymization as one of the ways of secondary nomination: linguoculturological aspect]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. No. 2. Pp. 83-92. (In Russ.).

6. Leichik, V. M. (2009). *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, methods, structure]. Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).
7. Lotte, D. S. (1961). *Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii: voprosy teorii i metodiki* [Fundamentals of scientific and technical terminology construction: issues of theory and methodology]. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russ.).
8. Reformatskiy, A. A. (1959). *Chto takoe termin i terminologiya* [What is term and terminology]. Moskva: Akad. nauk SSSR. In-t yazykoznaneya, (In Russ.).
9. Superanskaya, A. V. (2007). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of the proper name]. Moskva: URSS. (In Russ.).
10. Tatarinov, V. A. (1996). *Teoriya terminovedeniya* [Theory of terminology]. Moskva: Moskovskiy litsey. T. 1. (In Russ.).
11. Tatarinov, V. A. (1995). *Istoriya otechestvennogo terminovedeniya* [History of Russian terminology]. Moskva: Moskovskiy litsey. T. 2. Kn. 1. (In Russ.).
12. Tritenko, T. V. (2007). Kognitivnye osnovaniya mifologicheskikh terminov v yazyke klinicheskoy psikhologii [Cognitive bases of mythological terms in the language of clinical psychology]. In *Voprosy filologii*. Moskva: Obrazovatelnoe chastnoe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Institut inostrannykh yazykov». No. 4. Pp. 243-247. (In Russ.).
13. Lavrova, N. A. (2010). Towards combining forms and their morphological status in modern English In *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. Moskva: Institut strategicheskikh issledovaniy. No. 8. Pp. 201-204. (In Russ.).
14. Mora, B., Bosch, X. (2010). Medical Eponyms: Time for a Name Change. In *Archives of Internal Medicine*. American Medical Association. No. 16. Pp. 1499-1500.
15. Whitworth, J. A. (2007). Should eponyms be abandoned? No. In *British Medical Journal*. BMJ Group. No. 335. P. 425.
16. Woywodt, A., Matteson, E. (2007). Should eponyms be abandoned? Yes. In *British Medical Journal*. BMJ Group. No. 335. P. 424.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Bolshaya psikhologicheskaya entsiklopediya* [Great Psychological Encyclopedia]. Available at: <https://psychology.academic.ru>. (accessed: 07.10.2022). (In Russ.).
2. *Psikhologicheskiy slovar* [Psychological Dictionary] / pod red. R. S. Nemov, Moskva: Gumanitar. izd. tsentr VLADOS, 2007. (In Russ.).
3. *Entsiklopedicheskiy slovar po psikhologii i pedagogike (svodnyy)* [Encyclopedic Dictionary of Psychology and Pedagogy (consolidated)]. Available at: <http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy>. (accessed: 07.10.2022). (In Russ.).
4. Chirkova, N. S. (2020). Sindrom Pitera Pena [The Peter Pan Syndrome]. In *Psihologiya dlya zhizni*. Zhurnal Moskovskoy sluzhby psihologicheskoy pomoshchi naseleniyu. No. 5. Pp. 38-42. (In Russ.).
5. *A Dictionary of Psychology* / Andrew M. Colman. Oxford: Oxford University Press, 2009.
6. *Medical Dictionary*. Available at: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com>. (accessed: 7.11.2022).
7. *Merriam-Webster Dictionary*. Available at: <https://merriam-webster.com> (accessed: 7.10.2022).
8. Gennaro, A. R., Gould, G. M. (1979). *Gould's medical dictionary*. New York: McGraw-Hill.
9. Mühlbauer, W., Holm, C., Wood, D. L. (2001). The thesites complex in plastic surgical patients. In *Plastic and reconstructive surgery*. Baltimore: Williams & Wilkins. No. 2. Pp. 319-326.

10. Eoyang, G., Black-Hughes, C., Smilonich, D. (1997). *The Robin Hood Syndrome: Street Gangs as Complex Adaptive Systems*. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.120.7098&rep=rep1&type=pdf>. (accessed: 07.10.2023).

11. Cau, C. (1999). The Alice in Wonderland syndrome. In *Minerva Medica*. Torino: Minerva Medica. No. 10. Pp 397-401.

Черкасова Мария Геннадиевна – аспирант кафедры теории и практики перевода (e-mail: m.cherkasova@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Cherkasova Mariya G. – Post-graduate student of Translation Studies Department (e-mail: m.cherkasova@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 18 октября 2022 г.

ПЕРЕВОД

УДК 81'25; 811.133.1

© 2022 Н. Е. Гапотченко

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПУБЛИЧНОГО ОБРАЩЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В.ПУТИНА К НАЦИИ 30 СЕНТЯБРЯ 2022 ГОДА С РУССКОГО НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассмотрены основные лингвостилистические особенности перевода обращения Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина к нации 30 сентября 2022 года с русского на французский язык. Проанализировано содержание текста, отдельные стилистические средства, использованные в обращении, а также основные приемы, актуализированные в тексте перевода обращения на французский язык. Представлены основные лексические и грамматические трансформации, имевшие место при переводе текста обращения. Указаны основные трудности, которые могли возникнуть при переводе текста обращения.

Ключевые слова: текст, переводчик, лингвостилистические особенности, лексические трансформации, грамматические трансформации, реалии, прецедентный текст.

© 2022 N. E. Gapotchenko

LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE TRANSLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION PRESIDENT V. V. PUTIN PUBLIC ADDRESS TO THE NATION ON SEPTEMBER 30, 2022, FROM RUSSIAN INTO FRENCH

The article discusses the main linguo-stylistic features of the translation of the Russian Federation President Vladimir Vladimirovich Putin address to the nation on September 30, 2022, from Russian into French. The content of the text, individual stylistic means used in the appeal, as well as the main techniques updated in the text of the translation of the appeal into French have been analyzed. The main lexical and grammatical transformations that took place during the translation of the text of the address have been presented. The main difficulties that could arise in the translation of the text of the appeal have been indicated.

Key words: text, translator, linguistic and stylistic features, lexical transformations, grammatical transformations, realities, precedent text.

В современном мире успешная межкультурная и межъязыковая коммуникация является важным инструментом для достижения взаимопонимания ее участниками и существования мирового социума. Роль переводчика в этом сложном процессе сравнима с функцией проводника, который проходит комплексный путь от восприятия исходного текста, его предпереводческого анализа, поиска эквивалентов, соответствий или контекстуально адекватных средств в языке перевода, которыми можно максимально передать смысл текста, до создания и редактирования текста перевода средствами другого уникального языка.

Кроме того, современная парадигма переводоведения в целом предполагает необходимость внимания со стороны переводчика не только к лексическим, грамматическим, стилистическим трансформациям, производимым при передаче исходного текста средствами языка перевода, но и, в значительной мере, к максимальной передаче в тексте перевода заложенных в исходном тексте социально значимых и культурных компонентов.

Анализ последних исследований и публикаций. Современное переводоведение является отдельным направлением лингвистической науки, учитывающим результаты научных работ ряда отечественных (Л. М. Алексеева, Н. К. Гарбовский, Н. Г. Гончар, Г. В. Денисова, И. Э. Ключанов, Л. В. Кушнина, В. В. Сдобников, Ю. А. Сорокин, В. Д. Табанакова, И. Н. Хайдарова, А. П. Чужакин) и зарубежных (М. Гидер, Ж-Кл. Жемар, А. Нойберг, Д. Селескович) исследователей. Проблемы перевода текстов общественно-политической направленности была предметом исследований В. В. Алимовой, В. Г. Гака, Г. М. Зиборовой, В. Н. Крупнова, М. Ледерер, Ж. Мунена, Б. А. Осокина, С. В. Трофимовой.

Каждый текст, особенно социально значимый, требует от переводчика профессионализма и внимательности. Отдельную сложность для перевода представляют официальные документы, в том числе, в области международной политики, законы, публичные выступления и речи лидеров государств, членов правительств, министров, политиков и других официальных лиц, поскольку профессиональный переводчик должен передать максимально смысл исходного текста в переводящем языке, как правило, создавая прецедентный текст для иноязычного массового адресата.

Отдельный коммуникативно значимый слой и, соответственно, объект исследования современных лингвистов представляют собой тексты выступлений лидеров стран (И. О. Вагин, Р. Гуд, М. Д. Гулей, Е. В. Дарьина, О. Н. Паршина, Е. Н. Сайгайдачная, А. Троньон, П. Шародо).

Современные исследователи отмечают, что интерес французской политики и социума к России как к геополитическому явлению велик и многогранен, он проявляется в различных аспектах ментальной и речезыковой презентации [Алферов, Кустова, Курашенко, 2022: 42], в том числе, в виде переводов текстов выступлений лидеров российской политики на французский язык.

Целью данной статьи является анализ основных лингвостилистических особенностей перевода публичного обращения Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина к нации 30 сентября 2022 года с русского на

французский язык.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих *задач*: определить коммуникативную природу и основные лингвостилистические особенности публичного обращения Президента РФ В.В.Путина, а также способы их перевода с русского на французский язык, проанализировать лексические и грамматические трансформации, актуализованные при переводе обращения на французский язык.

Объектом исследования является перевод текста публичного обращения Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина 30 сентября 2022 года с русского на французский язык.

Предметом исследования являются лингвостилистические особенности текста перевода указанного выше обращения Президента РФ В.В.Путина на французский язык.

30 сентября 2022 года президент Российской Федерации Владимир Путин выступил с обращением к обеим палатам Федерального Собрания Российской Федерации и анонсировал принятие в состав Российской Федерации четырех новых субъектов – ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. В своем обращении Президент кратко изложил исторические предпосылки сложившейся в выше указанных регионах ситуации, обратился к трагическим событиям 2014 года, указал на историческую общность народов указанных регионов и Российской Федерации, особенности постсоветского периода для этих территорий, обратился к солдатам и офицерам, участвующим в специальной военной операции, критически идентифицировал ожидания Запада и США относительно России и других стран, провел параллели с 1917 годом и периодом распада Советского Союза, спрогнозировал комплекс будущих, перспективных ценностей российского общества и политики.

Обращение получило большую популярность в различных СМИ, было переведено на многие языки, в том числе и на французский. Анализируемый текст обращения относится скорее к ориентационному жанру коммуникации, поскольку в нем представлен не только информационный посыл о присоединении четырех регионов, но и даются сведения, ориентирующие адресата в исторических, политических, культурных предпосылках и перспективах данного события [Шейгал, 2000: 270].

Переводческое пространство, в котором работает профессиональный переводчик с официальным документом, в данном случае – с текстом обращения, ориентированным на массового адресата, отличается многокомпонентностью [Gémar, 1996: 495-505; Mazière, 2005: 38-39] и подчеркивает сложность задания переводчика – создать гармоничный прецедентный перевод, который является конечной целью всей

деятельности и достигается лишь в случае высококачественного перевода [Лингвокультурный компонент, 2014: 32]. При этом переводчик именно переводит официальный текст, а не интерпретирует его [Гапотченко, 2017: 46-47].

Смысл текста состоит в том, что именно в него хочет вложить автор, а также в том, что из этого текста в информативном плане извлекает адресат [Будаев, Чудинов, 2011: 200-201]. Реализуя перевод текста, переводчик активно переносит смысл исходного текста на одном языке в другой язык, культуру и социум, учитывая тот факт, что именно смысл является ключевым понятием в процессе перевода, представляя собой своеобразное мысленное содержание, имеющее одновременно когнитивную и аффективную природу [Тимко, 2007: 7-8]. При переводе текста переводчик видит комплекс образов, составляющих смысл исходного текста, которые должны быть воплощены в тексте перевода и которые он должен профессионально передать средствами языка перевода [Seleskovich, Lederer, 1984: 215].

Как показывает анализ практического материала данного исследования, при переводе текста обращения используются лексические единицы с четким денотатом, соответствующие тезаурусу переводчика. Одним из показательных приемов, используемых переводчиком, является дифференциация на уровне лексики во избежание употребления одного и того же слова в переводе. Так, в русском оригинале обращения существительное *люди* употребляется для номинации жителей четырех регионов, вошедших в состав Российской Федерации, при этом акцентируется внимание на активной роли этих людей в процессе и принятии данного решения: *Люди свой выбор сделали* ‘Les gens ont fait leur choix’; ...*потому что это воля миллионов людей* ‘car c’est la volonté de millions de personnes’; *Повторю: это неотъемлемое право людей* ‘Je le répète: c’est un droit inaliénable du peuple’. Фактически в русском оригинале использована одна номинанта для общего понятия НАРОД – *люди (людей)*. В тексте же перевода используются смежные, синонимичные номинанты понятия НАРОД – *les gens, personnes, du peuple* (буквально на русском языке – *люди, люди, народ*) [Фатьянова, 2022: 17-19].

С целью максимально адекватно донести информационный посыл до адресата переводчик также использует смысловое согласование (термин В. Г. Гака) [Гак, 2010]: *боевые командиры* ‘les commandants de bataillons’, которое позволяет избежать неоправданной минимализации и искажения значения русского термина, возможной при дословном переводе. Франкоязычный адресат извлекает из этого перевода информацию о командирах, которые осуществляют руководство своими подчиненными не только на поле боя.

При переводе обращения были использованы и другие виды лексических трансформаций. Например, адаптация *старуки* ‘des personnes âgées’ позволила за счет французского национального перифрастичного эвфемизма приблизить контекст к реалиям французского общества, где даже об очень пожилых людях принято говорить *personnes du troisième âge* (дословно на русском ‘люди третьего возраста’), так как французы не любят говорить о неприятных для них моментах в жизни и о том, что с этими моментами имплицитно связано – о болезнях, одиночестве, проживании вдали от детей итд. В русскоязычной же лингвокультуре старость ассоциируется с периодом достижений человека, которые он накопил за всю жизнь, опытом, мудростью, а, значит, заслуженным уважением и бережным отношением со стороны окружающих.

При переводе также был использован прием амплификации для экспликации глагола-связки, подразумеваемого в эллиптическом предложении оригинала. Во французском предложении обязательно употребление по меньшей мере глагола-связки *être* в третьем лице единственного числа, но переводчик выбирает французский глагол *se cacher* (*скрываться, прятаться*) с семантикой, которая позволяет метафоризировать контекст за счет употребления традиционной метафоры:

За выбором миллионов жителей в Донецкой и Луганской народных республиках, в Запорожской и Херсонской областях – наша общая судьба и тысячелетняя история.

Derrière le choix de millions de personnes dans les Républiques Populaires de Donetsk et de Lougansk et dans les régions de Zaporojié et de Kherson se cache notre destin commun et une histoire millénaire.

В переводе следующего фрагмента была задействована конкретизация. Если в оригинале оратор вежливо и имплицитно указывает, что западные элиты делят всех в мире на первый сорт и других, то переводчик конкретизировал, что иной сорт означает не преимущества перед первым, например, речь идет о премиум сорте, а именно о втором, низшем:

Они дискриминируют, разделяют народы на первый и иной сорта.

Ils font de la discrimination, ils divisent les peuples en deux classes, la première et la seconde.

В приведенном ниже примере при переводе была актуализирована генерализация *заикаться* ‘parler’ (дословно *говорить*), потому что во французском языке дословно переведенный глагол *заикаться* будет иметь значение, прямо связанное с нарушением речи и франкоязычный адресат ошибочно поймет интенцию русскоязычного оратора, переданную таким образом на родном французском языке. Кроме того, переводчик в этом

фрагменте использовал конвергентно целый ряд приемов – синтаксическую трансформацию структуры фразы, употребив *этот Запад* ‘*Cet Occident*’ в качестве подлежащего, а не косвенного дополнения, одушевив *Запад* в тексте перевода *Cet Occident n’a aucun droit moral de l’évaluer ou même de parler*. Экспликация, комбинированная с переводческим комментарием, была использована для уточнения фразы из обращения *Нет и не было никогда!* Переводчик перевел этот фрагмент *Ils ne l’ont pas fait et ne l’ont jamais eu!*, что дословно на русском означает ‘*Они этого не делали и никогда не имели*’:

Никакого морального права давать ему оценки, даже заикаться о свободе демократии у этого Запада нет. Нет и не было никогда!

Cet Occident n’a aucun droit moral de l’évaluer ou même de parler de la liberté de la démocratie. Ils ne l’ont pas fait et ne l’ont jamais eu!

Кроме того, при передаче русского текста средствами французского языка переводчик должен учитывать тот факт, что дейктические образы в обеих культурах имеют оригинальную (индивидуальную) значимость и могут не совпадать. Например, анализ данного перевода позволяет сделать вывод о том, что переводческое время не обязательно совпадает с грамматическим временем оригинала [Гак, 2010: 154-156]. Так, в следующем далее примере в русском языке используется будущее время и эллиптическая синтаксическая конструкция, акцентирующая внимание адресата на действии, а не на исполнителе. В тексте перевода использовано настоящее время изъявительного наклонения, которое позволяет подчеркнуть динамичность действия, настойчивость оратора. Кроме того, в переводе согласно нормам современной французской грамматики необходимо было актуализировать подлежащее – местоимение *je* (*я*). Переводчик также включает в текст добавление в виде местоимения *le* (*это*), очевидно, с целью анафорической отсылки к уже изложенному.

Повторю: это неотъемлемое право людей...

Je le répète : c’est un droit inaliénable du peuple...

В тексте перевода встречаются грамматические трансформации опущения, которые позволяют избежать акцентирования внимания на семантически избыточных элементах, но смещают внимание на переданные в переводе элементы:

Это воины Донбасса, мученики «Одесской Хатыни», жертвы бесчеловечных терактов, устроенных киевским режимом.

Il s’agit des combattants du Donbass, des martyrs du Khatyn d’Odessa et des victimes des

attaques terroristes inhumaines du régime de Kiev.

Традиционно реалии составляют отдельную сложность для перевода. С одной стороны, употребление в одном контексте большого количества реалий обогащает его национальный колорит, но, с другой стороны, обилие реалий значительно усложняет не только работу переводчика, но и восприятие информации лингвокультурного характера иноязычным адресатом. Поскольку анализируемый текст обращения содержит большое количество реалий российской культуры и истории, фразеологизмов переводчик должен обладать глубокими фоновыми знаниями и обращаться к ним, чтобы преодолеть сложности в поиске эквивалентов для слов-реалий. Сопоставительный анализ фрагментов оригинала обращения и его перевода позволяет сделать выводы о том, что при передаче текста оригинала переводчик учитывает образы, характерные для двух языков. Для передачи реалий российской истории, политики, культуры закономерно используются традиционные, прецедентные способы. Но в поиске максимально адекватных и контекстуально обусловленных способов и средств перевода с целью передачи смысла текста переводчик вычленяет заложенные в тексте оригинала эксплицитные и имплицитные смыслы и стремится максимально их передать средствами языка перевода и в соответствии с типичными для французской лингвокультуры образами. Так, фрагмент исходного текста *с народом, который не умеет и никогда не будет жить по чужой указке* 'avec un peuple qui ne peut pas et ne veut pas vivre selon les ordres de quelqu'un d'autre' содержит фразеологизм *жить по чужой указке*. Несмотря на многообразие вариантов перевода этого фразеологизма на французский язык, переводчик остановился на *vivre selon les ordres de quelqu'un d'autre*, поскольку этот стилистический вариант наиболее контекстуально и в смысловом плане соответствует русскому фрагменту [Глоба, 2018: 42-44].

При переводе обращения переводчик прибегает ко всем традиционным грамматическим трансформациям [Гак, Григорьев, 2008: 21-25]. Так, в следующем примере перестановка на уровне синтаксиса объясняется необходимостью прямого порядка слов, характерной для современного французского языка:

Вы знаете, в Донецкой и Луганской народных республиках, Запорожской и Херсонской областях состоялись референдумы.

Vous savez que des référendums ont été organisés dans les Républiques Populaires de Donetsk et de Lougansk, ainsi que dans les régions de Zaporojié et de Kherson.

Кроме того, переводчик может актуализировать двойные и даже тройные конвергентные трансформации. Так, в следующем примере при переводе используется не

только перестановка, но и морфологическая замена прилагательного на существительное с предлогом, имеющим отрицательное значение, то есть фактически имеет место тройная трансформация, включающая прием антонимического перевода:

Люди свой выбор сделали, однозначный выбор.

Les gens ont fait leur choix, un choix sans ambiguïté.

В тексте перевода присутствуют также грамматические трансформации добавления. Например, в следующем фрагменте перевода на французский язык используется обязательное добавление личного безударного местоимения *je* (я) поскольку в современном французском языке невозможно использование односоставного, эллиптического предложения с глаголом в первом лице единственного числа в значении сказуемого:

Уверен, что Федеральное Собрание поддержит конституционные законы о принятии и образовании в России четырёх новых регионов...

Je suis sûr que l'Assemblée fédérale soutiendra les lois constitutionnelles sur l'admission et la formation de quatre nouvelles régions en Russie...

Традиционное для французского языка добавление притяжательных местоимений является еще одной лингвостилистической особенностью перевода текста анализируемого обращения: *говорить на родном языке* 'parler leur langue maternelle', *за право жить* 'pour leur droit de vivre'.

Поскольку текст обращения содержит информацию о реалиях и истории России, важным фактором в понимании франкоязычным получателем информации является заполнение информационных лакун. Если в переводе художественных текстов и материалов СМИ возможны многочисленные послетекстовые экспликативные примечания, то при передаче смысла официального текста в языке перевода представление примечаний (комментариев) с целью дать дополнительные пояснения является исключительно окказиональным [Lederer, 1994: 55]. Действительно, анализируемый текст перевода не сопровождается комментариями переводчика. Но переводчик дает полную вводную информацию о том, что за текст представлен далее, кто и по какому случаю выступил с обращением перед текстом перевода:

Voici le discours intégral avec traduction simultanée en français de Vladimir Poutine à l'occasion de la signature des documents d'accession de 4 régions d'Ukraine à la Russie. Il est suivi de la cérémonie de signature des documents.

Отдельной сложностью при письменном переводе с русского на французский язык является письменное редактирование текста перевода. Это связано с тем, что в

современном мире видео- и аудиокommunikация занимают значительное место в коммуникативном пространстве в целом [Gémar, 1996: 498]. Кроме того, для грамотного редактирования письменного текста на французском языке необходимо учитывать ряд особенностей и норм – соблюдение во французской орфографии нескольких основных принципов – фонетического, фонетико-графического, морфологического, исторического, дифференцирующего, этимологического; соблюдение согласования времен и др.

Анализ основных лингвостилистических особенностей перевода текста публичного обращения Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина с русского на французский язык позволяет сделать некоторые **выводы**. Содержательный аспект исследованного текста связан с освещением важных социальных, политических, экономических, культурных событий российского общества.

В русскоязычном оригинале исследуемого текста обращения актуализирован ряд эффективных лингвостилистических средств, способствующих реализации общей интенции оратора. При переводе текста обращения были учтены требования, предъявляемые к официальным текстам во французской лингвокультуре. Перевод текста обращения Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина носит прецедентный характер.

Переводчик избегает комментариев и примечаний при передаче текста официального обращения. Особенности системы орфографии и грамматики современного французского языка и реалий являются фактором, осложняющим перевод и редактирование текста обращения.

В процессе перевода привлекается целый комплекс разнообразных приемов, лексических и грамматических трансформаций, обусловленных как индивидуальным выбором переводчика, так и необходимостью четкого соблюдения норм современного французского языка.

Тематика отдельного научного исследования может быть связана с анализом особенностей перевода с русского на французский язык реалий и фразеологизмов, употребленных в тексте изучаемого обращения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Курашенко И. Р. Лингвистический взгляд на политическую концептологию: Россия в парламентском дискурсе современной Франции // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2022. Т. 18. Вып. 1 (55). С. 42-52.

2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал, 2011. 252 с.

3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Москва: Либроком, 2010. 288 с.
4. Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода. Москва: Интердиалект, 2003. 456 с.
5. Гапотченко Н. Е. Особенности перевода официальных общественно-политических текстов с русского на французский язык // Иностранные языки и перевод в высшей школе. Донецк: ДонНУ, 2017. Вып. 3. С. 45-51.
6. Глоба Т. Н. Стилистические особенности французских фразеологических синонимов // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2018. Т. 14. Вып. 1 (39). С. 38-47.
7. Лингвокультурный компонент в переводческом пространстве: коллективная монография / отв. ред. Э. М. Рянская. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 135 с.
8. Тимко Н. В. Фактор «культура» в переводе. 2-е изд., дополн. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. 154 с.
9. Фатьянова И. В. Лингвальное воплощение концепта *PEOPLE* в американском политическом дискурсе XX-XXI ст. // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2022. Т. 18. Вып. 1 (55). С. 5-30.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2000. 31 с.
11. Gémard J.-Cl. Les sept principes cardinaux d'une didactique de la traduction // *Meta: journal des traducteurs*. 1996. Vol. 41. № 3. P. 495-505.
12. Lederer M. La traduction aujourd'hui: le modèle interpretatif. Paris: Hachette, 1994. 196 p.
13. Mazière F. L'analyse du discours. Paris: Presses Universitaires de France, 2005. 128 p.
14. Seleskovich D., Lederer M. Interpréter pour traduire. Méthode de traduction. Paris: Didier, 1984. 312 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Стенограмма обращения Президента Российской Федерации Владимира Путина 30 сентября 2022 года. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69390>. (дата обращения 09.10.2022).
2. Discours de Vladimir Poutine à l'occasion de la signature des traités acceptant la RPD, la RPL, et les oblasts de Zaporijia et de Kherson comme faisant partie de la Russie. Доступ: <https://reseauinternational.net/discours-integral-de-vladimir-routine>. (дата обращения 09.10.2022).

REFERENCES

1. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu., Kurashenko, I. R. (2022). *Lingvisticheskiy vzglyad na politicheskuyu kontseptologiyu: Rossiya v parlamentskom diskurse sovremennoy Frantsii* [Linguistic view of political conceptology: Russia in the parliamentary discourse of modern France]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 18. Vyp. 1 (55). Pp. 42-52. (In Russ.).
2. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2011). *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics]. Ekaterinburg: Ural. (In Russ.).
3. Gak, V. G. (2010). *Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of French and Russian languages]. Moskva: Librokom. (In Russ.).
4. Gak, V. G., Grigorev, B. B. (2008). *Teoriya i praktika perevoda* [Translation Theory and Practice]. Moskva: Interdiakt. (In Russ.).

5. Gapotchenko, N. E. (2017). Osobennosti perevoda ofitsialnykh obshchestvenno-politicheskikh tekstov s russkogo na frantsuzskiy yazyk [Features of the translation of official socio-political texts from Russian into French]. In *Inostrannyye yazyki i perevod v vysshey shkole*. Donetsk: DonNU. Vyp. 3. Pp. 45-51. (In Russ.).

6. Globa, T. N. (2018). Stilisticheskie osobennosti frantsuzskikh frazeologicheskikh sinonimov [Stylistic features of French phraseological synonyms]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 14. Vyp. 1 (39). Pp. 38-47.

7. *Lingvokulturnyy komponent v perevodcheskom prostranstve* [Linguistic and cultural component in the translation space]: kollektivnaya monografiya / otv. red. E. M. Ryanskaya. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2014. (In Russ.).

8. Timko, N. V. (2007). *Faktor «kultura» v perevode* [«Culture» factor in translation]. 2-e izd., dopoln. Kursk: Kursk. gos. un-t.

9. Fatyanova, I. V. (2022). Lingvalnoe voploshchenie kontsepta PEOPLE v amerikanskom politicheskom diskurse XX-XXI st [Lingual embodiment of the PEOPLE concept in the American political discourse of the XX-XXI centuries]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 18. Vyp.1 (55). Pp. 5-30.

10. Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Volgograd. (In Russ.).

11. Gémar, J.-Cl. (1996). Les sept principes cardinaux d'une didactique de la traduction. In *Meta: journal des traducteurs*. Vol. 41. No. 3. Pp. 495-505.

12. Lederer, M. (1994). *La traduction aujourd'hui: le modèle interprétatif*. Paris: Hachette.

13. Mazière, F. (2005). *L'analyse du discours*. Paris: Presses Universitaires de France.

14. Seleskovich, D., Lederer, M. (1984). *Interpréter pour traduire. Méthode de traduction*. Paris: Didier.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Stenogramma obrashcheniya Prezidenta Rossiiskoy Federatsii Vladimira Putina 30 sentyabrya 2022 goda* [Shorthand Raport of the Russian Federation Presedent V. V. Putin Public Adress to the Nation on September 30, 2022]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69390>. (accessed: 09.10.2022).

2. *Discours de Vladimir Poutine à l'occasion de la signature des traités acceptant la RPD, la RPL, et les oblasts de Zaporijia et de Kherson comme faisant partie de la Russie*. Available at: <https://reseauinternational.net/discours-integral-de-vladimir-poutine>. (accessed: 09.10.2022).

Гяпотченко Надежда Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии (e-mail: n.gapotchenko@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Gapotchenko Nadezhda E. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Romance Philology Department (e-mail: n.gapotchenko@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 10 октября 2022 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 18 Выпуск 3 (57) 2022

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 19.01.2023 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 14,41.
Тираж 100 экз. Заказ № 23янв06/2.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.